

БИЛИНГВА
BESTSELLER

IF I STAY

Gayle Forman

ЕСЛИ Я
ОСТАНУСЬ

Гейл Форман

БИЛИНГВА
BESTSELLER

БИЛИНГВА BESTSELLER

IF I STAY

Gayle Forman

**ЕСЛИ Я
ОСТАНУСЬ**

Гейл Форман

Москва
2018

FOR NICK

Finally...

Always

7:09 A.M.

Everyone thinks it was because of the snow. And in a way, I suppose that's true.

I wake up this morning to a thin blanket of white covering our front lawn. It isn't even an inch, but in this part of Oregon a slight dusting brings everything to a standstill as the one snowplow in the county gets busy clearing the roads. It is wet water that drops from the sky — and drops and drops and drops — not the frozen kind.

It is enough snow to cancel school. My little brother, Teddy, lets out a war whoop when Mom's AM radio announces the closures.

"Snow day!" he bellows. "Dad, let's go make a snowman."

My dad smiles and taps on his pipe. He started smoking one recently as part of this whole 1950s, Father Knows Best retro kick he is on. He also wears bow ties. I am never quite clear on whether all this is sartorial or sardonic — Dad's way of an-

Нику

Наконец-то...

Навсегда

07:09

Все думают, что это случилось из-за снега. В каком-то смысле, наверное, так и есть.

Я проснулась утром, а газон перед нашим домом укрыт легким белым покрывалом. Оно лишь сантиметра три толщиной, но в этой части Орегона все, как правило, замирает, едва посыплет даже легкий снежок, потому что на всю округу единственный снегоочиститель и тот трудится на расчистке дорог. Здесь у нас с неба обычно падает мокрая — кап-кап-кап, — а не замороженная вода.

В общем, снега достаточно, чтобы не идти в школу. Мой младший брат Тедди издает боевой клич, когда мамино утреннее радио объявляет об отмене занятий.

— День снега! — вопит братишка. — Пап, пойдем лепить снеговика.

Папа улыбается и постукивает по трубке. Он начал курить ее недавно, когда вдруг увлекся этим старым сериалом «Папе видней», популярным в пятидесятые годы. Еще он носит галстуки-бабочки. Я никак не могу понять — то ли его

nouncing that he used to be a punker but is now a middle-school English teacher, or if becoming a teacher has actually turned my dad into this genuine throwback. But I like the smell of the pipe tobacco. It is sweet and smoky, and reminds me of winters and woodstoves.

“You can make a valiant try,” Dad tells Teddy. “But it’s hardly sticking to the roads. Maybe you should consider a snow amoeba.”

I can tell Dad is happy. Barely an inch of snow means that all the schools in the county are closed, including my high school and the middle school where Dad works, so it’s an unexpected day off for him, too. My mother, who works for a travel agent in town, clicks off the radio and pours herself a second cup of coffee.

“Well, if you lot are playing hooky today, no way I’m going to work. It’s simply not right.” She picks up the telephone to call in. When she’s done, she looks at us. “Should I make breakfast?”

Dad and I guffaw at the same time. Mom makes cereal and toast. Dad’s the cook in the family.

Pretending not to hear us, she reaches into the cabinet for a box of Bisquick.

новый образ — это верх элегантности, то ли папа просто насмехается и таким способом сообщает, что когда-то был панком, а теперь учит детей в средней школе, то ли учительство и в самом деле превратило его в завязанного консерватора. Но запах трубочного табака мне нравится: он сладковатый и дымный — и напоминает о зиме и дровяных печах.

— Ты, конечно, можешь предпринять героическую попытку, — отвечает Тедди папа. — Но вряд ли на дорожках хоть что-то залежалось. Пожалуй, сейчас у тебя лучше получится снежная амеба.

Я знаю, папа счастлив. Жалких три сантиметра снега означают, что все школы округа закрыты, включая мою старшую и среднюю, где преподает папа, — так что для него это тоже неожиданный выходной. Мама, работающая в туристическом агентстве нашего городка, выключает радио и наливает себе вторую чашку кофе.

— Ну, раз вы все сегодня бездельничаете, то я уж точно не поеду работать. Это просто несправедливо. — Она берет телефон и звонит на работу; закончив разговор, смотрит на нас: — Мне что, теперь завтрак готовить?

Мы с папой хором хохочем: мама «готовит» кукурузные хлопья и тосты. Повар у нас папа.

Притворяясь, что не слышит нашего хохота, она достает из шкафчика коробку «Бисквика».

“Please. How hard can it be? Who wants pancakes?”

“I do! I do!” Teddy yells. “Can we have chocolate chips in them?”

“I don’t see why not,” Mom replies.

“Woo hoo!” Teddy yelps, waving his arms in the air.

“You have far too much energy for this early in the morning,” I tease. I turn to Mom. “Maybe you shouldn’t let Teddy drink so much coffee.”

“I’ve switched him to decaf,” Mom volleys back. “He’s just naturally exuberant.”

“As long as you’re not switching me to decaf,” I say.

“That would be child abuse,” Dad says.

Mom hands me a steaming mug and the newspaper.

“There’s a nice picture of your young man in there,” she says.

“Really? A picture?”

“Yep. It’s about the most we’ve seen of him since summer,” Mom says, giving me a sidelong glance with her eyebrow arched, her version of a soul-searching stare.

“I know,” I say, and then without meaning to, I sigh.

Adam’s band, Shooting Star, is on an upward spiral, which, is a great thing — mostly.

— Ну ладно, вряд ли это так сложно. Кто хочет оладий?

— Я, я хочу! — подпрыгивает Тедди. — А можно с шоколадной стружкой?

— Не вижу препятствий, — отвечает мама.

— Ура-а! — вопит Тедди, размахивая руками.

— Что-то у тебя многовато энергии для столь раннего утра, — поддразниваю я и поворачиваюсь к маме: — Пожалуй, тебе не стоит позволять Тедди пить так много кофе.

— Я уже давно завариваю ему без кофеина, — парирует мама. — Он просто буен от природы.

— Главное — мне не заваривай без кофеина, — сдаюсь я.

— Ну, это уже было бы насилие над ребенком, — замечает папа.

Мама вручает мне дымящуюся кружку и газету.

— Там отличная фотография твоего красавчика.

— Правда? Неужели фотография?

— Ага. Кажется, с лета мы большего и не видели. — Мама поднимает брови и смотрит на меня искоса — так она «заглядывает в душу».

— Это да, — отвечаю я, невольно вздыхая.

«Звездопад», так называется группа Адама, быстро набирает популярность, и это прекрасно по большей части.

“Ah, fame, wasted on the youth,” Dad says, but he’s smiling. I know he’s excited for Adam. Proud even.

I leaf through the newspaper to the calendar section. There’s a small blurb about Shooting Star, with an even smaller picture of the four of them, next to a big article about Bikini and a huge picture of the band’s lead singer: punk-rock diva Brooke Vega. The bit about them basically says that local band Shooting Star is opening for Bikini on the Portland leg of Bikini’s national tour. It doesn’t mention the even-bigger-to-me news that last night Shooting Star headlined at a club in Seattle and, according to the text Adam sent me at midnight, sold out the place.

“Are you going tonight?” Dad asks.

“I was planning to. It depends if they shut down the whole state on account of the snow.”

“It is approaching a blizzard,” Dad says, pointing to a single snowflake floating its way to the earth.

“I’m also supposed to rehearse with some pianist from the college that Professor Christie dug up.”

Professor Christie, a retired music teacher at the university who I’ve been working with for the last few years, is always looking for victims for me to play with. “Keep you sharp so you can show all those Juilliard snobs how it’s really done,” she says.

— Ах, слава молодым не впрок, — изрекает папа, но при этом улыбается. Я знаю, он очень рад за Адама. Даже горд.

Я пролистываю газету до календарного раздела. Там маленькая информационная врезка о «Звездопаде» с еще меньшей фотографией всей четверки, а рядом большая статья про «Бикини» и огромный снимок их вокалистки, панк-рок-дивы Брук Веги. О ребятах сказано только, что «местная группа «Звездопад» выступит на разогреве у «Бикини» на портлендском отрезке гастрольного тура звезд панк-рока по стране». В статье не упоминаются куда более важные для меня новости: вчера вечером «Звездопад» был хедлайнером в одном из клубов Сиэтла и, судя по эсэмэске, которую Адам прислал мне в полночь, собрал полный зал.

— Едешь сегодня? — спрашивает папа.

— Собиралась. Если весь штат не парализует из-за снега.

— И в самом деле, ведь надвигается метель. — Папа указывает на одинокую снежинку, неторопливо плывущую к земле.

— Еще я, кажется, буду репетировать с каким-то пианистом из университета, его профессор Кристи где-то откопала.

Профессор Кристи, университетская преподавательница музыки на пенсии, у которой я занимаюсь последние несколько лет, все время ищет новые жертвы — с кем я могла бы сыграть. «Держи себя в форме, и ты еще покажешь всем этим

I haven't gotten into Juilliard yet, but my audition went really well. The Bach suite and the Shostakovich had both flown out of me like never before, like my fingers were just an extension of the strings and bow. When I'd finished playing, panting, my legs shaking from pressing together so hard, one judge had clapped a little, which I guess doesn't happen very often.

As I'd shuffled out, that same judge had told me that it had been a long time since the school had "seen an Oregon country girl." Professor Christie had taken that to mean a guaranteed acceptance. I wasn't so sure that was true. And I wasn't 100 percent sure that I wanted it to be true. Just like with Shooting Star's meteoric rise, my admission to Juilliard — if it happens — will create certain complications, or, more accurately, would compound the complications that have already cropped up in the last few months.

"I need more coffee. Anyone else?" Mom asks, hovering over me with the ancient percolator.

I sniff the coffee, the rich, black, oily French roast we all prefer. The smell alone perks me up.

"I'm pondering going back to bed," I say. "My cello's at school, so I can't even practice."

снобам из Джульярда, что значит настоящее исполнение», — говорит она.

Я еще не поступила в Джульярд, но прослушивание прошло чрезвычайно удачно. И баховская сюита, и Шостакович лились из меня так, как никогда прежде, — будто мои пальцы стали живым продолжением струн и смычка. Когда я закончила играть — тяжело дыша и с дрожью в ногах, оттого что слишком сильно их сжимала, — один из членов комиссии даже похлопал, а это, как мне кажется, случается не так уж часто.

Когда я выползла за дверь, тот же самый экзаменатор сказал мне, что их консерватория давно «не видела деревенских девочек из Орегона». Профессор Кристи сочла это добрым знаком и уже не сомневалась в моем зачислении, в отличие от меня. К тому же я и сама толком не знала, хочу я этого или нет. Как и стремительный взлет группы Адама, мое поступление в Джульярд, если оно, конечно, состоится, создаст некоторые сложности или, точнее, усугубит те, что возникли в последние несколько месяцев.

— Я хочу еще кофе, кто со мной? — спрашивает мама, нависая надо мной с древней кофеваркой.

Я вдыхаю аромат кофе — густого, черного, французской масляной обжарки, как мы все любим. Один только запах меня уже бодрит.

— Я-то подумываю, не пойти ли еще поспать, — говорю я. — Виолончель в школе. Так что я даже позаниматься не могу.

“Not practice? For twenty-four hours? Be still, my broken heart,” Mom says. Though she has acquired a taste for classical music over the years—“it’s like learning to appreciate a stinky cheese”—she’s been a not-always-delighted captive audience for many of my marathon rehearsals.

I hear a crash and a boom coming from upstairs. Teddy is pounding on his drum kit. It used to belong to Dad. Back when he’d played drums in a big-in-our-town, unknown-anywhere-else band, back when he’d worked at a record store.

Dad grins at Teddy’s noise, and seeing that, I feel a familiar pang. I know it’s silly but I have always wondered if Dad is disappointed that I didn’t become a rock chick. I’d meant to. Then, in third grade, I’d wandered over to the cello in music class — it looked almost human to me. It looked like if you played it, it would tell you secrets, so I started playing. It’s been almost ten years now and I haven’t stopped.

“So much for going back to sleep,” Mom yells over Teddy’s noise.

“What do you know, the snow’s already melting.” Dad says, puffing on his pipe.

I go to the back door and peek outside. A patch of sunlight has broken through the clouds, and

— Не будешь заниматься? Целых двадцать четыре часа?! «Молчи, молчи, разбитая душа», — восклицает мама. Хотя она и приобрела с годами некоторый вкус к классической музыке — «с этим как с вонючими сырами: постепенно начинаешь разбираться», — но невольное прослушивание моих марафонских репетиций не всегда приводит ее в восторг.

Со второго этажа доносится лязг и грохот: Тедди лупит по своей барабанной установке. Вообще-то она папина — была когда-то, когда он играл в широко известной в узких кругах жителей нашего городка группе и работал в музыкальном магазине.

Я вижу папину довольную улыбку и чувствую привычный укор совести. Знаю, это глупо, но меня всегда мучил вопрос, не расстроен ли папа, что я не пошла в рок-музыку. В общем-то я и собиралась, но в третьем классе на уроке музыки вдруг увидела виолончель, и она показалась мне совершенно живой. Казалось, если на ней играть, она откроет множество секретов, так что я начала учиться. Прошло уже почти десять лет, а я все продолжаю.

— Слишком шумно, чтобы спать, — перебивает мама грохот барабанов.

— А знаете что, — говорит папа, попыхивая трубкой, — снег-то уже тает.

Я иду к задней двери и выглядываю наружу. Сквозь облака пробилось солнце, и слышен шо-

I can hear the hiss of the ice melting. I close the door and go back to the table.

"I think the county overreacted," I say.

"Maybe. But they can't un-cancel school. Horse is already out of the barn, and I already called in for the day off," Mom says.

"Indeed. But we might take advantage of this unexpected boon and go somewhere," Dad says. "Take a drive. Visit Henry and Willow."

Henry and Willow are some of Mom and Dad's old music friends who'd also had a kid and decided to start behaving like grown-ups. They live in a big old farmhouse. Henry does Web stuff from the barn they converted into a home office and Willow works at a nearby hospital. They have a baby girl. That's the real reason Mom and Dad want to go out there. Teddy having just turned eight and me being seventeen means that we are long past giving off that sour-milk smell that makes adults melt.

"We can stop at BookBarn on the way back," Mom says, as if to entice me.

BookBarn is a giant, dusty old used-book store. In the back they keep a stash of twenty-five-cent classical records that nobody ever seems to buy except me. I keep a pile of them hidden under my bed.

рох тающего льда. Я закрываю дверь и возвращаюсь к столу, замечая:

— Похоже, округ погорячился.

— Возможно, но отменить отмену школы уже нельзя. Что сделано, то сделано, я уже взяла выходной, — радуется мама.

— Именно. Но мы можем извлечь пользу из этого неожиданного подарка судьбы и куда-нибудь поехать, — предлагает папа. — Прокатимся. Навестим Генри с Уиллоу.

Генри и Уиллоу — давние друзья родителей из музыкальной тусовки; у них тоже появился ребенок, и они решили начать вести себя как взрослые. Живут они в большом старом фермерском доме. Генри приспособил сарай под домашний офис и занимается там компьютерным дизайном, а Уиллоу работает в ближайшей больнице. У них маленькая дочка. Именно она — истинная причина, по которой мама с папой хотят туда поехать. Тедди только что исполнилось восемь, мне семнадцать, а значит, из нас уже давно выветрился тот кисловатый молочный запах, от которого так млеют взрослые.

— А на обратном пути можем заглянуть в «БукБарн». — Похоже, мама меня заманивает.

«Бук-Барн» — это огромный пыльный старый магазин подержанных книг. В дальнем углу у них сложены двадцатипятицентовые записи классической музыки, которые, кажется, никто, кроме меня, никогда не покупал. А я прячу це-

A collection of classical records is not the kind of thing you advertise.

I've shown them to Adam, but that was only after we'd already been together for five months. I'd expected him to laugh. He's such the cool guy with his pegged jeans and black low-tops, his effortlessly beat-up punk-rock tees and his subtle tattoos. He is so not the kind of guy to end up with someone like me. Which was why when I'd first spotted him watching me at the music studios at school two years ago, I'd been convinced he was making fun of me and I'd hidden from him. Anyhow, he hadn't laughed. It turned out he had a dusty collection of punk-rock records under his bed.

"We can also stop by Gran and Gramps for an early dinner," Dad says, already reaching for the phone. "We'll have you back in plenty of time to get to Portland," he adds as he dials.

"I'm in," I say.

It isn't the lure of BookBarn, or the fact that Adam is on tour, or that my best friend, Kim, is busy doing yearbook stuff. It isn't even that my cello is at school or that I could stay home and watch TV or sleep. I'd actually rather go off with my family. This is another thing you don't advertise about yourself, but Adam gets that, too.

лую гору их под кроватью. Коллекция классической музыки — не то, о чем станешь рассказывать всем и каждому.

Я показала ее Адаму, но только после того, как мы пробыли вместе пять месяцев. Я думала, он будет смеяться. А как же иначе — такой крутой парень, в зауженных джинсах, черных полукедах, с полным набором грамотно потрепанных панк-рокерских футболок и с изысканными татуировками на теле. Он совсем не из тех, кто обращает внимание на таких, как я. Вот почему два года назад, впервые поймав его взгляд в школьной музыкальной студии, я была совершенно уверена, что Адам потешается надо мной, и старалась не попадаться ему на глаза. Как бы там ни было, но смеяться он не стал. Оказалось, у него под кроватью пылится коллекция панк-рока.

— А еще можно заскочить на полдник к бабушке с дедушкой, — говорит папа, уже протягивая руку к телефону. — Потом вернемся, и у тебя останется куча времени, чтобы добраться до Портленда, — добавляет он, набирая номер.

— Я за, — соглашаюсь я.

Дело вовсе не в притягательности «Бук-Барна» и не в том, что Адам на гастролях, а моя лучшая подруга Ким занята подготовкой выпускного фотоальбома. И даже не в том, что моя виолончель в школе и мне выдалась возможность остаться дома, посмотреть телевизор или поспать. Я и в самом деле с удовольствием куда-нибудь съезжу

“Teddy,” Dad calls. “Get dressed. We’re going on an adventure.”

Teddy finishes off his drum solo with a crash of cymbals. A moment later he’s bounding into the kitchen fully dressed, as if he’d pulled on his clothes while careening down the steep wooden staircase of our drafty Victorian house.

“School’s out for summer...” he sings.

“Alice Cooper?” Dad asks. “Have we no standards? At least sing the Ramones.”

“School’s out forever,” Teddy sings over Dad’s protests.

“Ever the optimist,” I say.

Mom laughs. She puts a plate of slightly charred pancakes down on the kitchen table.

“Eat up, family.”

8:17 A.M.

We pile into the car, a rusting Buick that was already old when Gran gave it to us after Teddy was born. Mom and Dad offer to let me drive, but I say no. Dad slips behind the wheel. He likes to drive now. He’d stubbornly refused to get a license for years, insisting on riding his bike everywhere. Back when he played music, his ban on driving meant that his bandmates were the ones stuck behind the wheel on tours. They used to roll their

со своей семьей. О таком тоже не рассказывают всем подряд, но Адам понимает меня и в этом.

— Тедди, — зовет папа. — Собирайся. Мы отправляемся на поиски приключений.

Тедди завершает барабанное соло лязгом тарелок. Минутой позже он влетает в кухню в полной боевой готовности, как будто натягивал одежду, сбегая по крутым деревянным ступенькам нашего щелястого викторианского дома.

— «Школа закрылась на лето...» — поет он.

— Элис Купер? — вопрошает папа. — Ужели мы так низко пали? Пой хотя бы «Рамонз».

— Школа закрылась навсегда, — продолжает Тедди, не обращая внимания на протесты папы.

— Вечный оптимист, — шучу я.

Мама смеется и ставит на кухонный стол тарелку слегка подгорелых оладий.

— Налетай, семейство.

08:17

Мы втискиваемся в машину — ржавенький «Бьюик», который уже был стар, когда бабушка отдала его нам после рождения Тедди. Родители предлагают мне повести, но я отказываюсь. За руль проскальзывает папа. Теперь ему нравится водить машину, а многие годы он упорно отказывался получать права и повсюду разъезжал на велосипеде. Когда он играл в группе, его нелюбовь к вождению означала, что во время гастролей за

eyes at him. Mom had done more than that. She'd pestered, cajoled, and sometimes yelled at Dad to get a license, but he'd insisted that he preferred pedal power.

"Well, then you better get to work on building a bike that can hold a family of three and keep us dry when it rains," she'd demanded. To which Dad always had laughed and said that he'd get on that.

But when Mom had gotten pregnant with Teddy, she'd put her foot down. Enough, she said. Dad seemed to understand that something had changed. He'd stopped arguing and had gotten a driver's license. He'd also gone back to school to get his teaching certificate. I guess it was okay to be in arrested development with one kid. But with two, time to grow up. Time to start wearing a bow tie.

He has one on this morning, along with a flecked sport coat and vintage wingtips.

"Dressed for the snow, I see," I say.

"I'm like the post office," Dad replies, scraping the snow off the car with one of Teddy's plastic dinosaurs that are scattered on the lawn. "Neither sleet nor rain nor a half inch of snow will compel me to dress like a lumberjack."

рулем постоянно торчали его друзья-музыканты. Они только глаза закатывали от папиного упрямства. Мама на этом не остановилась: она канючила, упрашивала, иногда орала, чтобы он получил права, но папа отстаивал свою любовь к педальной тяге.

— Что ж, тогда тебе следует построить велосипед для семьи из трех человек, причем с защитой от дождя, — заявляла мама. В ответ на это папа всегда смеялся и говорил, что уже почти придумал его.

Но когда мама забеременела Тедди, то настояла на своем — хватит, сказала она. И папа, видимо, понял: что-то изменилось. Он перестал спорить и сдал на права. Он также вернулся к учебе, чтобы получить сертификат на преподавание. Полагаю, с одним ребенком еще можно было оставаться не совсем взрослым, но с двумя пришло время расти — время носить галстук-бабочку.

Галстук-бабочка на папе и сегодня, а также пестрая спортивная куртка и винтажные рокерские ботинки.

— Я смотрю, ты приоделся ради снега, — замечаю я.

— Я как почта, — отвечает папа, счищая с машины снег пластмассовым динозавром Тедди — одним из тех, что разбросаны по газону. — Ни слякоть, ни дождь, ни полдьюма снега не заставят меня вырядиться как дровосек.

“Hey, my relatives were lumberjacks,” Mom warns. “No making fun of the white-trash woodsmen.”

“Wouldn’t dream of it,” Dad replies. “Just making stylistic contrasts.”

Dad has to turn the ignition over a few times before the car chokes to life. As usual, there is a battle for stereo dominance. Mom wants NPR. Dad wants Frank Sinatra. Teddy wants SpongeBob SquarePants. I want the classical-music station, but recognizing that I’m the only classical fan in the family, I am willing to compromise with Shooting Star.

Dad brokers the deal.

“Seeing as we’re missing school today, we ought to listen to the news for a while so we don’t become ignoramuses—”

“I believe that’s ignoramusi,” Mom says.

Dad rolls his eyes and clasps his hand over Mom’s and clears his throat in that schoolteachery way of his.

“As I was saying, NPR first, and then when the news is over, the classical station. Teddy, we will not torture you with that. You can use the Discman,” Dad says, starting to disconnect the portable player he’s rigged to the car radio. “But you are not allowed to play Alice Cooper in my car. I for-

— Эй, мои предки были дровосеками, — предостерегающим тоном заявляет мама. — Не смей глумиться над бедными лесными жителями, пусть они и были голь перекатная.

— Даже и не думал, — отвечает папа. — Просто подчеркиваю стилистический контраст.

Папа несколько раз поворачивает ключ зажигания, и только тогда машина оживает. Как обычно, начинается борьба за музыку. Мама хочет слушать радио «Эн-пи-ар», папа — Фрэнка Синатру, а Тедди — музыку из мультика про «Губку Боба». Я хочу классику, но, понимая, что, кроме меня, в нашей семье любителей нет, готова согласиться на «Звездопад».

Папа предлагает сделку.

— Раз уж мы все сегодня не пошли в школу, то нам просто необходимо немного послушать новости, чтобы не стать невеждами...

— По-моему, нужно говорить «невежами», — перебивает мама.

Папа закатывает глаза, сжимает мамину руку и по-учительски откашливается.

— Так вот, я говорю: сначала «Эн-пи-ар», а потом, когда новости кончатся, классическая волна. Тедди, тебя мы этим пытаться не будем, можешь слушать «Дискмен». — И папа начинает отсоединять переносной плеер от автомобильного радиоприемника. — Но включать Элиса Ку-

bid it.” Dad reaches into the glove box to examine what’s inside. “How about Jonathan Richman?”

“I want SpongeBob. It’s in the machine,” Teddy shouts, bouncing up and down and pointing to the Discman. The chocolate-chip pancakes dowsed in syrup have clearly only enhanced his hyper excitement.

“Son, you break my heart,” Dad jokes. Both Teddy and I were raised on the goofy tunes of Jonathan Richman, who is Mom and Dad’s musical patron saint.

Once the musical selections have been made, we are off. The road has some patches of snow, but mostly it’s just wet. But this is Oregon. The roads are always wet. Mom used to joke that it was when the road was dry that people ran into trouble.

“They get cocky, throw caution to the wind, drive like assholes. The cops have a field day doling out speeding tickets.

I lean my head against the car window, watching the scenery zip by, a tableau of dark green fir trees dotted with snow, wispy strands of white fog, and heavy gray storm clouds up above. It’s so warm in the car that the windows keep fogging up, and I draw little squiggles in the condensation.

When the news is over, we turn to the classical station. I hear the first few bars of Beethoven’s Cello Sonata no. 3, which was the very piece I was

пера в моей машине нельзя, я это запрещаю. — Папа лезет в бардачок, проверить, что там есть из музыки. — Как насчет Джонатана Ричмена?

— Я хочу «Губку Боба», он уже там, — верещит Тедди, подпрыгивая и указывая на плеер. Шоколадные оладьи с сиропом явно только усилили его возбуждение.

— Сынок, ты разбиваешь мне сердце, — хмыкает папа. Мы с Тедди оба были воспитаны на бесхитростных песнях Джонатана Ричмена, святого музыкального покровителя мамы с папой.

Музыка выбрана, и мы отъезжаем. Кое-где на дороге попадают пятна снега, но по большей части она просто мокрая. Что ж, это Орегон — дороги всегда мокрые. Мама обычно шутит, что именно на сухой дороге люди попадают в беду.

— Наглеют, забывают об осторожности и гонят как ненормальные. А у копов в такой день прямо праздник по выписыванию штрафов за превышение.

Я прислоняюсь головой к окну, глядя, как мимо проносится живая картина: темно-зеленые ели, чуть припорошенные снегом, клочковатые полосы белого тумана, и надо всем этим тяжелые серые тучи. В машине так тепло, что стекла запотевают, и я рисую на них загогулины.

Когда новости заканчиваются, мы переключаемся на классическую радиостанцию. Я слышу первые аккорды Третьей виолончельной сонаты

supposed to be working on this afternoon. It feels like some kind of cosmic coincidence. I concentrate on the notes, imagining myself playing, feeling grateful for this chance to practice, happy to be in a warm car with my sonata and my family. I close my eyes.

You wouldn't expect the radio to work afterward. But it does.

The car is eviscerated. The impact of a four-ton pickup truck going sixty miles an hour plowing straight into the passenger side had the force of an atom bomb. It tore off the doors, sent the front-side passenger seat through the driver's-side window. It flipped the chassis, bouncing it across the road and ripped the engine apart as if it were no stronger than a spiderweb. It tossed wheels and hubcaps deep into the forest. It ignited bits of the gas tank, so that now tiny flames lap at the wet road.

And there was so much noise. A symphony of grinding, a chorus of popping, an aria of exploding, and finally, the sad clapping of hard metal cutting into soft trees. Then it went quiet, except for this: Beethoven's Cello Sonata no. 3, still playing. The car radio somehow still is attached to a battery and so Beethoven is broadcasting into the once-again tranquil February morning.

ты Бетховена — того самого произведения, над которым мне следовало бы работать днем, — и меня накрывает ощущение некой вселенской гармонии. Я сосредотачиваюсь на музыке, представляя, будто играю; мне приятно, что выдалась возможность позаниматься, и радостно ехать в теплой машине вместе с семьей и моей сонатой. Я закрываю глаза.

Не ожидаешь, что радио после такого будет продолжать работать. Но оно работает.

Машина раскурочена. Удар четырехтонного грузовика на скорости шестьдесят миль в час пришелся прямо в пассажирскую сторону с силой атомной бомбы. Он оторвал двери, выбросил переднее пассажирское сиденье через водительское окно; смахнул ходовую часть, закинув ее за дорогу, и в клочья разодрал мотор, будто легкую паутинку. Он отбросил колеса с колпаками далеко в лес и поджег обломки бензобака, так что на мокрой дороге теперь плещутся крошечные язычки пламени.

Шум был чудовищный. Симфония скрежета, хор хлопков, ария взрыва и наконец заунывный лязг железных листов, врезавшихся в стволы деревьев. Потом все стихло, кроме одного: Третьей виолончельной сонаты Бетховена — она по-прежнему звучит. Радио в машине каким-то чудом не оторвалось от аккумулятора, и в безмятежной тишине февральского утра разливается Бетховен.

At first I figure everything is fine. For one, I can still hear the Beethoven. Then there's the fact that I am standing here in a ditch on the side of the road. When I look down, the jean skirt, cardigan sweater, and the black boots I put on this morning all look the same as they did when we left the house.

I climb up the embankment to get a better look at the car. It isn't even a car anymore. It's a metal skeleton, without seats, without passengers. Which means the rest of my family must have been thrown from the car like me. I brush off my hands onto my skirt and walk into the road to find them.

I see Dad first. Even from several feet away, I can make out the protrusion of the pipe in his jacket pocket.

"Dad," I call, but as I walk toward him, the pavement grows slick and there are gray chunks of what looks like cauliflower.

I know what I'm seeing right away but it somehow does not immediately connect back to my father. What springs into my mind are those news reports about tornadoes or fires, how they'll ravage one house but leave the one next door intact. Pieces of my father's brain are on the asphalt. But his pipe is in his left breast pocket.

I find Mom next. There's almost no blood on her, but her lips are already blue and the whites of her

Сначала я думаю, что все в порядке. Во-первых, я по-прежнему слышу сонату. Во-вторых, я стою здесь, в кювете у обочины. Я оглядываю себя: все, что я надела сегодня утром — и джинсовая юбка, и шерстяной джемпер, и черные ботинки, — выглядит точно так же, как когда мы выехали из дома.

Я взбираюсь на дорогу, чтобы получше разглядеть машину. Только это больше не машина, а голый металлический скелет, без сидений, без пассажиров. Значит, остальных наверняка выбросило, как и меня. Я отряхиваю руки о юбку и иду вдоль шоссе искать родных.

Первым я вижу папу. Даже с расстояния нескольких метров заметно, как карман его пиджака оттопыривается от трубки.

— Папа, — зову я и иду к нему, но дорога вдруг становится скользкой, на ней появляются какие-то серые ломти, похожие на цветную капусту.

Я понимаю, что сейчас вижу, но это почему-то не связывается сразу с отцом. В памяти всплывают только новостные репортажи о торнадо или пожарах — о случаях, когда один дом разносит в щепки, а другой, совсем рядом, стоит целый и невредимый. Мозги моего отца на асфальте, но его трубка по-прежнему лежит в левом нагрудном кармане.

Потом я нахожу маму. На ней почти нет крови, но губы уже посинели, а белки глаз совершен-

eyes are completely red, like a ghoul from a low-budget monster movie. She seems totally unreal. And it is the sight of her looking like some preposterous zombie that sends a hummingbird of panic ricocheting through me.

I need to find Teddy! Where is he?

I spin around, suddenly frantic, like the time I lost him for ten minutes at the grocery store. I'd been convinced he'd been kidnapped. Of course, it had turned out that he'd wandered over to inspect the candy aisle. When I found him, I hadn't been sure whether to hug him or yell at him.

I run back toward the ditch where I came from and I see a hand sticking out.

"Teddy! I'm right here!" I call. "Reach up. I'll pull you out."

But when I get closer, I see the metal glint of a silver bracelet with tiny cello and guitar charms. Adam gave it to me for my seventeenth birthday. It's my bracelet. I was wearing it this morning. I look down at my wrist. I'm still wearing it now.

I edge closer and now I know that it's not Teddy lying there. It's me. The blood from my chest has seeped through my shirt, skirt, and sweater, and is now pooling like paint drops on the virgin snow. One of my legs is askew, the skin and muscle peeled away so that I can see white streaks of bone. My eyes are closed, and my dark brown hair is wet and rusty with blood.

но красные, как у вурдалака из малобюджетного ужастика. Она кажется совершенно ненастоящей. И оттого, что мама похожа на какого-то нелепого зомби, я чувствую, как к сердцу подступает страх.

«Нужно найти Тедди. Где же он?»

Я оборачиваюсь, внезапно перепугавшись, как в тот раз, когда на десять минут потеряла его в гастрономе. Я была уверена, что его похитили. Конечно же, оказалось, что он убред инспектировать кондитерский отдел. Когда я нашла брата, то не знала, обнимать его или ругать.

Я бросаюсь к кювету, из которого только что вылезла, и вижу торчащую оттуда руку.

— Тедди! Я тут! — кричу я. — Давай тянись, я сейчас тебя вытащу.

Но, подбежав ближе, замечаю металлический блеск серебряного браслета с подвесками в виде виолончели и гитары. Адам подарил мне его на семнадцатый день рождения. Это мой браслет, он был на мне сегодня утром. Я смотрю на свое запястье: он по-прежнему на мне.

Я медленно подхожу еще ближе и наконец понимаю, что там лежит не Тедди. Это я. Кровь из груди пропитала рубашку, юбку и джемпер и теперь пятнает девственно-белый снег, словно капли краски. Одна нога торчит под неестественным углом; кожа и мышцы разошлись, и я вижу белые проблески кости. Мои глаза закрыты, темные волосы промокли и покрылись кровавой коркой.

I spin away. This isn't right. This cannot be happening. We are a family, going on a drive. This isn't real. I must have fallen asleep in the car.

No! Stop. Please stop. Please wake up! I scream into the chilly air.

It's cold. My breath should smoke. It doesn't. I stare down at my wrist, the one that looks fine, untouched by blood and gore, and I pinch as hard as I can.

I don't feel a thing.

I have had nightmares before — falling nightmares, playing-a-cello-recital-without-knowing-the-music nightmares, breakup-with-Adam nightmares — but I have always been able to command myself to open my eyes, to lift my head from the pillow, to halt the horror movie playing behind my closed lids. I try again.

Wake up! I scream. Wake up! Wakeupwakeup-wakeup! But I can't. I don't.

Then I hear something. It's the music. I can still hear the music. So I concentrate on that. I finger the notes of Beethoven's Cello Sonata no. 3 with my hands, as I often do when I listen to pieces I am working on. Adam calls it "air cello." He's always asking me if one day we can play a duet, him on air guitar, me on air cello.

Я резко отворачиваюсь. Это неправильно. Такого не может быть. Мы ведь поехали покататься. Это все нереально. Я, наверное, просто заснула в машине.

«Нет! Хватит. Пожалуйста, хватит. Проснись же!» — визжу я в морозный воздух.

Холодно, от моего дыхания должен идти пар — но его нет. Я перевожу взгляд на свое запястье — то, на котором нет крови и грязи, щипаю его как можно сильнее.

И не чувствую ничего.

Раньше у меня бывали кошмары: мне снились концерты, на которых я никак не могла вспомнить пьесу, или разрыв с Адамом, но я всегда могла приказать себе проснуться, поднять голову от подушки, прервать фильм ужасов, который крутился под закрытыми веками. Я пробую снова:

«Проснись! — кричу я. — Проснись! Проснись! Проснись!» Но не могу, не просыпаюсь.

Потом я что-то слышу. Музыка, я по-прежнему слышу музыку — и сосредотачиваюсь на ней. Я перебираю пальцами, будто играю Третью виолончельную сонату Бетховена на невидимом инструменте, — я часто так делаю, когда слушаю произведения, над которыми работаю. Адам называет это «воздушной виолончелью». Он все время спрашивает, сможем ли мы когда-нибудь сыграть дуэтом — он на воздушной гитаре, а я на воздушной виолончели.

“When we’re done, we can thrash our air instruments,” he jokes. “You know you want to.”

I play, just focusing on that, until the last bit of life in the car dies, and the music goes with it.

It isn’t long after that the sirens come.

9:23 A.M.

Am I dead?

I actually have to ask myself this.

Am I dead?

At first it seemed obvious that I am. That the standing-here-watching part was temporary, an intermission before the bright light and the life-flashing-before-me business that would transport me to wherever I’m going next.

Except the paramedics are here now, along with the police and the fire department. Someone has put a sheet over my father. And a fireman is zipping Mom up into a plastic bag. I hear him discuss her with another firefighter, who looks like he can’t be more than eighteen. The older one explains to the rookie that Mom was probably hit first and killed instantly, explaining the lack of blood.

“Immediate cardiac arrest,” he says. “When your heart can’t pump blood, you don’t really bleed. You seep.”

«А потом можно будет расколотить наши воздушные инструменты, — шутит он. — Вот увидишь, тебе захочется».

Я играю, фокусируясь только на этом, пока в машине не умирает последняя частичка жизни и музыка не уходит вместе с ней.

Вскоре слышатся сирены.

09:23

«Я что, умерла?»

Похоже, уже пора спросить себя об этом.

«Я мертва?»

Поначалу мне казалось очевидным, что так и есть. А мое пребывание здесь — лишь пауза перед ярким светом и «всей жизнью, проносщейся перед глазами», после чего я отправлюсь куда-нибудь еще.

Вот только уже подъехала «Скорая помощь», а с ней полиция и пожарные. Кто-то накрыл моего папу простыней; пожарный застегивает маму в пластиковый мешок. Я слышу, как он говорит о ней с другим пожарным — тому на вид не больше восемнадцати. Опытный объясняет новичку, что маму, скорее всего, ударило первой и убило мгновенно, этим-то и объясняется отсутствие крови.

— Мгновенная остановка сердца, — говорит он. — Если сердце не работает, нельзя истечь кровью: она не течет, а едва сочится.

I can't think about that, about Mom seeping. So instead I think how fitting it is that she was hit first, that she was the one to buffer us from the blow. It wasn't her choice, obviously, but it was her way.

But am I dead? The me who is lying on the edge of the road, my leg hanging down into the gulley, is surrounded by a team of men and women who are performing frantic ablutions over me and plugging my veins with I do not know what. I'm half naked, the paramedics having ripped open the top of my shirt. One of my breasts is exposed. Embarrassed, I look away.

The police have lit flares along the perimeter of the scene and are instructing cars in both directions to turn back, the road is closed. The police politely offer alternate routes, back roads that will take people where they need to be.

They must have places to go, the people in these cars, but a lot of them don't turn back. They climb out of their cars, hugging themselves against the cold. They appraise the scene. And then they look away, some of them crying, one woman throwing up into the ferns on the side of the road. And even though they don't know who we are or what has happened, they pray for us. I can feel them praying.

Which also makes me think I'm dead. That and the fact my body seems to be completely numb,

Я не могу думать о том, что из мамы сочтется кровь. Вместо этого я отмечаю, как все правильно получилось: ее ударило первой, так что она заслонила собой нас. Конечно, это произошло случайно, но вполне в мамином стиле.

Но я-то, я-то мертва? Та я, которая лежит на краю дороги, свесив ногу в кювет, окружена группой мужчин и женщин, с бешеной скоростью суесящихся вокруг моего тела и втыкающих неведомо что в мои вены. Я полураздета: врачи «Скорой» вспороли мою рубашку. Одна грудь оголилась. Я отворачиваюсь в замешательстве и смущении.

Полиция зажгла аварийные фонари вокруг места происшествия и просит водителей с обеих сторон поворачивать назад: трасса перекрыта. Полицейские вежливо предлагают маршруты объезда, проселочные дороги, по которым люди смогут добраться туда, куда им нужно.

Наверняка им есть куда спешить, этим людям в машинах, но многие из них не поворачивают назад. Они выбираются из салонов, обхватывают себя руками, чтобы не замерзнуть, и разглядывают аварию. Потом они отворачиваются, некоторые плачут, одну женщину рвет в придорожные кусты. И хотя эти люди не знают, кто мы и что случилось, они молятся за нас. Я чувствую, как они молятся.

Это также подталкивает меня к мысли, что я мертва. Кроме того, мое тело выглядит совершен-

though to look at me, at the leg that the 60 mph asphalt exfoliant has pared down to the bone, I should be in agony. And I'm not crying, either, even though I know that something unthinkable has just happened to my family. We are like Humpty Dumpty and all these king's horses and all these king's men cannot put us back together again.

I am pondering these things when the medic with the freckles and red hair who has been working on me answers my question.

"Her Glasgow Coma is an eight. Let's bag her now!" she screams.

She and the lantern-jawed medic snake a tube down my throat, attach a bag with a bulb to it, and start pumping.

"What's the ETA for Life Flight?"

"Ten minutes," answers the medic. "It takes twenty to get back to town."

"We're going to get her there in fifteen if you have to speed like a fucking demon."

I can tell what the guy is thinking. That it won't do me any good if they get into a crash, and I have to agree. But he doesn't say anything. Just clenches his jaw. They load me into the ambulance; the redhead climbs into the back with me. She pumps my bag with one hand, adjusts my IV and my mon-

но неподвижным и бесчувственным — а ведь, судя по моему виду, по ноге, которую на скорости шестьдесят миль в час асфальтовая терка ободрала до кости, я должна страдать от адской боли. И я даже не плачу, хоть и знаю, что с моей семьей случилось нечто немыслимое. Мы теперь как Шалтай-Болтай: и вся королевская конница, и вся королевская рать не смогут нас снова собрать.

Я обдумываю все это, когда рыжеволосая веснушчатая женщина-врач, трудящаяся надо мной, отвечает на мой вопрос.

— Кома по шкале Глазго — восемь. Даем кислород, сейчас же! — кричит она.

Она и санитар с очень худым лицом проталкивают мне в горло трубку, присоединяют к ней подушку с клапаном и начинают качать кислород.

— За сколько долетит «Лайф-флайт»? — спрашивает врач.

— За десять минут, — отвечает санитар. — А до города двадцать.

— Мы довезем ее за пятнадцать, если будешь гнать как чертов псих.

Я догадываюсь, о чем думает санитар: если они разобьются, то мне от этого пользы не будет, — и невольно соглашаюсь. Но он ничего не говорит, только стискивает зубы. Меня грузят в машину «Скорой помощи»; рыжая садится сзади, со мной. Одной рукой она ритмично сжимает

itors with the other. Then she smooths a lock of hair from my forehead.

“You hang in there,” she tells me.

I played my first recital when I was ten. I’d been playing cello for two years at that point. At first, just at school, as part of the music program. It was a fluke that they even had a cello; they’re very expensive and fragile. But some old literature professor from the university had died and bequeathed his Hamburg to our school. It mostly sat in the corner. Most kids wanted to learn to play guitar or saxophone.

When I announced to Mom and Dad that I was going to become a cellist, they both burst out laughing. They apologized about it later, claiming that the image of pint-size me with such a hulking instrument between my spindly legs had made them crack up. Once they’d realized I was serious, they immediately swallowed their giggles and put on supportive faces.

But their reaction still stung — in ways that I never told them about, and in ways that I’m not sure they would’ve understood even if I had. Dad sometimes joked that the hospital where I was born must have accidentally swapped babies because I look nothing like the rest of my family. They are all blond and fair and I’m like their negative image,

кислородную подушку, а другой поправляет на мне капельницу и кардиомониторы. Затем она убирает прядь волос с моего лба и говорит мне:

— Держись.

Впервые я выступала, когда мне было десять; к тому моменту я играла на виолончели уже два года. Сначала я занималась прямо в школе, в рамках образовательной программы по музыке. Мне здорово повезло, что у нас вообще нашлась виолончель: они очень дороги и хрупки. Но какой-то старенький профессор литературы из университета перед смертью завещал свой «Гамбург» нашей школе. В основном инструмент торчал в углу — большинство детей хотели учиться играть на гитаре или саксофоне.

Когда я заявила маме с папой, что собираюсь стать виолончелисткой, они оба расхохотались. Позже они извинялись за это, объясняя, что заржать их вынудила картина маленькой меня с огромным инструментом между тощих ног. Как только они поняли, что я серьезно, то немедленно проглотили свои смешки и нарисовали на лицах одобрение и поддержку.

Однако реакция родителей ранила меня — я никогда им не рассказывала, как именно, и не уверена, что они бы поняли, даже если бы я сказала. Папа иногда шутил, что больница, где меня родили, должно быть, случайно подменила младенцев, потому что внешне я совсем не похожа на остальных членов семьи. Они все светло-

brown hair and dark eyes. But as I got older, Dad's hospital joke took on more meaning than I think he intended. Sometimes I did feel like I came from a different tribe. I was not like my outgoing, ironic dad or my tough-chick mom. And as if to seal the deal, instead of learning to play electric guitar, I'd gone and chosen the cello.

But in my family, playing music was still more important than the type of music you played, so when after a few months it became clear that my love for the cello was no passing crush, my parents rented me one so I could practice at home. Rusty scales and triads led to first attempts at "Twinkle, Twinkle, Little Star" that eventually gave way to basic études until I was playing Bach suites. My middle school didn't have much of a music program, so Mom found me a private teacher, a college student who came over once a week. Over the years there was a revolving batch of students who taught me, and then, as my skills surpassed theirs, my student teachers played with me.

This continued until ninth grade, when Dad, who'd known Professor Christie from when he'd worked at the music store, asked if she might be willing to offer me private lessons. She agreed to listen to me play, not expecting much, but as a fa-

волосые и светлоглазые, а я как их негатив: темные волосы и темные глаза. Но когда я подросла, шутка про больницу приобрела новый смысл — наверняка не тот, что вкладывал папа. Иногда я и вправду ощущала себя пришелицей из другого племени. Я не походила ни на общительного, ироничного отца, ни на шептунную тусовщицу маму. И будто в подтверждение, я, вместо того чтобы пойти учиться играть на электрогитаре, взяла и выбрала виолончель.

К счастью, в моей семье музыка была важнее, чем ее жанр, и, когда через пару месяцев стало ясно, что моя любовь к виолончели не мимолетна, родители взяли мне инструмент напрокат, чтобы я могла заниматься и дома. Нудные гаммы и трезвучия привели к первым попыткам изобразить «Twinkle, Twinkle, Little Star», потом они уступили место простейшим этюдам, пока наконец я не начала играть сюиты Баха. В моей средней школе музыкальная программа была не особенно сильной, так что мама нашла мне учителя-студента, который приходил раз в неделю. В течение нескольких лет студенты, учившие меня, все время сменялись, а когда мои умения превосходили их, играли вместе со мной.

Так продолжалось до девятого класса, когда папа, знакомый с профессором Кристи со времен работы в музыкальном магазине, спросил, не захочет ли она давать мне частные уроки. Профессор согласилась меня послушать; как она позже

vor to Dad, she later told me. She and Dad listened downstairs while I was up in my room practicing a Vivaldi sonata. When I came down for dinner, she offered to take over my training.

My first recital, though, was years before I met her. It was at a hall in town, a place that usually showcased local bands, so the acoustics were terrible for unamplified classical. I was playing a cello solo from Tchaikovsky's "Dance of the Sugar Plum Fairy."

Standing backstage, listening to other kids play scratchy violin and clunky piano compositions, I'd almost chickened out. I'd run to the stage door and huddled on the stoop outside, hyperventilating into my hands. My student teacher had flown into a minor panic and had sent out a search party.

Dad found me. He was just starting his hipster-to-square transformation, so he was wearing a vintage suit, with a studded leather belt and black ankle boots.

"You okay, Mia Oh-My-Uh?" he asked, sitting down next to me on the steps.

I shook my head, too ashamed to talk.

"What's up?"

"I can't do it," I cried.

мне сказала, не ожидая многого, просто из любви. Они с папой сидели внизу и слушали, как я в своей комнате репетировала сонату Вивальди. Когда я спустилась к ужину, профессор Кристи предложила взять мое обучение в свои руки.

Однако первое мое сольное выступление случилось задолго до нашего знакомства с ней. Это произошло в нашем городке, в зале, где обычно играли начинающие местные группы, так что для неподзвученного классического инструмента акустика там была отвратительная. Я играла виолончельное соло из «Танца феи Драже» Чайковского.

Стоя за сценой и слушая, как другие дети исполняют свои пьесы на визгливых скрипачках и громыхающем пианино, я чуть не сбежала с перепугу. Я выскочила в служебную дверь и скорчилась на крыльце снаружи, бешено дыша себе в ладони. Мой учитель-студент не на шутку испугался и послал разыскную партию.

Нашел меня папа. Он тогда еще только начал преображаться из битника в консерватора, так что на нем был старомодный костюм с кожаным поясом в заклепках и черные низкие сапоги.

— Ты тут как, Мия-вот-те-на, нормально? — спросил он, садясь рядом со мной на ступеньки.

Я помотала головой, слишком пристыженная, чтобы говорить.

— А что такое?

— Я не могу, — разрыдалась я.

Dad cocked one of his bushy eyebrows and stared at me with his gray-blue eyes. I felt like some mysterious foreign species he was observing and trying to figure out. He'd been playing in bands forever. Obviously, he never got something as lame as stage fright.

"Well, that would be a shame," Dad said. "I've got a dandy of a recital present for you. Better than flowers."

"Give it to someone else. I can't go out there. I'm not like you or Mom or even Teddy."

Teddy was just six months old at that point, but it was already clear that he had more personality, more verve, than I ever would. And of course, he was blond and blue-eyed. Even if he weren't, he'd been born in a birthing center, not a hospital, so there was no chance of an accidental baby swapping.

"It's true," Dad mused. "When Teddy gave his first harp concert, he was cool as cucumber. Such a prodigy."

I laughed through my tears. Dad put a gentle arm around my shoulder.

"You know that I used to get the most ferocious jitters before a show."

I looked at Dad, who always seemed absolutely sure of everything in the world.

Папа вскинул лохматые брови и вперил в меня серо-голубые глаза. Я почувствовала себя каким-то чужестранным животным неведомой породы, которое изучают и пытаются понять. Сам-то папа всю жизнь выступал со всякими группами. Наверняка у него никогда не бывало такой ерунды, как страх сцены.

— Ну, это было бы обидно, — сказал папа. — У меня для тебя роскошный концертный подарок, куда лучше цветов.

— Отдай его кому-нибудь другому. Я не могу выйти туда. Я не такая, как вы с мамой или даже Тедди.

Тедди к тому моменту едва исполнилось полгода, но уже стало ясно, что в нем больше огня и энергии, чем когда-либо будет во мне. И конечно же, он был белокурым и голубоглазым — да и в любом случае, родился он в родильном центре, а не в больнице, так что его уж никак не могли перепутать.

— И то верно, — задумчиво пробормотал папа. — Когда Тедди закатил свой первый концерт на губной гармошке, он был спокоен как удав. Просто чудо какое-то.

Я засмеялась сквозь слезы. Папа мягко обнял меня за плечи.

— Знаешь, меня перед каждым концертом жуткий мандраж разбирал.

Я недоверчиво взглянула на папу — мне всегда казалось, что он-то всегда и во всем уверен на сто процентов.

“You’re just saying that.”

He shook his head.

“No, I’m not. It was god-awful. And I was the drummer, way in the back. No one even paid any attention to me.”

“So what did you do?” I asked.

“He got wasted,” Mom interjected, poking her head out the stage door. She was wearing a black vinyl miniskirt, a red tank top, and Teddy, droolingly happy from his Baby Björn. “A pair of forty-ouncers before the show. I don’t recommend that for you.”

“Your mother is probably right,” Dad said. “Social services frowns on drunk ten-year-olds. Besides, when I dropped my drumsticks and puked onstage, it was punk. If you drop your bow and smell like a brewery, it will look gauche. You classical-music people are so snobby that way.”

Now I was laughing. I was still scared, but it was somehow comforting to think that maybe stage fright was a trait I’d inherited from Dad; I wasn’t just some foundling, after all.

“What if I mess it up? What if I’m terrible?”

“I’ve got news for you, Mia. There’s going to be all kinds of terrible in there, so you won’t really stand out,” Mom said.

Teddy gave a squeal of agreement.

— Это ты нарочно так говоришь.

Он покачал головой.

— Нет, не нарочно. Прямо ужас что бывало. А ведь я барабанщик и всегда сидел сзади. Никто и внимания на меня не обращал.

— И что ты делал? — спросила я.

— Назююкивался, — просунув голову в дверь, сообщила мама. На ней красовались черная виниловая мини-юбка, красная майка и Тедди, радостно пускающий слюни в своей «кенгурушке». — Выпивал пару литров пива перед концертом. Тебе я это не рекомендую.

— Пожалуй, твоя мама права, — согласился папа. — Социальные службы не одобряют пьяных десятилеток. Кроме того, я тогда кидался палочками и заблеывал сцену, но там-то был панк. А если ты швырнешь в зал смычок да еще будешь вонять, как пивзавод, получится неловко и неуместно. Твои приятели-классики такие снобы в этом вопросе.

Я рассмеялась. Мне все еще было страшно, но мысль о том, что, возможно, страх сцены я унаследовала от папы, утешала: все-таки я никакой не подкидыш.

— А что, если я запутаюсь? Если совсем ужасно сыграю?

— У меня для тебя новости, Мия. Здесь и так полно всяких ужасов, так что ты не слишком поделишься на общем фоне, — заявила мама.

Тедди взвизгнул в знак согласия.

“But seriously, how do you get over the jitters?”

Dad was still smiling but I could tell he had turned serious because he slowed down his speech.

“You don’t. You just work through it. You just hang in there.”

So I went on. I didn’t blaze through the piece. I didn’t achieve glory or get a standing ovation, but I didn’t muck it up entirely, either. And after the recital, I got my present. It was sitting in the passenger seat of the car, looking as human as that cello I’d been drawn to two years earlier. It wasn’t a rental. It was mine.

10:12 A.M.

When my ambulance gets to the nearest hospital — not the one in my hometown but a small local place that looks more like an old-age home than a medical center — the medics rush me inside.

“I think we’ve got a collapsed lung. Get a chest tube in her and move her out!” the nice red-haired medic screams as she passes me off to a team of nurses and doctors.

“Where’s the rest?” asks a bearded guy in scrubs.

— Ну правда, как ты справляешься с мандражом?

Папа по-прежнему улыбался, однако я поняла, что теперь он стал серьезен, потому что говорил медленнее:

— Да никак. Просто играешь, несмотря на страх. Просто держишься.

И я вышла на сцену. Я не блеснула своей игрой, не снискала славы, не сорвала стоячую овацию, но и не провалила все на свете. И после концерта я получила свой подарок: устроившийся на пассажирском сиденье машины, он выглядел таким же человекоподобным, как та виолончель, к которой меня потянуло два года назад. И этот инструмент был не из проката — он принадлежал мне.

10:12

Когда «Скорая» подъезжает к ближайшей больнице — не той, что в моем родном городке, а к маленькому местному медицинскому центру, больше похожему на обычный старый дом, — врачи тут же вкатывают меня внутрь.

— У нас тут открытый пневмоторакс. Установите ей плевральный дренаж и давайте обратно! — кричит симпатичная рыжая докторша, передавая меня группе врачей и медсестер.

— Где остальные? — спрашивает бородач в медицинской форме.

“Other driver suffering mild concussions, being treated at the scene. Parents DOA. Boy, approximately seven years old, just behind us.”

I let out a huge exhale, as though I’ve been holding my breath for the last twenty minutes. After seeing myself in that ditch, I had not been able to look for Teddy. If he were like Mom and Dad, like me, I... I didn’t want to even think about it. But he isn’t. He is alive.

They take me into a small room with bright lights. A doctor dabs some orange stuff onto the side of my chest and then rams a small plastic tube in me. Another doctor shines a flashlight into my eye.

“Nonresponsive,” he tells the nurse. “The chopper’s here. Get her to Trauma. Now!”

They rush me out of the ER and into the elevator. I have to jog to keep up. Right before the doors close, I notice that Willow is here. Which is odd. We were meant to be visiting her and Henry and the baby at home. Did she get called in because of the snow? Because of us? She rushes around the hospital hall, her face a mask of concentration. I don’t think she even knows it is us yet. Maybe she even tried to call, left a message on Mom’s cell phone, apologizing that there’d been an emergency and she wouldn’t be home for our visit.

— У второго водителя легкое сотрясение, ему оказали помощь на месте. Родители найдены мертвыми. Мальчик, около семи лет, едет сразу за нами.

Я выдыхаю — так, будто не дышала последние двадцать минут. Увидев себя в том кювете, я уже не смогла искать Тедди. Если с ним то же, что с мамой и папой, со мной, то я... Я не хотела даже думать об этом. Но нет, он жив.

Меня привозят в маленькую комнатку с ярким светом. Врач смазывает чем-то оранжевым мою грудь сбоку, а затем засовывает в меня маленькую трубку. Другой врач светит мне фонариком в глаза.

— Реакции нет, — говорит он медсестре. — Вертушка уже здесь. Везите ее в травму. Живо!

Меня быстро выкатывают из пункта экстренной помощи и завозят в лифт. Чтобы не отстать, мне приходится бежать. Двери закрываются, но я успеваю заметить, что здесь Уиллоу. Это странно: мы ведь собирались застать их с Генри и дочкой дома. Ее вызвали из-за снега? Из-за нас? Уиллоу спешит по больничному коридору, на ее лице застыла маска сосредоточенности. Вряд ли она уже знает, что это мы. Она, может быть, даже звонила, оставляла сообщение на мамином сотовом, извиняясь, что возник срочный вызов и, когда мы приедем, ее не будет дома.

The elevator opens right onto the roof. A helicopter, its blades swooshing the air, sits in the middle of a big red circle.

I've never been in a helicopter before. My best friend, Kim, has. She went on an aerial flight over Mount St. Helens once with her uncle, a big-shot photographer for National Geographic.

"There he was, talking about the post-volcanic flora and I puked right on him," Kim told me in homeroom the next day. She still looked a little green from the experience.

Kim is on yearbook and has hopes of becoming a photographer. Her uncle had taken her on this trip as a favor, to nurture her budding talent.

"I even got some on his cameras," Kim lamented. "I'll never be a photographer now."

"There are all kinds of different photographers," I told her. "You don't necessarily need to go flying around in helicopters."

Kim laughed.

"That's good. Because I'm never going on a helicopter again — and don't you, either!"

I want to tell Kim that sometimes you don't have a choice in the matter.

The hatch in the helicopter is opened, and my stretcher with all its tubes and lines is loaded in. I climb in behind it. A medic bounds in next to me,

Лифт открывается прямо на крышу. Вертолет ждет в центре большого красного круга, посвящая крутящимися лопастями.

Я никогда раньше не бывала в вертолете. А моя лучшая подруга Ким была — однажды она пролетела над горой Святой Елены со своим дядей, крутым фотографом из «Нэшнл джиографик».

— Он всю дорогу разглагольствовал о поствулканической флоре, а меня стошнило прямо на него, — рассказала мне Ким на следующий день в школе. От переживаний она все еще казалась слегка зеленоватой.

Ким делает ежегодный альбом выпускников и надеется стать фотографом. Дядя взял ее в этот полет исключительно по доброте душевной, чтобы помочь прорасти юному таланту.

— Я даже попала на его камеры, — сокрушалась Ким. — Теперь я никогда не стану фотографом.

— Бывают же разные фотографии, — возразила я. — Тебе не обязательно будет все время летать на вертолетах.

Ким рассмеялась.

— И прекрасно, потому что я никогда в жизни больше не сяду в вертолет — и тебе не советую!

Сейчас мне очень хочется сказать Ким, что иногда выбора нет.

Люк вертолета открыт, и мою каталку со всеми трубками и проводами загружают внутрь. Санитар устраивается рядом со мной, по-прежнему

still pumping the little plastic bulb that is apparently breathing for me. Once we lift off, I understand why Kim got so queasy. A helicopter is not like an airplane, a smooth fast bullet. A helicopter is more like a hockey puck, bounced through the sky. Up and down, side to side. I have no idea how these people can work on me, can read the small computer printouts, can drive this thing while they communicate about me through headsets, how they can do any of it with the chopper chopping around.

The helicopter hits an air pocket and by all rights it should make me queasy. But I don't feel anything, at least the me who's a bystander here does not. And the me on the stretcher doesn't seem to feel anything, either. Again I have to wonder if I'm dead but then I tell myself no. They would not have loaded me on this helicopter, would not be flying me across the lush forests if I were dead.

Also, if I were dead, I like to think Mom and Dad would've come for me by now.

I can see the time on the control panel. It's 10:37. I wonder what's happening back down on the ground. Has Willow figured out who the emergency is? Has anyone phoned my grandparents? They live one town over from us, and I was looking forward to dinner with them. Gramps fishes and he smokes

сжимая и отпуская маленький пластиковый баллон, который, видимо, дышит за меня. Как только мы взлетаем, я понимаю, почему Ким так затошнило. В вертолете все иначе, чем в самолете, который летит прямо и быстро, как снаряд. Вертолет куда больше похож на хоккейную шайбу, которую болтает по небу: вверх, вниз, из стороны в сторону. Я не представляю, как эти люди еще могут заниматься мной, читать распечатки с маленького компьютера, управлять машиной, одновременно обсуждая мое состояние через наушники, — как они могут делать хоть что-то, когда вертолет так бултыхается.

Вертолет попадает в воздушную яму, и, по всему, меня должно бы затошнить. Но я — по крайней мере, я-наблюдательница — ничего не чувствую. И та я, что на каталке, видимо, тоже ничего не чувствует. Я снова невольно задумываюсь, мертва я или жива, но тут же говорю себе: нет. Меня не стали бы грузить в этот вертолет, не летели бы со мной над дикими лесами, если бы я была мертва.

Кроме того, мне нравится думать, что, будь я мертва, мама с папой уже бы меня нашли.

На приборной доске я вижу часы; сейчас десять тридцать семь. Я гадаю, что происходит там, на земле. Поняла ли Уиллоу, кто срочный пациент? Позвонил ли кто-нибудь моим бабушке с бабушкой? Они живут в соседнем городке, и я собиралась с ними обедать. Дедушка рыба-

his own salmon and oysters, and we would've probably eaten that with Gran's homemade thick brown beer bread. Then Gran would've taken Teddy over to the giant recycling bins in town and let him swim around for magazines. Lately, he's had a thing for Reader's Digest. He likes to cut out the cartoons and make collages.

I wonder about Kim. There's no school today. I probably won't be in school tomorrow. She'll probably think I'm absent because I stayed out late listening to Adam and Shooting Star in Portland.

Portland. I am fairly certain that I'm being taken there. The helicopter pilot keeps talking to Trauma One. Outside the window, I can see the peak of Mount Hood looming. That means Portland is close.

Is Adam already there? He played in Seattle last night but he's always so full of adrenaline after a gig, and driving helps him to come down. The band is normally happy to let him chauffeur while they nap. If he's already in Portland, he's probably still asleep. When he wakes up, will he have coffee on Hawthorne? Maybe take a book over to the Japanese Garden? That's what we did the last time I went to Portland with him, only it was warmer then. Later this afternoon, I know that the band will do a sound check. And then Adam will go outside to await my arrival. At first, he'll think that I'm late. How is he going to know that I'm actually

чит и сам коптит лососей и устриц, и мы бы, наверное, ели их вместе с бабушкиным плотным темным хлебом, замешенным на пиве. Затем бабушка отвезла бы Тедди к огромным городским мусорным бакам, чтобы он смог поискать журналы. В последнее время братишка увлекся «Ридерз дайджест», ему нравится вырезать оттуда комиксы и картинки и составлять коллажи.

Интересно, что сейчас делает Ким? Занятий сегодня нет. Я, может, не приду в школу и завтра. Наверное, она подумает, что я задержалась в Портленде, слушая Адама и «Звездопад», и не успела вернуться.

Портленд. Я совершенно уверена, что меня возьмут туда. Пилот вертолета говорит со службой парамедиков. За окном видны размытые очертания пика Маунт-Худ. Значит, Портленд уже близко.

Интересно, Адам уже там? Вчера вечером он играл в Сиэтле, но после концерта он всегда кипит от адреналина, а езда на машине помогает ему успокоиться. Музыканты из группы обычно рады-радешеньки усадить его за руль, пока сами дремлют. Если Адам уже в Портленде, он, наверное, еще спит. Когда он проснется, может быть, нам выпить кофе на Хоторн-стрит? Или погулять по Японскому саду? Мы так сделали в последний раз, когда вместе приезжали в Портленд, только тогда было теплее. Во второй половине дня группа, скорее всего, отправится на саундчек. А потом Адам выйдет ждать меня. Сначала он

early? That I got to Portland this morning while the snow was still melting?

“Have you ever heard of this Yo-Yo Ma dude?” Adam asked me.

It was the spring of my sophomore year, which was his junior year. By then, Adam had been watching me practice in the music wing for several months. Our school was public, but one of those progressive ones that always got written up in national magazines because of its emphasis on the arts. We did get a lot of free periods to paint in the studio or practice music. I spent mine in the sound-proof booths of the music wing. Adam was there a lot, too, playing guitar. Not the electric guitar he played in his band. Just acoustic melodies.

I rolled my eyes.

“Everyone’s heard of Yo-Yo Ma.”

Adam grinned. I noticed for the first time that his smile was lopsided, his mouth sloping up on one side. He hooked his ringed thumb out toward the quad.

“I don’t think you’ll find five people out there who’ve heard of Yo-Yo Ma. And by the way, what kind of name is that? Is it ghetto or something? Yo Mama?”

подумает, что я опаздываю. Как ему узнать, что на самом деле я приехала раньше? Что я попала в Портленд еще утром, до того, как растаял снег?

— Ты что-нибудь знаешь про такого парня: Йо-Йо Ма? — спросил меня Адам.

Дело было весной моего десятого класса, который для него был одиннадцатым. К этому времени Адам наблюдал за моими занятиями в музыкальном крыле уже несколько месяцев. Наша школа была обычной государственной, но прогрессивной — одной из тех, о которых все время пишут в национальных журналах, с упором на гуманитарные науки и искусство. У нас было много свободных часов, чтобы рисовать в мастерской или заниматься музыкой. Я свои проводила в звукоизолированных кабинках-студиях музыкального крыла. Адам тоже часто приходил туда с гитарой — не электрической, на которой играл в своей группе, а акустической, и просто наигрывал всякие мелодии.

Я закатила глаза.

— Да все знают Йо-Йо Ма.

Адам ухмыльнулся, и я впервые заметила, что улыбка у него кривоватая: вверх полз только один уголок рта. Он ткнул большим пальцем, украшенным кольцом, в сторону школьного двора.

— Не думаю, что ты найдешь там пять человек, которые слышали бы о Йо-Йо Ма. И кстати, что это за имя? Трущобный жаргон какой-то? Йо-Мама?

“It’s Chinese.”

Adam shook his head and laughed.

“I know plenty of Chinese people. They have names like Wei Chin. Or Lee something. Not Yo-Yo Ma.”

“You cannot be blaspheming the master,” I said. But then I laughed in spite of myself. It had taken me a few months to believe that Adam wasn’t taking the piss out of me, and after that we’d started having these little conversations in the corridor.

Still, his attention baffled me.

It wasn’t that Adam was such a popular guy. He wasn’t a jock or a most-likely-to-succeed sort. But he was cool. Cool in that he played in a band with people who went to the college in town. Cool in that he had his own rockery style, procured from thrift stores and garage sales, not from Urban Outfitters knock-offs. Cool in that he seemed totally happy to sit in the lunchroom absorbed in a book, not just pretending to read because he didn’t have anywhere to sit or anyone to sit with. That wasn’t the case at all. He had a small group of friends and a large group of admirers.

And it wasn’t like I was a dork, either. I had friends and a best friend to sit with at lunch. I had other good friends at the music conservato-

— Оно китайское.

Адам помотал головой и хмыкнул.

— Я знаю кучу китайцев. У них имена типа Вей Чинь. Или Ли-чего-то-там. Но не Йо-Йо Ма.

— Как ты можешь издеваться над мастером, — возмутилась я. Но потом, неожиданно для себя, расхохоталась. Только через пару месяцев я поверила, что Адам не насмехается надо мной, и с тех пор мы иногда вот так перекидывались словечком в коридоре.

Но его внимание по-прежнему обескураживало меня.

Не то чтобы Адам считался особенно популярным парнем: не спортсмен, не диск-жокей. Но он был крут — потому что играл в группе с людьми, учившимися в городском университете. Крут потому, что по-рокерски стильно одевался в добытое на гаражных распродажах и в секонд-хендах, а не в подделки от «Урбан аутфиттерс». Крут и в том, что выглядел абсолютно счастливым, когда сидел в столовой, с головой погрузившись в книгу, а не только притворяясь читающим, потому что ему некуда или не с кем сесть. Только не в его случае — у Адама была небольшая группа друзей и огромная толпа почитателей.

И не то чтобы я сама была «унылой заучкой». У меня были приятели и лучшая подруга, с которой мы сидели за обедом. Другие хорошие друзья

ry camp I went to in the summer. People liked me well enough, but they also didn't really know me. I was quiet in class. I didn't raise my hand a lot or sass the teachers. And I was busy, much of my time spent practicing or playing in a string quartet or taking theory classes at the community college. Kids were nice enough to me, but they tended to treat me as if I were a grown-up. Another teacher. And you don't flirt with your teachers.

"What would you say if I said I had tickets to the master?" Adam asked me, a glint in his eyes.

"Shut up. You do not," I said, shoving him a little harder than I'd meant to.

Adam pretended to fall against the glass wall. Then he dusted himself off.

"I do. At the Schnitzle place in Portland."

"It's the Arlene Schnitzer Hall. It's part of the Symphony."

"That's the place. I got tickets. A pair. You interested?"

"Are you serious? Yes! I was dying to go but they're like eighty dollars each. Wait, how did you get tickets?"

"A friend of the family gave them to my parents, but they can't go. It's no big thing," Adam said quickly. "Anyhow, it's Friday night. If you

ждали меня в консерваторском музыкальном лагере, куда я ездила летом. Ко мне все нормально относились, правда совсем не понимали. В классе я вела себя тихо; не часто поднимала руку и не грубила учителям. И я почти все время была занята: то репетировала, то играла в струнном квартете, то слушала лекции по теории музыки в местном университете. Одноклассники вели себя со мной довольно мило, но зачастую относились как ко взрослой, будто я еще одна училка. А с учителями не флиртуют.

— А вот что бы ты сказала, если бы у меня были билеты на мастера? — В глазах Адама заплясали огоньки.

— Да брось. Нету у тебя, — возразила я, отпихнув его чуть сильнее, чем намеревалась.

Адам изобразил, что отлетает и падает на стеклянную стену. Потом картинно отряхнулся.

— А вот и есть. В какой-то «Шницель» в Портленде.

— «Арлин Шнитцер холл», он принадлежит симфоническому оркестру.

— Ага, тот самый. У меня есть билеты, целых два. Тебе интересно?

— Ты что, серьезно? Конечно! Я безумно хотела пойти, но это стоит чуть ли не восемьдесят баксов. Погоди, а где ты взял билеты?

— Друг семьи подарил моим родителям, а они не могут пойти. Ничего особенного, — выпалил Адам. — В общем, это в пятницу вечером. Если

want, I'll pick you up at five-thirty and we'll drive to Portland together."

"Okay," I said, like it was the most natural thing.

By Friday afternoon, though, I was more jittery than when I'd inadvertently drunk a whole pot of Dad's tar-strong coffee while studying for finals last winter.

It wasn't Adam making me nervous. I'd grown comfortable enough around him by now. It was the uncertainty. What was this, exactly? A date? A friendly favor? An act of charity? I didn't like being on soft ground any more than I liked fumbling my way through a new movement. That's why I practiced so much, so I could rush myself on solid ground and then work out the details from there.

I changed my clothes about six times. Teddy, a kindergartner back then, sat in my bedroom, pulling the Calvin and Hobbes books down from the shelves and pretending to read them. He cracked himself up, though I wasn't sure whether it was Calvin's high jinks or my own making him so goofy.

Mom popped her head in to check on my progress.

"He's just a guy, Mia," she said when she saw me getting worked up.

"Yeah, but he's just the first guy I've ever gone on a maybe-date with," I said. "So I don't know whether to wear date clothes or symphony

хочешь, я заскочу за тобой после половины шестого и поедем в Портленд вместе.

— Ладно, — сказала я, как будто все это было совершенно обычным делом.

Однако к полудню пятницы я нервничала куда больше, чем после того, как прошлой зимой, готовясь к экзаменам, нечаянно выпила целый кофейник папиного крепчайшего кофе.

Нервничала я не из-за Адама: за это время я уже вполне освоилась в его обществе — а от неопределенности. Что это вообще такое? Свидание? Дружеская любезность? Акт благотворительности? Я не любила ступать на зыбкую почву — не больше, чем разбирать новые пьесы. Вот почему я занималась так много: чтобы обрести под ногами твердую землю, а потом уже работать над мелочами.

Я переодевалась раз шесть. Тедди, тогда еще дошколенок, сидел в моей комнате, таская с полок комиксы про Кальвина и Гоббса и притворяясь, что читает. Он покатывался со смеху, хотя было не очень понятно, веселят его проделки Кальвина или мои метания.

Мама просунула голову в дверь, чтобы посмотреть, как идут дела.

— Он просто парень, Мия, — сказала она, заметив, что я уже на взводе.

— Ага, просто первый парень, с которым я иду вроде бы на свидание, — огрызнулась я. — Так что я не знаю, одеваться мне как на свидание или

clothes — do people here even dress up for that kind of thing? Or should I just keep it casual, in case it's not a date?"

"Just wear something you feel good in," she suggested. "That way you're covered."

I'm sure Mom would've pulled out all the stops had she been me. In the pictures of her and Dad from the early days, she looked like a cross between a 1930s siren and a biker chick, with her pixie haircut, her big blue eyes coated in kohl eyeliner, and her rail-thin body always ensconced in some sexy getup, like a lacy vintage camisole paired with skintight leather pants.

I sighed. I wished I could be so ballsy. In the end, I chose a long black skirt and a maroon short-sleeved sweater. Plain and simple. My trademark, I guess.

When Adam showed up in a sharkskin suit and Creepers (an ensemble that wholly impressed Dad), I realized that this really was a date. Of course, Adam would choose to dress up for the symphony and a 1960s sharkskin suit could've just been his cool take on formal, but I knew there was more to it than that. He seemed nervous as he shook hands with my Dad and told him that he had his band's old CDs.

как в филармонию. У нас туда вообще наряжаются как-нибудь особенно? Или мне лучше одеться как обычно, на тот случай, если это не свидание?

— Просто надень то, в чем хорошо себя чувствуешь, — предложила мама. — И убьешь всех зайцев сразу.

Наверняка мама на моем месте не колебалась бы ни секунды. На их с папой фотографиях из прошлого она выглядит как гибрид томной красотки из тридцатых годов и байкерши: озорная стрижка, большие голубые глаза, обведенные карандашом, и тощее, как щепка, тело, всегда облаченное во что-нибудь вызывающе соблазнительное — к примеру, в старинную кружевную кофточку и облегающие кожаные штаны.

Я вздохнула: вот бы мне быть такой смелой. В конце концов я выбрала длинную черную юбку и темно-бордовый свитер с короткими рукавами. Просто и четко — похоже, это мой фирменный стиль.

Когда появился Адам в строгом костюме с отливом и «криперсах» (это сочетание совершенно сразило папу), я поняла, что у нас и правда свидание. Могло, конечно, оказаться, что Адам просто решил одеться «как в филармонию», а для официальных случаев у него припасен классный костюм из шестидесятых, но я ощутила в этом нечто большее. Парень явно нервничал, когда пожимал руку моему папе и говорил, что у него есть диски папиной группы.

“To use as coasters, I hope,” Dad said.

Adam looked surprised, unused to the parent being more sarcastic than the child, I imagine.

“Don’t you kids get too crazy. Bad injuries at the last Yo-Yo Ma mosh pit,” Mom called as we walked down the lawn.

“Your parents are so cool,” Adam said, opening the car door for me.

“I know,” I replied.

We drove to Portland, making small talk. Adam played me snippets of bands he liked, a Swedish pop trio that sounded monotonous but then some Icelandic art band that was quite beautiful. We got a little lost downtown and made it to the concert hall with only a few minutes to spare.

Our seats were in the balcony. Nosebleeds. But you don’t go to Yo-Yo Ma for the view, and the sound was incredible. That man has a way of making the cello sound like a crying woman one minute, a laughing child the next. Listening to him, I’m always reminded of why I started playing cello in the first place — that there is something so human and expressive about it.

When the concert started, I peered at Adam out of the corner of my eye. He seemed good-natured

— Наверное, под пиво подставляешь, — пошутил папа.

Адам изрядно удивился — видимо, не привык, что родитель может быть ехиднее собственного ребенка.

— Только не сходите с ума, дети. На последнем концерте Йо-Йо Ма на танцполе были тяжелые травмы, — крикнула мама, когда мы уходили через газон к машине.

— У тебя такие крутые предки, — сказал Адам, открывая мне дверь.

— Я знаю, — ответила я.

Мы ехали в Портленд, болтая о всяких пустяках. Адам ставил мне песни групп, которые ему нравились: шведского поп-трио, звучавшего однообразно и скучновато, а потом каких-то исландцев, которые оказались весьма хороши. Мы немного заблудились в центре и приехали к концертному залу всего за несколько минут до начала.

Наши места были на балконе, на самом верху. Но на Йо-Йо Ма ходят не смотреть, а звучало все потрясающе. Этот человек умеет сделать так, что виолончель стонет, как плачущая женщина, — и тут же смеется, как ребенок. Слушая его, я всегда вспоминаю, почему сама начала играть на виолончели: есть в ней что-то невероятно, по-человечески душевное.

Когда начался концерт, я краем глаза поглядывала на Адама. Ему вроде бы все нравилось,

enough about the whole thing, but he kept looking at his program, probably counting off the movements until intermission. I worried that he was bored, but after a while I got too caught up in the music to care.

Then, when Yo-Yo Ma played “Le Grand Tango,” Adam reached over and grasped my hand. In any other context, this would have been cheesy, the old yawn-and-cop-a-feel move. But Adam wasn’t looking at me. His eyes were closed and he was swaying slightly in his seat. He was lost in the music, too. I squeezed his hand back and we sat there like that for the rest of the concert.

Afterward, we bought coffees and doughnuts and walked along the river. It was misting and he took off his suit jacket and draped it over my shoulders.

“You didn’t really get those tickets from a family friend, did you?” I asked.

I thought he would laugh or throw up his arm in mock surrender like he did when I beat him in an argument. But he looked straight at me, so I could see the green and browns and grays swimming around in his irises. He shook his head.

“That was two weeks of pizza-delivery tips,” he admitted.

I stopped walking. I could hear the water lapping below.

“Why?” I asked. “Why me?”

но он продолжал смотреть в свою программку, вероятно, считая минуты до антракта. Я беспокоилась, вдруг ему скучно, но скоро музыка совершенно увлекла меня.

Когда Йо-Йо Ма заиграл «Большое танго», Адам вдруг взял меня за руку. В любой другой ситуации получилось бы пошло: стандартный жест «скучно-так-хоть-полапаю». Но Адам не смотрел на меня. Его глаза были закрыты, он чуть покачивался в кресле. Он тоже с головой ушел в музыку. Я в ответ сжала его руку, и мы так и просидели весь концерт.

Потом мы купили кофе с пончиками и медленно пошли вдоль реки. Наползал туман, Адам снял пиджак и накинул мне на плечи.

— Ведь на самом деле эти билеты у тебя не от друга семьи? — спросила я.

Я думала, он рассмеется или вскинет руки в шутливом «сдаюсь», как он делал, когда я побеждала его в спорах. Но он посмотрел прямо мне в глаза, так что я разглядела переплетение зеленого, коричневого и серого в его радужках. Он покачал головой и признался:

— Это были двухнедельные чаевые за доставку пиццы.

Я остановилась. Было слышно, как внизу плещется вода.

— Почему? — спросила я. — Почему я?

“I’ve never seen anyone get as into music as you do. It’s why I like to watch you practice. You get the cutest crease in your forehead, right there,” Adam said, touching me above the bridge of my nose. “I’m obsessed with music and even I don’t get transported like you do.”

“So, what? I’m like a social experiment to you?” I meant it to be jokey, but it came out sounding bitter.

“No, you’re not an experiment,” Adam said. His voice was husky and choked.

I felt the heat flood my neck and I could sense myself blushing. I stared at my shoes. I knew that Adam was looking at me now with as much certainty as I knew that if I looked up he was going to kiss me. And it took me by surprise how much I wanted to be kissed by him, to realize that I’d thought about it so often that I’d memorized the exact shape of his lips, that I’d imagined running my finger down the cleft of his chin.

My eyes flickered upward. Adam was there waiting for me.

That was how it started.

12:19 P.M.

There are a lot of things wrong with me.

Apparently, I have a collapsed lung. A ruptured spleen. Internal bleeding of unknown origin. And

— Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так погружался в музыку, как ты. Поэтому я и люблю смотреть, как ты занимаешься. У тебя появляется такая чудная складка на лбу, вот тут. — Адам коснулся моего лица над переносицей. — Я помешан на музыке, но даже мне так крышу не сносит, как тебе.

— И что? Я для тебя что-то типа социального эксперимента? — Я собиралась произнести это шутливо, но получилось зло и горько.

— Нет, ты не эксперимент, — возразил Адам сипло и сдавленно.

Я почувствовала, как жар заливает мне шею, поняла, что краснею, и уставилась на свои туфли. Я знала, Адам смотрит на меня, — так же точно, как то, что, если сейчас подниму на него глаза, он меня поцелует. И меня поразило, как сильно я хотела этого поцелуя и как часто, оказывается, о нем думала — настолько, что успела запомнить форму Адамовых губ, настолько, что мысленно проводила пальцем по ямочке на его подбородке.

Мои ресницы метнулись вверх. Адам ждал меня.

Так все и началось.

12:19

У меня куча всяких повреждений.

Судя по разговорам, открытый пневмоторакс, разрыв селезенки, внутреннее кровотечение не-

most serious, the contusions on my brain. I've also got broken ribs. Abrasions on my legs, which will require skin grafts; and on my face, which will require cosmetic surgery — but, as the doctors note, that is only if I am lucky.

Right now, in surgery, the doctors have to remove my spleen, insert a new tube to drain my collapsed lung, and stanch whatever else might be causing the internal bleeding. There isn't a lot they can do for my brain.

"We'll just wait and see," one of the surgeons says, looking at the CAT scan of my head. "In the meantime, call down to the blood bank. I need two units of O neg and keep two units ahead."

O negative. My blood type. I had no idea. It's not like it's something I've ever had to think about before. I've never been in the hospital unless you count the time I went to the emergency room after I cut my ankle on some broken glass. I didn't even need stitches then, just a tetanus shot.

In the operating room, the doctors are debating what music to play, just like we were in the car this morning. One guy wants jazz. Another wants rock. The anesthesiologist, who stands near my head, requests classical. I root for her, and I feel like that must help because someone pops on a Wagner CD, although I don't know that the rousing "Ride of

ясной этиологии и, самое серьезное, контузия головного мозга. И ребра сломаны. Содрана кожа на ногах, так что потребуется пересадка; и на лице, тут уже нужна будет косметическая хирургия — но, как отмечают врачи, все это понадобится только при удачном раскладе.

Прямо сейчас в операционной врачи удаляют мне селезенку, вставляют новую трубку для отсасывания жидкости из легкого и стараются найти, чем вызвано кровотечение, и остановить его. Однако для мозга моего они могут сделать не много.

— Просто подождем и посмотрим, — говорит один из хирургов, глядя на компьютерную томограмму моей головы. — А пока позвоните в банк крови. Нужны две дозы первой отрицательной сейчас и две про запас.

Первая отрицательная. Моя группа крови. А я и не знала. Видимо, раньше мне об этом думать не приходилось. Я никогда не бывала в больнице, если не считать того случая, когда я попала в травмпункт, порезав щиколотку разбитым стеклом. Тогда мне даже швов не накладывали, только сделали укол от столбняка.

В операционной врачи спорят, какую музыку поставить, прямо как мы в машине сегодня утром. Один хочет джаз, другой — рок, анестезиолог, стоящая у моей головы, требует классики. Я болею за нее, и это будто бы помогает: кто-то ставит диск Вагнера. Правда, браваурный «Полет валькирии» — не совсем то, чего мне хотелось.

the Valkyries” is what I had in mind. I’d hoped for something a little lighter. Four Seasons, perhaps.

The operating room is small and crowded, full of blindingly bright lights, which highlight how grubby this place is. It’s nothing like on TV, where operating rooms are like pristine theaters that could accommodate an opera singer, and an audience. The floor, though buffed shiny, is dingy with scuff marks and rust streaks, which I take to be old bloodstains.

Blood. It is everywhere. It does not faze the doctors one bit. They slice and sew and suction through a river of it, like they are washing dishes in soapy water. Meanwhile, they pump an ever-replenishing stock into my veins.

The surgeon who wanted to listen to rock sweats a lot. One of the nurses has to periodically dab him with gauze that she holds in tongs. At one point, he sweats through his mask and has to replace it.

The anesthesiologist has gentle fingers. She sits at my head, keeping an eye on all my vitals, adjusting the amounts of the fluids and gases and drugs they’re giving me. She must be doing a good job because I don’t appear to feel anything, even though they are yanking at my body. It’s rough and messy work, nothing like that game Operation we used to play as kids where you had to be careful not touch the sides as you removed a bone, or the buzzer would go off.

Я-то надеялась на что-нибудь полегче — «Времена года», например.

Операционная тесная, в ней полно людей и ослепительно ярких ламп, подчеркивающих неопрятность этого места. Ничего похожего на телешоу, где операционные выглядят как стационарные театры, вмещающие и оперного певца, и публику. Пол, хотя и до блеска отполированный, весь в потертостях, царапинах и бурых потеках — полагаю, это засохшая кровь.

Кровь. Она повсюду. Докторов она нисколько не беспокоит. Они режут, шьют и отсасывают прямо посреди красных потоков, как будто моют посуду в мыльной воде. В то же время мне в вены закачивается новая кровь.

Хирург, требовавший рока, сильно потеет. Одной из медсестер приходится регулярно протирать ему лоб марлей, зажатой в щипцах. В какой-то момент пот проступает сквозь маску, и врачу приходится ее сменить.

У анестезиолога легкие, ласковые пальцы. Она сидит у моей головы, следя за показателями жизненных функций и регулируя количество вводимых мне жидкостей, газов и лекарств. Должно быть, у нее хорошо получается, потому что я, судя по всему, ничего не чувствую, хотя в моем теле копаются хирурги. Это кровавая и трудная работа, ничуть не похожая на игру «Операция», которой мы увлекались в детстве: там нужно было осторожно вытащить кость пин-

The anesthesiologist absentmindedly strokes my temples through her latex gloves. This is what Mom used to do when I came down with the flu or got one of those headaches that hurt so bad I used to imagine cutting open a vein in my temple just to relieve the pressure.

The Wagner CD has repeated twice now. The doctors decide it's time for a new genre. Jazz wins. People always assume that because I am into classical music, I'm a jazz aficionado. I'm not. Dad is. He loves it, especially the wild, latter-day Coltrane stuff. He says that jazz is punk for old people. I guess that explains it, because I don't like punk, either.

The operation goes on and on. I'm exhausted by it. I don't know how the doctors have the stamina to keep up. They're standing still, but it seems harder than running a marathon.

I start to zone out. And then I start to wonder about this state I'm in. If I'm not dead — and the heart monitor is bleeping along, so I assume I'm not — but I'm not in my body, either, can I go anywhere? Am I a ghost? Could I transport myself to a beach in Hawaii? Can I pop over to Carnegie Hall in New York City? Can I go to Teddy?

Just for the sake of experiment, I wiggle my nose like Samantha on Bewitched. Nothing hap-

цетом, не коснувшись краев отверстия, — иначе запищит зуммер.

Анестезиолог рассеянно поглаживает мои виски руками в латексных перчатках. То же самое делала мама, когда я сваливалась с гриппом или мучительной головной болью — из тех, от которых мечтаешь вскрыть вену на виске, чтобы только ослабить давление.

Диск Вагнера проиграл уже два раза. Врачи решили, что пришло время нового жанра; побеждает джаз. Люди всегда думают: раз я люблю классическую музыку, то и джаз мне нравится, — но это не так. А вот папа его обожает, особенно безумного позднего Колтрейна, и говорит, что джаз — это такой стариковский панк. Полагаю, в том-то все и дело, ведь панк я тоже не люблю.

Операция тянется и тянется. Я уже совершенно измотана. Не знаю, откуда у врачей берутся силы продолжать. Они стоят на своих местах, но, похоже, это потруднее, чем бежать марафон.

Я начинаю отключаться. Потом задумываюсь о своем нынешнем состоянии. Если я не мертва — а раз кардиомонитор усердно попискивает, то, видимо, нет, — но нахожусь не в своем теле, могу ли я отправиться, куда мне угодно? Может, я призрак? А смогу ли я перенестись на гавайский пляж или в нью-йоркский Карнеги-холл? Смогу ли пойти к Тедди?

Исключительно ради эксперимента я шевелю носом, как Саманта в сериале «Моя жена меня

pens. I snap my fingers. Click my heels. I'm still here.

I decide to try a simpler maneuver. I walk into the wall, imagining that I'll float through it and come out the other side. Except that what happens when I walk into the wall is that I hit a wall.

A nurse bustles in with a bag of blood, and before the door shuts behind her, I slip through it. Now I'm in the hospital corridor. There are lots of doctors and nurses in blue and green scrubs hustling around. A woman on a gurney, her hair in a gauzy blue shower cap, an IV in her arm, calls out, "William, William." I walk a little farther. There are rows of operating rooms, all full of sleeping people. If the patients inside these rooms are like me, why then can't I see the people outside the people? Is everyone else loitering about like I seem to be? I'd really like to meet someone in my condition. I have some questions, like, what is this state I'm in exactly and how do I get out of it? How do I get back to my body? Do I have to wait for the doctors to wake me up? But there's no one else like me around. Maybe the rest of them figured out how to get to Hawaii.

I follow a nurse through a set of automatic double doors. I'm in a small waiting room now. My grandparents are here.

приворожила». Ничего не происходит. Щелкаю пальцами, щелкаю каблуками — я все еще здесь.

Я решаю попробовать трюк попроще: подхожу к стене, воображая, как проплываю сквозь нее и выхожу с другой стороны. Но получается у меня только уткнуться в стену.

Торопливо входит медсестра с пакетом крови, и, прежде чем дверь захлопывается за ней, я проскальзываю в щель. Теперь я в больничном коридоре. Тут снует множество врачей и медсестер в зеленом и голубом. Женщина на каталке — волосы убраны под синюю сетчатую купальную шапочку, в руке торчит капельница — зовет: «Уильям, Уильям». Я прохожу немного дальше. Здесь черед операционных, во всех спящие люди. Если пациенты в этих палатах в таком же состоянии, что и я, то почему мне не видно их разгуливающих по коридорам двойников? Кто-нибудь ведь должен слоняться здесь, как и я? Хотелось бы мне встретить хоть одного такого же. У меня накопились вопросы: например, что это за состояние и как мне из него выбраться? Как мне снова попасть в свое тело? Нужно ли ждать, пока меня разбудят врачи? Но вокруг нет никого похожего. Возможно, остальные придумали, как добраться до Гавайев.

Я прохожу следом за медсестрой в автоматические двойные двери и оказываюсь в небольшой комнате ожидания. Здесь мои бабушка и дедушка.

Gran is chattering away to Gramps, or maybe just to the air. It's her way of not letting emotion get the best of her. I've seen her do it before, when Gramps had a heart attack. She is wearing her Wellies and her gardening smock, which is smudged with mud. She must have been working in her greenhouse when she heard about us. Gran's hair is short and curly and gray; she's been wearing it in a permanent wave, Dad says, since the 1970s. "It's easy," Gran says. "No muss, no fuss." This is so typical of her. No nonsense. She's so quintessentially practical that most people would never guess she has a thing for angels. She keeps a collection of ceramic angels, yarn-doll angels, blown-glass angels, you-name-it angels, in a special china hutch in her sewing room. And she doesn't just collect angels; she believes in them. She thinks that they're everywhere. Once, a pair of loons nested in the pond in the woods behind their house. Gran was convinced that it was her long-dead parents, come to watch over her.

Another time, we were sitting outside on her porch and I saw a red bird.

"Is that a red crossbill?" I'd asked Gran.
She'd shaken her head.

Бабушка что-то говорит дедушке — или, может быть, просто в пространство. Такой у нее способ не поддаваться чувствам. Я уже видела эту ее манеру, когда у дедушки случился сердечный приступ. На бабушке высокие резиновые сапоги и садовый комбинезон, заляпанный грязью. Наверное, она работала у себя в оранжерее, когда услышала новости о нас. Волосы у бабушки короткие, кудрявые и седые; папа говорит, она делает такой перманент с семидесятих годов. «Просто и удобно, — объясняет бабушка, — ни забот, ни хлопот». Это очень характерно для нее: никаких глупостей, все поделовому. Она кажется прямо-таки квинтэссенцией практичности, и большинство людей ни за что бы не подумали, что она слегка помешана на ангелах. У нее целая коллекция самых разнообразных ангелов: нитяных кукол, фарфоровых, стеклянных — да каких угодно, в специальном китайском буфете в ее швейной комнате. И бабушка не просто собирает ангелов — она верит в них, считает, что они повсюду. Однажды в лесном пруду за их с дедушкой домом поселилась пара гагар. Бабушка твердо уверовала, что это ее давно почившие родители прилетели присматривать за ней.

В другой раз мы сидели на веранде, и я заметила красную птичку.

— Это клест? — спросила я бабушку.

Она покачала головой.

“My sister Gloria is a crossbill,” Gran had said, referring to my recently deceased great-aunt Glo, with whom Gran had never gotten along. “She wouldn’t be coming around here.”

Gramps is staring into the dregs of his Styro-foam cup, peeling away the top of it so that little white balls collect in his lap. I can tell it’s the worst kind of swill, the kind that looks like it was brewed in 1997 and has been sitting on a burner ever since. Even so, I wouldn’t mind a cup.

You can draw a straight line from Gramps to Dad to Teddy, although Gramps’s wavy hair has gone from blond to gray and he is stockier than Teddy, who is a stick, and Dad, who is wiry and muscular from afternoon weight-lifting sessions at the Y. But they all have the same watery gray-blue eyes, the color of the ocean on a cloudy day.

Maybe this is why I now find it hard to look at Gramps.

Juilliard was Gran’s idea. She’s from Massachusetts originally, but she moved to Oregon in 1955, on her own. Now that would be no big deal, but I guess fifty-two years ago it was kind of scandalous for a twenty-two-year-old unmarried woman to do that kind of thing. Gran claimed she was drawn to wild open wilderness and it didn’t get more wild than the endless forests and craggy beaches of Oregon. She got a job as a secretary working for the

— Клест — это моя сестра Глория, — заявила бабушка, имея в виду недавно умершую двоюродную бабушку Гло, с которой сама она никогда не ладила. — Она бы не стала сюда прилетать.

Дедушка разглядывает остатки жидкости в своем пенопластовом стакане, отколупывая кушочки от края; маленькие белые шарики скатываются ему на колени. Судя по виду, это отвратительное пойло, оно выглядит так, будто было сварено десять лет назад и с тех пор стояло на огне. И все же я не отказалась бы выпить чашечку.

Сразу видно, что дедушка, папа и Тедди одной породы, хотя дедушкины волнистые, некогда светлые волосы уже поседели, и он плотнее тощего, как палка, Тедди и папы, жилистого и мускулистого от дневных занятий в тренажерном зале «Христианской ассоциации молодых людей». Но у всех у них одинаковые водянистые серо-голубые глаза — цвета океана в пасмурный день.

Может быть, поэтому сейчас мне трудно смотреть на дедушку.

Джувльард был бабушкиной идеей. Сама она из Массачусетса, но переехала в Орегон в пятьдесят пятом году, одна. Теперь в этом нет ничего особенного, но, думаю, пятьдесят два года назад такой поступок считался довольно скандальным для двадцатидвухлетней незамужней женщины. Бабушка заявила, что ее манят дикие просторы, и бесконечные леса и скалистые побережья Орегона ее вполне устроили. Она нанялась секретар-

Forest Service. Gramps was working there as a biologist.

We go back to Massachusetts sometimes in the summers, to a lodge in the western part of the state that for one week is taken over by Gran's extended family. That's when I see the second cousins and great aunts and uncles whose names I barely recognize. I have lots of family in Oregon, but they're all from Gramps's side.

Last summer at the Massachusetts retreat, I brought my cello so I could keep up my practicing for an upcoming chamber-music concert. The flight wasn't full, so the stewardesses let it travel in a seat next to me, just like the pros do it. Teddy thought this was hilarious and kept trying to feed it pretzels.

At the lodge, I gave a little concert one night, in the main room, with my relatives and the dead game animals mounted on the wall as my audience. It was after that that someone mentioned Juilliard, and Gran became taken with the idea.

At first, it seemed far-fetched. There was a perfectly good music program at the university near us. And, if I wanted to stretch, there was a conservatory in Seattle, which was only a few hours' drive. Juilliard was across the country. And expensive. Mom and Dad were intrigued with the idea of it, but I could tell neither one of them really wanted to relinquish me to New York City or go

шей в Службу охраны лесов. Дедушка работал там же биологом.

Иногда летом мы ездим в Массачусетс, в коттедж в западной части штата, который на неделю оккупирует разросшаяся бабушкина семья. Там я вижусь с троюродными сестрами и братьями, двоюродными бабушками и дедушками, которых смутно знаю по именам. В Орегоне у меня тоже большая семья, но все по дедушкиной линии.

Прошлым летом на массачусетское сборище я взяла с собой виолончель, чтобы не прерывать занятия перед концертом камерной музыки. В самолете были свободные места, так что стюардесса разрешила мне поставить виолончель на соседнее сиденье — я летела прямо как профессионал. Тедди нашел это крайне забавным и все время пытался накормить виолончель крендельками.

В коттедже я однажды вечером дала концерт, в самой большой комнате, перед родственниками и развешанными по стенам головами диких зверей. После этого кто-то упомянул Джульярда, и бабушку идея захватила.

Сначала это казалось надуманным: в ближайшем к нам университете была прекрасная учебная программа по музыке. А если я метила выше, то консерватория имелась в Сиэтле, всего в нескольких часах езды. Джульярд же находился на другом конце страны и дорого стоил. Мама с папой оба заинтересовались, но мне было ясно: на самом деле никто из них не хотел отправлять

into hock so that I could maybe become a cellist for some second-rate small-town orchestra. They had no idea whether I was good enough. In fact, neither did I. Professor Christie told me that I was one of the most promising students she'd ever taught, but she'd never mentioned Juilliard to me. Juilliard was for virtuoso musicians, and it seemed arrogant to even think that they'd give me a second glance.

But after the retreat, when someone else, someone impartial and from the East Coast, deemed me Juilliard-worthy, the idea burrowed into Gran's brain. She took it upon herself to speak to Professor Christie about it, and my teacher took hold of the idea like a terrier to a bone.

So, I filled out my application, collected my letters of recommendation, and sent in a recording of my playing. I didn't tell Adam about any of this. I had told myself that it was because there was no point advertising it when even getting an audition was such a long shot. But even then I'd recognized that for the lie that it was. A small part of me felt like even applying was some kind of betrayal. Juilliard was in New York. Adam was here.

But not at high school anymore. He was a year ahead of me, and this past year, my senior year, he'd started at the university in town. He only went to school part-time now because Shooting Star was starting to get popular. There was a re-

меня в Нью-Йорк или залезать в долги, чтобы я стала виолончелисткой в заштатном оркестрике какого-нибудь городишки. Они не представляли, насколько хорошо я играю, да и сама я не представляла. Профессор Кристи говорила, что я одна из самых многообещающих ее учениц, но никогда не упоминала при мне Джульярда. Джульярд считался школой музыкантов-виртуозов, и подумать, будто там пожелают хотя бы взглянуть на меня, уже казалось дерзостью.

Но после семейного сбора, когда кто-то еще, беспристрастный и с Восточного побережья, называл меня достойной Джульярда, мысль эта прочно укоренилась в голове у бабушки. Она взяла на себя разговор с профессором Кристи, и моя учительница вцепилась в идею, как терьер в кость.

Так что я заполнила форму заявления, собрала рекомендательные отзывы и отослала запись моей игры. И ни о чем не рассказала Адаму. Я убедила себя: нет смысла объявлять о моей попытке на весь свет, если так мало шансов даже на прослушивание. Но все равно я сознавала, что это самая настоящая ложь. Маленькая часть меня полагала даже подачу заявления неким предательством. Джульярд в Нью-Йорке, а Адам-то здесь.

Но уже больше не в школе. Он был на год старше меня и с осени — для меня начался последний, одиннадцатый класс — пошел в городской университет. Посещал он не все занятия, поскольку популярность «Звездопада» набирала

cord deal with a Seattle-based label, and a lot of traveling to gigs. So only after I got the creamy envelope embossed with The Juilliard School and a letter inviting me to audition did I tell Adam that I'd applied. I explained how many people didn't get that far. At first he looked a little awestruck, like he couldn't quite believe it. Then he gave a sad little smile.

"Yo Mama better watch his back," he said.

The auditions were held in San Francisco. Dad had some big conference at the school that week and couldn't get away, and Mom had just started a new job at the travel agency, so Gran volunteered to accompany me.

"We'll make a girls' weekend of it. Take high tea at the Fairmont. Go window-shopping in Union Square. Ride the ferry to Alcatraz. We'll be tourists."

But a week before we were due to leave, Gran tripped over a tree root and sprained her ankle. She had to wear one of those clunky boots and wasn't supposed to walk. Minor panic ensued. I said I could just go by myself — drive, or take the train, and come right back.

It was Gramps who insisted on taking me. We drove down together in his pickup truck. We didn't

обороты. Уже был контракт с компанией звукозаписи в Сиэтле и много гастрольных поездок. Поэтому только когда мне пришел кремовый конверт со штампом школы Джульярда и письмо, приглашающее меня на прослушивание, я рассказала Адаму о заявлении. Я объяснила, сколько людей не добиваются и до этого этапа. Сначала Адам выглядел несколько ошеломленным, будто не мог поверить, потом выдал печальную улыбочку и сказал:

— Йо-Маме лучше не расслабляться.

Прослушивание проходило в Сан-Франциско. У папы на той неделе была какая-то крупная конференция в школе, и он не мог отвертеться, а мама только что вышла на новую работу в бюро путешествий, так что сопровождать меня вызвалась бабушка.

— Давай устроим по этому случаю настоящий девичник. Выпьем чаю в «Фэйрмонте», поглазем на витрины на Юнион-сквер, съездим на пароме до Алькатраса. В общем, побудем туристками.

Но за неделю до нашего отъезда бабушка споткнулась о корень дерева и сильно потянула щиколотку. На нее нацепили здоровенный неуклюжий ботинок и запретили ходить пешком. Поднялась небольшая паника. Я заявила, что могу поехать и одна, на машине или поезде, и вернусь целой и невредимой.

Но дедушка настоял, что отвезет меня, и мы поехали вместе на его пикапе. Мы не особенно много

talk much, which was fine by me because I was so nervous. I kept fingering the Popsicle-stick good-luck talisman Teddy had presented me with before we left.

“Break an arm,” he’d told me.

Gramps and I listened to classical music and farm reports on the radio when we could pick up a station. Otherwise, we sat in silence. But it was such a calming silence; it made me relax and feel closer to him than any heart-to-heart would have.

Gran had booked us in a really frilly inn, and it was funny to see Gramps in his work boots and plaid flannel amid all the lacy doilies and potpourri. But he took it all in stride.

The audition was grueling. I had to play five pieces: a Shostakovich concerto, two Bach suites, all Tchaikovsky’s Pezzo capriccioso, which was next to impossible, and a movement from Ennio Morricone’s *The Mission*, a fun but risky choice because Yo-Yo Ma had covered this and everyone would compare. I walked out with my legs wobbly and my underarms wet with sweat. But my endorphins were surging and that, combined with the huge sense of relief, left me totally giddy.

разговаривали, я этому была только рада, потому что страшно нервничала. И все время вертела в руках палочку от мороженого — талисман на удачу, который Тедди вручил мне перед отъездом.

«Ни струн и ни смычка», — пожелал он.

Мы с дедушкой слушали по радио классическую музыку и «Вестник фермера», когда удавалось поймать волну. В остальное время ехали в тишине. Но это была умиротворяющая тишина, лучше самого задушевного разговора: она помогала мне расслабиться и почувствовать себя ближе к дедушке.

Бабушка заказала нам поистине роскошную гостиницу, и было забавно видеть дедушку в рабочих ботинках и клетчатой рубашке посреди кружевных салфеток и вазочек с цветочными лепестками. Но он все принял как должное и перенес стойчески.

Прослушивание вытянуло из меня все силы. Я должна была сыграть пять произведений: концерт Шостаковича, две сюиты Баха, все «Пеццо каприччиозо» Чайковского (почти невозможный подвиг) и тему из «Миссии» Эннио Морриконе — интересный, но рискованный выбор, потому что его переигрывал Йо-Йо Ма и все стали бы сравнивать. Я вышла из аудитории с мокрыми от пота подмышками и дрожащими ногами. Там на меня нахлынула волна эндорфинов вкупе с огромным чувством облегчения, и перед глазами все закружилась.

“Shall we see the town?” Gramps asked, his lips twitching into a smile.

“Definitely!”

We did all the things Gran had promised we would do. Gramps took me to high tea and shopping, although for dinner, we skipped out on the reservations Gran had made at some fancy place on Fisherman’s Wharf and instead wandered into Chinatown, looking for the restaurant with the longest line of people waiting outside, and ate there.

When we got back home, Gramps dropped me off and enveloped me in a hug. Normally, he was a handshaker, maybe a back-patter on really special occasions. His hug was strong and tight, and I knew it was his way of telling me that he’d had a wonderful time.

“Me, too, Gramps,” I whispered.

3:47 P.M.

They just moved me out of the recovery room into the trauma intensive-care unit, or ICU. It’s a horseshoe-shaped room with about a dozen beds and a cadre of nurses, who constantly bustle around, reading the computer printouts that churn out from the feet of our beds recording our vital signs. In the middle of the room are more computers and a big desk, where another nurse sits.

— Ну что, поедem посмотрим город? — спросил дедушка, улыбаясь чуть трясущимися губами.

— Конечно!

Мы проделали все, что мне наобещала бабушка. Дедушка свозил меня выпить чаю и побродить по магазинам, вот только ужин, который бабушка нам заказала в каком-то модном дорогом месте в районе Рыбачьей пристани, мы пропустили и вместо этого забрели в Чайнатаун, нашли ресторан с самой длинной очередью снаружи и поели там.

Когда мы вернулись домой, дедушка вышел вместе со мной из машины и обнял меня. Обычно он только руку пожимал, в особых случаях разве что по спине похлопывал. Его объятие было крепким и сильным, и я понимала: таким образом он сообщает, что замечательно провел время.

— Я тоже, дедуль, — шепнула я.

15:47

Меня только что перевели из послеоперационной палаты в отделение реанимации и интенсивной терапии, или ОРИТ. Это комната подковообразной формы, в ней около дюжины кроватей; вокруг них постоянно снуют несколько медсестер, пробегая глазами компьютерные распечатки с записями наших физиологических показателей, выползающие в изножье кроватей. В цен-

I have two nurses who check in on me, along with the endless round of doctors. One is a taciturn doughy man with blond hair and a mustache, who I don't much like. And the other is a woman with skin so black it's blue and a lilt in her voice. She calls me "sweetheart" and perpetually straightens the blankets around me, even though it's not like I'm kicking them off.

There are so many tubes attached to me that I cannot count them all: one down my throat breathing for me; one down my nose, keeping my stomach empty; one in my vein, hydrating me; one in my bladder, peeing for me; several on my chest, recording my heartbeat; another on my finger, recording my pulse. The ventilator that's doing my breathing has a soothing rhythm like a metronome, in, out, in, out.

No one, aside from the doctors and nurses and a social worker, has been in to see me. It's the social worker who speaks to Gran and Gramps in hushed sympathetic tones. She tells them that I am in "grave" condition. I'm not entirely sure what that means — grave. On TV, patients are always critical, or stable. Grave sounds bad. Grave is where you go when things don't work out here.

тре палаты стоят другие компьютеры и большой стол, за которым сидит еще одна медсестра.

За мной следят медсестра и медбрат, а также все время сменяющие друг друга врачи. Медбрат — молчаливый, нездорового вида мужчина со светлыми волосами и усами; он мне не особенно нравится. А у медсестры кожа настолько черная, что отливает синевой, и говорит она с мелодичным акцентом. Она зовет меня «солнышком» и все время разглаживает на мне одеяло, хотя не похоже, чтобы я его скидывала.

Ко мне подсоединено столько трубочек, что я их и сосчитать не могу: одна в горле, дышит за меня; одна в носу, отсасывает жидкость из желудка; одна в вене, восполняет теряемую воду; одна в мочевом пузыре, мочится за меня; несколько в груди, фиксируют сокращения сердца; еще одна на пальце, записывает пульс. Аппарат искусственной вентиляции легких, помогающий мне дышать, задает мягкий приятный ритм, похожий на метроном: вдох, выдох, вдох, выдох.

Никто, кроме врачей, медсестер и социальной работницы, не заходил меня проводить. Именно соцработница беседует с бабушкой и дедушкой негромким сочувственным голосом. Она говорит, что я в тяжелом состоянии. Я не очень понимаю, что это значит — тяжелое. У телевизионных пациентов состояние всегда либо критическое, либо стабильное. «Тяжелое» звучит угрожающе. Ког-

“I wish there was something we could do,” Gran says. “I feel so useless just waiting.”

“I’ll see if I can get you in to see her in a little while,” the social worker says. She has frizzy gray hair and a coffee stain on her blouse; her face is kind. “She’s still sedated from the surgery and she’s on a ventilator to help her breathe while her body heals from the trauma. But it can be helpful even for patients in a comatose state to hear from their loved ones.”

Gramps grunts in reply.

“Do you have any people you can call?” the social worker asks. “Relatives who might like to be here with you. I understand this must be quite a trial for you, but the stronger you can be, the more it will help Mia.”

I startle when I hear the social worker say my name. It’s a jarring reminder that it’s me they’re talking about. Gran tells her about the various people who are en route right now, aunts, uncles. I don’t hear any mention of Adam.

Adam is the one I really want to see. I wish I knew where he was so I could try to go there. I have no idea how he’s going to find out about me. Gran and Gramps don’t have his phone number.

да человеку слишком тяжело, у него все перестает работать — а так и до могилы недалеко.

— Если бы мы могли хоть что-нибудь сделать, — говорит бабушка. — Я чувствую себя такой бесполезной, просто сидя здесь.

— Я узнаю, можно ли будет провести вас к ней через некоторое время, — говорит соцработница. У нее седые курчавые волосы, пятно от кофе на блузке и доброе лицо. — Девочка еще не отошла от операции и подключена к респиратору: он помогает ей дышать, пока тело приходит в себя после шока. Но даже пациентам в коматозном состоянии бывает полезно услышать голоса любимых и родных.

Дедушка кряхтит в ответ.

— У вас есть кто-нибудь, кому можно позвонить? — спрашивает соцработница. — Родственники, которые могут захотеть побыть здесь с вами. Я понимаю, что для вас это тяжелое испытание, но чем сильнее budete вы, тем больше это поможет Мие.

Я вздрагиваю, услышав свое имя от соцработницы, — неприятное напоминание, что они говорят обо мне. Бабушка перечисляет работнице нескольких человек, которые уже едут сюда. Но я не слышу никакого упоминания об Адаме.

Адам — единственный, кого я по-настоящему хочу видеть. Вот бы выяснить, где он, и попробовать туда добраться. Я не представляю, как он узнает обо мне. У бабушки и дедушки нет его

They don't carry cell phones, so he can't call them. And I don't know how he'd even know to call them. The people who would normally pass along pertinent information that something has happened to me are in no position to do that.

I stand over the bleeping tubed lifeless form that is me. My skin is gray. My eyes are taped shut. I wish someone would take the tape off. It looks like it itches. The nice nurse bustles over. Her scrubs have lollipops on them, even though this isn't a pediatric unit.

"How's it going, sweetheart?" she asks me, as if we just bumped into each other in the grocery store.

It didn't start out so smoothly with Adam and me. I think I had this notion that love conquers all. And by the time he dropped me off from the Yo-Yo Ma concert, I think we were both aware that we were falling in love. I thought that getting to this part was the challenge. In books and movies, the stories always end when the two people finally have their romantic kiss. The happily-ever-after part is just assumed.

It didn't quite work that way for us. It turned out that coming from such far corners of the social universe had its downsides. We continued to see each other in the music wing, but these inter-

телефона, а у них нет сотовых, так что он не сможет им позвонить. Ну а люди, которые в обычной ситуации сообщили бы, что со мной что-то случилось, наверняка этого не сделают.

Я стою над попискивающей, утыканной трубочками неподвижной фигурой — самой собой. Моя кожа посерела. Глаза закрыты и заклеены. Мне хочется, чтобы кто-нибудь снял пластырь, один его вид вызывает зуд. Надо мной хлопочет симпатичная медсестра. К ее униформе прилипли леденцы, хотя здесь не педиатрическое отделение.

— Ну, как у тебя дела, солнышко? — спрашивает она, будто мы только что столкнулись в магазине.

Вначале у нас с Адамом все шло не слишком гладко. Кажется, я придерживалась мнения, что любовь побеждает все. И к тому моменту, как Адам привез меня домой после концерта Йо-Йо Ма, думаю, мы оба поняли, что влюбляемся. Я-то полагала, что это самый трудный этап. В книгах и фильмах истории всегда заканчиваются, когда двое наконец-то сливаются в романтическом поцелуе. «Жили они долго и счастливо» просто подразумевается, оставаясь за кадром.

Но у нас получилось не совсем так. Оказалось, пребывание в столь далеких друг от друга уголках социальной вселенной имеет свои недостатки. Мы продолжали видеться в музыкальном

actions remained platonic, as if neither one of us wanted to mess with a good thing. But whenever we met at other places in the school — when we sat together in the cafeteria or studied side by side on the quad on a sunny day — something was off. We were uncomfortable. Conversation was stilted. One of us would say something and the other would start to say something else at the same time.

“You go,” I’d say.

“No, you go,” Adam would say.

The politeness was painful. I wanted to push through it, to return to the glow of the night of the concert, but I was unsure of how to get back there.

Adam invited me to see his band play. This was even worse than school. If I felt like a fish out of water in my family, I felt like a fish on Mars in Adam’s circle. He was always surrounded by funky, lively people, by cute girls with dyed hair and piercings, by aloof guys who perked up when Adam rock-talked with them. I couldn’t do the groupie thing. And I didn’t know how to rock-talk at all. It was a language I should’ve understood, being both a musician and Dad’s daughter, but I didn’t. It was like how Mandarin speakers can sort of understand Cantonese but not really, even though non-Chinese people assume all Chinese can communicate with one another, even though Mandarin and Cantonese are actually different.

крыле, но эти отношения оставались платоническими, как будто мы оба не хотели омрачать их, смешивая одно с другим. Но когда мы встречались в других местах школы — сидели вместе в столовой или занимались бок о бок во двореке в солнечный денек, — что-то исчезало. Нам становилось неловко. Разговор не клеился, выходил неестественным: мы то начинали говорить одновременно, то не могли придумать, что сказать.

— Ты молодчина, — выдавливала я.

— Нет, это ты молодчина, — отвечал Адам.

Вежливость тяготила. Я хотела пробиться сквозь нее, чтобы вернуть мягкий свет и теплоту того концертного вечера, но не очень понимала, как это сделать.

Адам приглашал меня посмотреть и послушать, как играет его группа. На концертах было даже хуже, чем в школе. Если в своей семье я ощущала себя словно рыба, вытщенная из воды, то в кругу Адама казалась себе рыбой, заброшенной на Марс. Рядом с ним всегда были остроумные, жизнерадостные люди, классные девчонки с крашеными волосами и пирсингом, самые замкнутые парни тут же веселили, когда он заговаривал с ними на рок-жаргоне. Я не могла вести себя как настоящая фанатка, а рок-жаргона не знала вообще. Я должна была бы понимать этот язык, будучи музыкантшей и дочерью своего отца, но не понимала. Так говорящие на мандаринском китайском могут частично понимать кантонцев,

I dreaded going to shows with Adam. It wasn't that I was jealous. Or that I wasn't into his kind of music. I loved to watch him play. When he was onstage, it was like the guitar was a fifth limb, a natural extension of his body. And when he came offstage afterward, he would be sweaty but it was such a clean sweat that part of me was tempted to lick the side of his face, like it was a lollipop. I didn't, though.

Once the fans would descend, I'd skitter off to the sidelines. Adam would try to draw me back, to wrap an arm around my waist, but I'd disentangle myself and head back to the shadows.

"Don't you like me anymore?" Adam chided me after one show. He was kidding, but I could hear the hurt behind the offhand question.

"I don't know if I should keep coming to your shows," I said.

"Why not?" he asked. This time he didn't try to disguise the hurt.

"I feel like I keep you from basking in it all. I don't want you to have to worry about me."

но не до конца; хотя иностранцы считают, будто все китайцы могут общаться между собой, на самом деле мандаринский и кантонский диалекты сильно различаются.

Ходить на концерты с Адамом было сущим мучением. Не то чтобы я ревновала, завидовала или мне не нравилась его музыка. Я любила смотреть, как он играет. Когда он стоял на сцене, гитара казалась еще одной его конечностью, естественным продолжением тела. А когда Адам сходил со сцены после концерта, он был весь в поту, но таком чистом и свежем поту, что мне даже хотелось облизать его щеку, словно леденец. Конечно, я этого не делала.

Как только вокруг него собирались поклонники, я ускользала в темный зал. Адам пытался меня вернуть, обнять за талию, но я выворачивалась и возвращалась в тень.

— Я тебе больше не нравлюсь? — с укором спросил меня Адам после одного из концертов. Он шутил, но за небрежным тоном слышалась досада.

— Сомневаюсь, что мне стоит продолжать ходить на ваши концерты, — сказала я.

— Почему? — спросил он, на этот раз даже не пытаюсь скрыть обиду.

— Я чувствую, что мешаю тебе полностью в это погрузиться. Не хочу, чтобы тебе приходилось волноваться за меня.

Adam said that he didn't mind worrying about me, but I could tell that part of him did.

We probably would've broken up in those early weeks were it not for my house. At my house, with my family, we found a common ground. After we'd been together for a month, I took Adam home with me for his first family dinner with us. He sat in the kitchen with Dad, rock-talking. I observed, and I still didn't understand half of it, but unlike at the shows I didn't feel left out.

"Do you play basketball?" Dad asked. When it came to observing sports, Dad was a baseball fanatic, but when it came to playing, he loved to shoot hoops.

"Sure," Adam said. "I mean, I'm not very good."

"You don't need to be good; you just need to be committed. Want to play a quick game? You already have your basketball shoes on," Dad said, looking at Adam's Converse high-tops. Then he turned to me. "You mind?"

"Not at all," I said, smiling. "I can practice while you play."

They went out to the courts behind the nearby elementary school. They returned forty-five minutes later. Adam was covered with a sheen of sweat and looking a little dazed.

"What happened?" I asked. "Did the old man whoop you?"

Адам ответил, что и не думал этого делать, но я знала, что в глубине души он все-таки волновался.

Возможно, мы прекратили бы отношения в те первые недели, если бы не мой дом. Там, с моей семьей, мы обрели взаимопонимание. После того как мы пробыли вместе около месяца, я привела Адама на его первый семейный ужин с нами. Они с папой сидели на кухне и беседовали о роке. Я наблюдала за ними, по-прежнему не понимая и половины, но не чувствовала себя исключенной из разговора, как на концертах.

— А ты играешь в баскетбол? — спросил папа. В плане зрелищ он был фанатом бейсбола, но сам любил побросать мяч в кольцо.

— Конечно, — ответил Адам. — Ну, то есть не особенно хорошо.

— Хорошо не обязательно, главное — увлеченно. Хочешь сыграть по-быстрому? Ты уже в баскетбольной обуви. — Папа указал на Адамовы кеды, потом повернулся ко мне: — Ты не против?

— Вовсе нет, — улыбнулась я. — Пока вы играете, я могу позаниматься.

Они ушли на площадку за соседней начальной школой и вернулись минут через сорок пять. Адам, весь блестящий от пота, казался слегка ошеломленным.

— Что случилось? — спросила я. — Старик тебя сделал?

Adam shook his head and nodded at the same time.

“Well, yes. But it’s not that. I got stung by a bee on my palm while we were playing. Your dad grabbed my hand and sucked the venom out.”

I nodded. This was a trick he’d learned from Gran, and unlike with rattlesnakes, it actually worked on bee stings. You got the stinger and the venom out, so you were left with only a little itch.

Adam broke into an embarrassed smile. He leaned in and whispered into my ear:

“I think I’m a little wigged out that I’ve been more intimate with your dad than I have with you.”

I laughed at that. But it was sort of true. In the few weeks we’d been together, we hadn’t done much more than kiss. It wasn’t that I was a prude. I was a virgin, but I certainly wasn’t devoted to staying that way. And Adam certainly wasn’t a virgin. It was more that our kissing had suffered from the same painful politeness as our conversations.

“Maybe we should remedy that,” I murmured.

Adam raised his eyebrows as if asking me a question. I blushed in response. All through dinner, we grinned at each other as we listened to Teddy, who was chattering about the dinosaur bones he’d apparently dug up in the back garden that afternoon. Dad had made his famous salt roast, which was my favorite dish, but I had no appetite. I pushed the

Адам одновременно покачал головой и кивнул.

— Ну да. Но не только. Когда мы играли, меня укусила пчела, в ладонь. А твой отец схватил меня за руку и высосал яд.

Я кивнула. Этому фокусу он выучился у бабушки, и при пчелиных укусах, в отличие от укусов гремучих змей, высасывание действительно помогает. Жало и яд выходят, так что остается только легкий зуд.

Адам расплылся в смущенной улыбке, потом наклонился и прошептал мне на ухо:

— Кажется, я немного обалдел от того, что стал ближе с твоим папой, чем с тобой.

Я прыснула. Однако в некотором смысле это было правдой. В те несколько недель, что мы встречались, дело не заходило дальше поцелуев. Не то чтобы мне мешала скромность — я еще была девственницей, но совершенно не собиралась таковой оставаться. А Адам уж точно девственником не был. Скорее наши поцелуи страдали от той же вымученной вежливости, что и разговоры.

— Наверное, пора это исправить, — шепнула я.

Адам поднял брови, будто уточняя, верно ли расслышал. Я в ответ залилась краской. Весь ужин мы ухмылялись друг другу, слушая Тедди, болтавшего о костях динозавров, которые он сегодня днем откопал в саду за домом. Папа приготовил свой знаменитый ростбиф в соляной корке, мое любимое блюдо, но у меня не было аппетита.

food around my plate, hoping no one would notice. All the while, this little buzz was building inside me. I thought of the tuning fork I used to adjust my cello. Hitting it sets off vibrations in the note of A — vibrations that keep growing, and growing, until the harmonic pitch fills up the room. That's what Adam's grin was doing to me during dinner.

After the meal, Adam took a quick peek at Teddy's fossil finds, and then we went upstairs to my room and closed the door. Kim is not allowed to be alone in her house with boys — not that the opportunity ever came up. My parents had never mentioned any rules on this issue, but I had a feeling that they knew what was happening with Adam and me, and even though Dad liked to play it all *Father Knows Best*, in reality, he and Mom were suckers when it came to love.

Adam lay down on my bed, stretching his arms above his head. His whole face was grinning — eyes, nose, mouth.

“Play me,” he said.

“What?”

“I want you to play me like a cello.”

Я возила еду по тарелке, надеясь, что никто не обратит внимания. Тем временем во мне нарастала некая вибрация. Это напомнило мне камертон-вилку, с помощью которого я настраивала виолончель. Если ударить им по чему-нибудь, возникают звуковые колебания на частоте ноты ля — и вибрация продолжает усиливаться, пока гармонические обертоны не заполнят все пространство. То же самое делала со мной улыбка Адама за ужином.

После еды Адам наскоро осмотрел ископаемые находки Тедди, а потом мы поднялись ко мне в комнату и закрыли дверь. Ким не разрешают оставаться дома наедине с мальчиками — впрочем, и возможности такой пока не представлялось. Мои родители никогда не оглашали никаких правил на эту тему, однако меня не оставляло ощущение, будто они понимают, что происходит со мной и Адамом; и пусть даже папе нравилось играть в свое «папе видней», в реальности они с мамой питали изрядную слабость ко всему, что касалось любви.

Адам лег на мою кровать и закинул руки за голову. Все его лицо сияло улыбкой: и глаза, и нос, и рот...

— Сыграй на мне, — сказал он.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты поиграла на мне, как на виолончели.

I started to protest that this made no sense, but then I realized it made perfect sense. I went to my closet and grabbed one of my spare bows.

“Take off your shirt,” I said, my voice quavering.

Adam did. As thin as he was, he was surprisingly built. I could’ve spent twenty minutes staring at the contours and valleys of his chest. But he wanted me closer. I wanted me closer.

I sat down next to him on the bed so his long body was stretched out in front of me. The bow trembled as I placed it on the bed. I reached with my left hand and caressed Adam’s head as if it were the scroll of my cello. He smiled again and closed his eyes. I relaxed a little. I fiddled with his ears as though they were the string pegs and then I playfully tickled him as he laughed softly. I placed two fingers on his Adam’s apple. Then, taking a deep breath for courage, I plunged into his chest. I ran my hands up and down the length of his torso, focusing on the sinews in his muscles, assigning each one a string — A, G, C, D. I traced them down, one at a time, with the tip of my fingers. Adam got quiet then, as if he were concentrating on something.

I reached for the bow and brushed it across his hips, where I imagined the bridge of the cello would be. I played lightly at first and then with more force and speed as the song now playing in

Я начала было говорить, что это бредовая идея, но вдруг поняла: идея-то прекрасная. Я достала из шкафа один из запасных смычков.

— Сними рубашку, — попросила я дрогнувшим голосом.

Адам снял. При всей своей худобе он был на удивление хорошо сложен. Я бы могла минут двадцать разглядывать рельефные выпуклости и впадины его груди. Но он хотел большей близости. Я хотела большей близости.

Я села рядом с ним на кровать, так чтобы его длинное тело лежало передо мной. Смычок завибрировал, когда я положила его на постель. Левой рукой я огладила голову Адама, словно головку своей виолончели. Он снова заулыбался и закрыл глаза. Я немного расслабилась. Поиграла с его ушами, как с колками, и шутливо пощекотала, когда он тихонько засмеялся. Потом провела двумя пальцами по его кадыку и, поглубже вдохнув для храбрости, опустила руки ему на грудь. Пробежала пальцами вверх и вниз по торсу, особенное внимание уделяя сухожилиям мышц, и мысленно назначила их струнами: ля, соль, до, ре. Кончиками пальцев я по одному проследила их сверху вниз. Тогда Адам затих, словно концентрировался на чем-то.

Я взяла смычок и опустила поперек его тела, чуть выше бедер, где, по моим расчетам, должна была находиться подставка виолончели. Сначала я водила смычком легко, а потом все плот-

my head increased in intensity. Adam lay perfectly still, little groans escaping from his lips. I looked at the bow, looked at my hands, looked at Adam's face, and felt this surge of love, lust, and an unfamiliar feeling of power. I had never known that I could make someone feel this way.

When I finished, he stood up and kissed me long and deep.

"My turn," he said.

He pulled me to my feet and started by slipping the sweater over my head and edging down my jeans. Then he sat down on the bed and laid me across his lap. At first Adam did nothing except hold me. I closed my eyes and tried to feel his eyes on my body, seeing me as no one else ever had.

Then he began to play.

He strummed chords across the top of my chest, which tickled and made me laugh. He gently brushed his hands, moving farther down. I stopped giggling. The tuning fork intensified — its vibrations growing every time Adam touched me somewhere new.

After a while he switched to more of a Spanish-style, fingerpicking type of playing. He used the top of my body as the fret board, caressing my hair, my face, my neck. He plucked at my chest and my belly, but I could feel him in places his hands

нее и быстрее, поскольку музыка в моей голове набирала темп и громкость. Адам лежал совершенно неподвижно, с его губ срывались легкие стоны. Я взглянула на смычок, на свои руки, на лицо Адама, и на меня накатила волна любви, желания и незнакомое прежде ощущение власти. Мне и в голову не приходило, что я могу вызвать у кого-то такие переживания.

Когда я закончила, Адам встал и поцеловал меня, крепко и долго.

— Теперь я, — сказал он, поднимая меня на ноги.

Для начала он стянул с меня свитер и приспустил мои джинсы. Потом сел на кровать, а меня положил к себе на колени, но некоторое время не делал ничего. Я закрыла глаза и попыталась ощутить его взгляд на своем теле — сейчас он видел меня так, как никто до него.

И тут Адам начал играть.

Он переставлял аккорды на верхней части моей груди, получалось щекотно и смешно. Затем нежно и осторожно он передвинул руки ниже; я перестала хихикать. Камертон зазвучал громче и отчетливее — вибрация усиливалась каждый раз, как Адам касался меня в новом месте.

Через некоторое время он переключился на испанский стиль, быстрое арпеджио. С верхней частью моего тела он обращался как с грифом, глядя волосы, лицо, шею. Он пощипывал и постукивал по груди и животу, а я ощущала его ру-

were nowhere near. As he played on, the energy magnified; the tuning fork going crazy now, firing off vibrations all over, until my entire body was humming, until I was left breathless. And when I felt like I could not take it one more minute, the swirl of sensations hit a dizzying crescendo, sending every nerve ending in my body on high alert.

I opened my eyes, savoring the warm calm that was sweeping over me. I started to laugh. Adam did, too. We kissed for a while longer until it was time for him to go home.

As I walked him out to his car, I wanted to tell him that I loved him. But it seemed like such a cliché after what we'd just done. So I waited and told him the next day.

"That's a relief. I thought you might just be using me for sex," he joked, smiling.

After that, we still had our problems, but being overly polite with each other wasn't one of them.

4:39 P.M.

I have quite the crowd now. Gran and Gramps. Uncle Greg. Aunt Diane. Aunt Kate. My cousins Heather and John and David. Dad is one of five kids, so there are still lots more relatives out there.

ки даже там, где он вовсе меня не касался. Адам играл и играл, энергия нарастала: камертон обезумел, разливая вибрации повсюду кругом, — пока все мое тело не затрепетало и у меня не перехватило дыхание. И когда я почувствовала, что больше ни секунды этого не вынесу, вихрь ощущений достиг головокружительного крещендо, пронзив каждое нервное окончание в моем теле.

Я открыла глаза, наслаждаясь затопляющим меня теплым покоем, и начала смеяться. Адам тоже. Мы поцеловались еще, пока ему не пришло время идти домой.

Провожая Адама к машине, я вдруг захотела сказать, что люблю его. Но это показалось мне уж слишком банальным после того, чем мы сейчас занимались. Я сдержалась тогда и сказала на следующий день.

— Какое облегчение. А я-то думал, ты просто используешь меня для секса, — поддразнил меня Адам, ухмыляясь во весь рот.

После этого проблемы у нас еще возникали, но чрезмерная вежливость друг с другом в их число не входила.

16:39

Теперь у меня целая толпа гостей. Бабушка с дедушкой, дядя Грег, тетя Диана, тетя Кейт, кузены Джон и Дэвид и кузина Хедер. Папа — один из пяти детей, так что намного больше род-

Nobody is talking about Teddy, which leads me to believe that he's not here. He's probably still at the other hospital, being taken care of by Willow.

The relatives gather in the hospital waiting room. Not the little one on the surgical floor where Gran and Gramps were during my operation, but a larger one on the hospital's main floor that is tastefully decorated in shades of mauve and has comfy chairs and sofas and magazines that are almost current. Everyone still talks in hushed tones, as if being respectful of the other people waiting, even though it's only my family in the waiting room. It's all so serious, so ominous. I go back into the hallway to get a break.

I'm so happy when Kim arrives; happy to see the familiar sight of her long black hair in a single braid. She wears the braid every day and always, by lunchtime, the curls and ringlets of her thick mane have managed to escape in rebellious little tendrils. But she refuses to surrender to that hair of hers, and every morning, it goes back into the braid.

Kim's mother is with her. She doesn't let Kim drive long distances, and I guess that after what's happened, there's no way she'd make an exception today. Mrs. Schein is red-faced and blotchy, like she's been crying or is about to cry. I know this because I have seen her cry many times. She's very emotional. "Drama queen," is how Kim puts it. "It's the Jewish-mother gene. She can't help it.

ственников не приехали. Никто не говорит о Тедди, и я делаю вывод, что он не здесь. Возможно, он все еще в другой больнице и о нем заботится Уиллоу.

Родственники собираются в комнате ожидания. Не в маленькой, в хирургическом отделении, где бабушка с дедушкой сидели во время моей операции, а в большой, на первом этаже. Она красиво оформлена в лиловых тонах, повсюду расставлены удобные кресла и диванчики, лежат почти свежие журналы. Все по-прежнему разговаривают тихо, как будто из уважения к другим ожидающим, хотя, кроме моих родных, здесь никого нет. Все так серьезно, так зловеще. Я возвращаюсь в коридор, чтобы вздохнуть посвободнее.

Приезжает Ким, и я счастлива; так приятно снова видеть ее длинную черную косу. Она носит косу всегда, и всякий раз к обеду непокорным мелким завиткам ее пышной гривы удастся высвободиться. Но она не собирается потворствовать своим волосам, и каждое утро они снова уходят в косу.

С Ким приехала мать. Она не позволяет Ким далеко ездить на машине, и сегодня уж точно не сделала бы исключения — после такого-то происшествия. У миссис Шейн красное лицо, все в пятнах, как будто она только что плакала или вот-вот заплачет. Я уже знаю это: я много раз видела ее в слезах. Она очень эмоциональна. Ким называет ее «примадонна-истеричка» и утверж-

I suppose I'll be like that one day, too," Kim concedes.

Kim is so the opposite of that, so droll and funny in a low-key way that she's always having to say "just kidding" to people who don't get her sarcastic sense of humor, that I cannot imagine her ever being like her mother. Then again, I don't have much basis for comparison. There are not a lot of Jewish mothers in our town or that many Jewish kids at our school. And the kids who are Jewish are usually only half, so all it means is that they have a menorah alongside their Christmas trees.

But Kim is really Jewish. Sometimes I have Friday-night dinner with her family when they light candles, eat braided bread, and drink wine (the only time I can imagine neurotic Mrs. Schein allowing Kim to drink). Kim's expected to only date Jewish guys, which means she doesn't date. She jokes that this is the reason her family moved here, when in fact it was because her father was hired to run a computer-chip plant. When she was thirteen, she had a bat mitzvah at a temple in Portland, and during the candlelighting ceremony at the reception, I got called up to light one. Every summer, she goes to Jewish sleepaway camp in New Jersey.

дает, будто так действует ген еврейской мамыши и бедная женщина ничего не может с этим поделаться.

«Наверное, и я когда-нибудь стану такой», — неохотно допускает моя подруга.

На этот образ Ким совершенно не похожа, в ней уйма сдержанного веселья и тонкого остроумия — ей частенько приходится говорить «это была шутка» людям, не понимающим ее саркастического юмора, — и я не могу представить, что она когда-нибудь станет такой же, как мать. Но, с другой стороны, у меня маловато данных для сравнения. В нашем городке не так уж много еврейских матерей, а в нашей школе — еврейских детей. Причем большинство из них евреи лишь наполовину, так что проявляется это только в семисвечнике, водружаемом рядом с елкой.

Но Ким чистокровная еврейка. Иногда по пятницам я ужинаю с ее семьей; они зажигают свечи, едят хлеб-плетенку и пьют вино (пожалуй, единственная ситуация, когда неврастеничная миссис Шейн может позволить Ким выпить). Предполагается, что Ким должна встречаться только с еврейскими мальчиками, и в результате она не встречается ни с кем. Она шутит, что для этого-то ее семья сюда и переехала, хотя на самом деле ее отца наняли управлять местным заводом компьютерных микросхем. Когда Ким исполнилось тринадцать, она прошла бат-мицву в портлендской синагоге, и во время церемонии

It's called Camp Torah Habonim, but Kim calls it Torah Whore, because all the kids do all summer is hook up.

"Just like band camp," she joked, though my summer conservatory program is nothing like American Pie.

Right now I can see Kim is annoyed. She's walking fast, keeping a good ten feet between her and her mother as they march down the halls. Suddenly her shoulders go up like a cat that's just spied a dog. She swerves to face her mother.

"Stop it!" Kim demands. "If I'm not crying, there's no fucking way you're allowed to."

Kim never curses. So this shocks me.

"But," Mrs. Schein protests, "how can you be so..." —sob—"so calm when—"

"Cut it out!" Kim interjects. "Mia is still here. So I'm not losing it. And if I don't lose it, you don't get to!"

Kim stalks off in the direction of the waiting room, her mother following limply behind. When they reach the waiting room and see my assembled family, Mrs. Schein starts sniffing.

Kim doesn't curse this time. But her ears go pink, which is how I know she's still furious.

со свечами мне позволили зажечь одну. Каждое лето Ким уезжает в лагерь в Нью-Джерси. Он называется «Лагерь Тора хабоним», но Ким зовет его «С Торой поблудим», поскольку единственное, чем заняты там дети все лето, — это флирт и интриги.

— Прямо как в музыкальном лагере, — шутит она, хотя моя летняя консерваторская школа совсем не такая, как в «Американском пироге».

Сейчас Ким явно раздражена. Она быстро идет по коридорам, опережая мать на добрых три метра. Внезапно ее плечи взлетают вверх, как у кошки, заметившей собаку. Она резко поворачивается к матери и требует:

— Прекрати! Я же не реву, так какого хрена ты сопли распускаешь?

Я в шоке: Ким никогда не ругается.

— Но, — слабо возражает миссис Шейн, — как ты можешь быть такой... — всхлип, — спокойной, когда...

— Уймись! — обрывает ее Ким. — Мия все еще здесь. Так что я не собираюсь тут истерики устраивать. А раз я не психую, то и ты не будешь!

Ким уносится вперед, мать вяло плетется за ней. Когда они добираются до комнаты ожидания и видят мою собравшуюся семью, миссис Шейн начинает хлюпать носом.

На этот раз Ким не ругается, но уши ее розовеют — верный признак того, что она по-прежнему в ярости.

“Mother. I am going to leave you here. I’m taking a walk. I’ll be back later.”

I follow her back out into the corridor. She wanders around the main lobby, loops around the gift shop, visits the cafeteria. She looks at the hospital directory. I think I know where she’s headed before she does.

There’s a small chapel in the basement. It’s hushed in there, a library kind of quiet. There are plush chairs like the kind you find at a movie theater, and a muted soundtrack playing some New Agey-type music.

Kim slumps back in one of the chairs. She takes off her coat, the one that is black and velvet and that I have coveted since she bought it at some mall in New Jersey on a trip to visit her grandparents.

“I love Oregon,” she says with a hiccup attempt at a laugh. I can tell by her sarcastic tone that it’s me she’s talking to, not God. “This is the hospital’s idea of nondenominational.” She points around the chapel. There is a crucifix mounted on the wall, a flag of a cross draped over the lectern, and a few paintings of the Madonna and Child hanging in the back. “We have a token Star of David,” she says, gesturing to the six-pointed star on the wall. “But what about the Muslims? No prayer rugs or symbol to show which way is east toward Mecca? And what about the Buddhists? Couldn’t they spring for a

— Мама. Оставляю тебя здесь. Я пройдуся. Скоро вернусь, — чеканит она и вылетает прочь.

Я выхожу в коридор следом за ней. Ким бредет по центральному вестибюлю, обходит вокруг магазинчика с подарками, заглядывает в кафе. Она смотрит на больничный указатель, и я понимаю, куда она направится, даже раньше ее самой.

В подвале прячется маленькая часовня. Там тихо — библиотечная такая тишина, — стоят плюшевые кресла, как в кинотеатрах, и приглушенно мурлыкает какая-то нью-эйджевая музыка.

Ким плюхается в кресло и скидывает пальто — то самое черное, бархатное, которому я завидовала с тех пор, как она его купила в каком-то молле, в Нью-Джерси, куда ездила к бабушке с дедушкой.

— Обожаю Орегон, — сообщает она с икающим смешком. По язвительному тону я понимаю, что разговаривает подруга со мной, а не с Богом. — Вот тебе больничное воплощение идеи объединения всех религий. — Она обводит рукой часовню. На стене висит распятие, позади кафедры — несколько изображений Мадонны с Младенцем, а саму кафедру покрывает флаг с крестом. — А вот звезда Давида. — Ким указывает на шестиконечную звезду на стене. — Но как насчет мусульман? Ни молитвенных ковриков, ни указателя направления на Мекку. И буддисты?

gong? I mean there are probably more Buddhists than Jews in Portland anyway.”

I sit down in a chair beside her. It feels so natural the way that Kim is talking to me like she always does. Other than the paramedic who told me to hang in there and the nurse who keeps asking me how I’m doing, no one has talked to me since the accident. They talk about me.

I’ve never actually seen Kim pray. I mean, she prayed at her bat mitzvah and she does the blessings at Shabbat dinner, but that is because she has to. Mostly, she makes light of her religion. But after she talks to me for a while, she closes her eyes and moves her lips and murmurs things in a language I don’t understand.

She opens her eyes and wipes her hands together as if to say enough of that. Then she reconsiders and adds a final appeal.

“Please don’t die. I can understand why you’d want to, but think about this: If you die, there’s going to be one of those cheesy Princess Diana memorials at school, where everyone puts flowers and candles and notes next to your locker.” She wipes away a renegade tear with the back of her hand. “I know you’d hate that kind of thing.”

Maybe it was because we were too alike. As soon as Kim showed up on the scene, everyone assumed

Они что, не могли на гонг раскошелиться? Ведь наверняка буддистов в Портленде побольше, чем евреев.

Я сажусь в кресло рядом с ней. То, что Ким разговаривает со мной как обычно, кажется таким естественным. Кроме врача «Скорой помощи», велевшей мне держаться, и медсестры, спрашивавшей, как у меня дела, никто не говорил со мной с самой аварии. Говорят только про меня.

По правде говоря, я никогда не видела, как Ким молится. То есть она молилась на своей батмице и произносит молитву за ужином в Шаббат, но только потому, что ей приходится это делать. Однако после недолгого разговора со мной она закрывает глаза, шевелит губами и шепчет что-то на языке, которого я не понимаю.

Закончив, Ким открывает глаза и вытирает одну руку о другую, будто говоря: «Ну и хватит». Но потом передумывает и добавляет последнюю просьбу:

— Пожалуйста, не умирай. Я понимаю, почему ты можешь этого хотеть, но подумай вот о чем: если ты умрешь, в школе из твоего шкафчика устроят идиотский мемориал принцессы Дианы, туда все будут класть цветы, ставить свечи и пихать записки. — Она утирает предательскую слезу тыльной стороной ладони. — Я же знаю, тебе бы от такого тошно стало.

Возможно, так вышло потому, что мы были слишком похожи. Как только Ким появилась на

we'd be best friends just because we were both dark, quiet, studious, and, at least outwardly, serious. The thing was, neither one of us was a particularly great student (straight B averages all around) or, for that matter, all that serious. We were serious about certain things — music in my case, art and photography in hers — and in the simplified world of middle school, that was enough to set us apart as separated twins of some sort.

Immediately we got shoved together for everything. On Kim's third day of school, she was the only person to volunteer to be a team captain during a soccer match in PE, which I'd thought was beyond suck-uppy of her. As she put on her red jersey, the coach scanned the class to pick Team B's captain, his eyes settling on me, even though I was one of the least athletic girls. As I shuffled over to put on my jersey, I brushed past Kim, mumbling "thanks a lot."

The following week, our English teacher paired us together for a joint oral discussion on *To Kill a Mockingbird*. We sat across from each other in stony silence for about ten minutes. Finally, I said.

"I guess we should talk about racism in the Old South, or something."

горизонте, все решили, что мы станем лучшими подругами, только потому, что обе мы темноволосяные, тихие, старательные и серьезные — по крайней мере, внешне. Однако же ни одна из нас не была отличницей (твердые четверки по всем предметам) или, если уж на то пошло, особенно серьезной. Мы серьезно относились к некоторым вещам — я к музыке, она к живописи и фотографии; а в упрощенном мире средней школы этого было достаточно, чтобы счесть нас кем-то вроде разлученных и встретившихся близнецов.

Нас немедленно принялись ставить в пару. На третий день пребывания Ким в школе она единственная вызвалась на физкультуре в капитаны футбольной команды, что, по моему мнению, было с ее стороны запредельным подхалимством. Пока она надевала красную футболку, учитель оглядывал класс, чтобы выбрать капитана второй команды, и его глаза остановились на мне, хотя я была одной из наименее спортивных девочек. Я поплелась в раздевалку надевать футболку и, проходя мимо Ким, буркнула: «Ну, спасибочки».

На следующей неделе учительница английского посадила нас вместе во время общего обсуждения «Убить пересмешника». Минут десять мы пялились друг на друга в каменном молчании. Наконец я выдавила:

— Полагаю, нужно говорить о расизме на старом Юге и всем таком.

Kim ever so slightly rolled her eyes, which made me want to throw a dictionary at her. I was caught off guard by how intensely I already hated her.

“I read this book at my old school,” she said. “The racism thing is kind of obvious. I think the bigger thing is people’s goodness. Are they naturally good and turned bad by stuff like racism or are they naturally bad and need to work hard not to be?”

“Whatever,” I said. “It’s a stupid book.”

I didn’t know why I’d said that because I’d actually loved the book and had talked to Dad about it; he was using it for his student teaching. I hated Kim even more for making me betray a book I loved.

“Fine. We’ll do your idea, then,” Kim said, and when we got a B minus, she seemed to gloat about our mediocre grade.

After that, we just didn’t talk. That didn’t stop teachers from pairing us together or everyone in the school from assuming that we were friends. The more that happened, the more we resented it — and each other. The more the world shoved us together, the more we shoved back — and against each other. We tried to pretend the other didn’t exist even though the existence of our nemeses kept us both occupied for hours.

Ким едва заметно закатила глаза, отчего мне захотелось швырнуть в нее словарем. Меня поразило, как сильно я уже ненавидела ее.

— Я читала эту книгу в моей прошлой школе, — сообщила она. — С расизмом там все как будто ясно. Я думаю, важнее человеческие качества. Надо понять, хороши ли люди от природы и просто испорчены расизмом, или они изначально плохи и им надо здорово потрудиться, чтобы стать хорошими?

— Не важно, — сказала я, — все равно дурацкая книжка.

Я не знала, зачем говорю такое, ведь на самом деле книга мне очень понравилась, и мы ее обсуждали с папой: ему она попалась на педпрактике. И я возненавидела Ким еще больше за то, что та вынудила меня предать любимую книгу.

— Ладно, давай тогда займемся твоей идеей, — сказала Ким, и когда мы получили по четверке с минусом, она как будто обрадовалась нашим посредственным оценкам.

После этого мы просто не разговаривали, что не мешало учителям сажать нас вместе на уроках, а всем в школе считать нас подругами. Чем чаще это случалось, тем больше мы негодовали — на всех и друг на друга. Чем больше мир сталкивал нас, тем сильнее мы отталкивались — и ополчались друг на друга. Каждая старалась делать вид, что другой не существует, хотя наличие заклятого врага не давало о себе забыть ни на минуту.

I felt compelled to give myself reasons why I hated Kim: She was a Goody Two-shoes. She was annoying. She was a show-off. Later, I found out that she did the same thing about me, though her major complaint was that she thought I was a bitch. And one day, she even wrote it to me. In English class, someone flung a folded-up square of notebook paper onto the floor next to my right foot. I picked it up and opened it. It read, Bitch!

Nobody had ever called me that before, and though I was automatically furious, deep down I was also flattered that I had elicited enough emotion to be worthy of the name. People called Mom that a lot, probably because she had a hard time holding her tongue and could be brutally blunt when she disagreed with you. She'd explode like a thunderstorm, and then be fine again. Anyhow, she didn't care that people called her a bitch. "It's just another word for feminist," she told me with pride. Even Dad called her that sometimes, but always in a jokey, complimentary way. Never during a fight. He knew better.

I looked up from my grammar book. There was only one person who would've sent this note to me, but I still scarcely believed it. I peered at the class. Everyone had their faces in their books. Except for

Мне казалось необходимым объяснить себе, почему я ненавижу Ким: она лицемерная подлиза. Она назойлива. Она все время выпендривается. Впоследствии я выяснила, что она точно так же придумывала мне пороки, только ее особенно бесила моя стервозность. И однажды она мне это даже написала. На уроке английского кто-то кинул квадратик, сложенный из тетрадного листа, на пол рядом с моей правой ногой. Я подобрала его и открыла. Там было написано: «Стерва!»

Никто меня так раньше не называл, и хотя я, само собой, разозлилась, но в глубине души также была польщена: очевидно, я задела автора записки за живое, раз удостоилась этого слова. Люди нередко так называли мою маму — возможно, потому, что ей было трудно смолчать и она могла высказываться чрезвычайно резко, если не соглашалась с собеседником. Она взрывалась и бушевала, словно гроза, но потом опять становилась вежливой и любезной. И ей было совершенно безразлично, что ее называют стервой. «Это просто другой вариант слова “феминистка”», — с гордостью заявляла она мне. Даже папа иногда ее так называл, но всегда в шутку, одобрительно — и никогда во время ссоры. Ему-то было видней.

Я подняла глаза от учебника. Только один человек мог послать мне такую записку, но мне все еще в это не верилось. Я украдкой оглядела класс: все уткнулись в книги. Кроме Ким. Ее

Kim. Her ears were so red that it made the little sideburnlike tendrils of dark hair look like they were also blushing. She was glaring at me. I might have been eleven years old and a little socially immature, but I recognized a gauntlet being thrown down when I saw it, and I had no choice but to take it up.

When we got older, we liked to joke that we were so glad we had that fistfight. Not only did it cement our friendship but it also provided us our first and likely only opportunity for a good brawl. When else were two girls like us going to come to blows? I wrestled on the ground with Teddy, and sometimes I pinched him, but a fistfight? He was just a baby, and even if he were older, Teddy was like half kid brother and half my own kid. I'd been babysitting him since he was a few weeks old. I could never hurt him like that. And Kim, an only child, didn't have any siblings to sock. Maybe at camp she could've gotten into a scuffle, but the consequences would've been dire: hours-long conflict-resolution seminars with the counselors and the rabbi. "My people know how to fight with the best of them, but with words, with lots and lots of words," she told me once.

уши были настолько красными, что мелкие завитки темных волос рядом с ними тоже казались розовыми. Она злобно смотрела прямо на меня. Хотя мне было всего одиннадцать и я не слишком хорошо ориентировалась в социальных тонкостях, но брошенную перчатку вызова распознала с первого взгляда, и мне не оставалось ничего другого, кроме как поднять ее.

Став постарше, мы с удовольствием шутили на тему «Как здорово, что мы тогда подрались». Тот эпизод не только скрепил нашу дружбу, но также оказался для нас первой и, похоже, единственной возможностью хорошенько кого-нибудь отмузить. Когда еще две девчонки вроде нас могут дойти до мордобоя? Конечно, я боролась с Тедди, иногда щипала его, — но бить кулаками такого малыша? Даже будь Тедди постарше, он все равно представлялся мне наполовину братом, а наполовину собственным ребенком. Я нянчилась с ним, еще когда ему было несколько недель. Я ни за что бы не смогла так его ударить. А у Ким, единственного ребенка в семье, не было братьев и сестер, с которыми можно было бы подраться. Возможно, в лагере она и участвовала бы в потасовках, но последствия бывали ужасны: драчунов ожидали многочасовые семинары по улаживанию конфликтов, в присутствии воспитателей и раввина. «Мой народ прекрасно умеет сражаться с самыми сильными противниками, но только словами, тьмой-тьмущей слов», — как-то раз сказала мне подруга.

But that fall day, we fought with fists. After the last bell, without a word, we followed each other out to the playground, dropped our backpacks on the ground, which was wet from the day's steady drizzle. She charged me like a bull, knocking the wind out of me. I punched her on the side of the head, fist closed, like men do. A crowd of kids gathered around to witness the spectacle. Fighting was novelty enough at our school. Girl-fighting was extra special. And good girls going at it was like hitting the trifecta.

By the time teachers separated us, half of the sixth grade was watching us (in fact, it was the ring of students loitering that alerted the playground monitors that something was up). The fight was a tie, I suppose. I had a split lip and a bruised wrist, the latter inflicted upon myself when my swing at Kim's shoulder missed her and landed squarely on the pole of the volleyball net. Kim had a swollen eye and a bad scrape on her thigh as a result of her tripping over her backpack as she attempted to kick me.

There was no heartfelt peacemaking, no official *détente*. Once the teachers separated us, Kim and I looked at each other and started laughing. After finagling ourselves out of a visit to the principal's office, we limped home. Kim told me that the only reason that she volunteered for team captain was that if you did that at the beginning of a school

Но в тот осенний день мы дрались кулаками. Прозвенел последний звонок, и мы, не говоря ни слова, вышли на спортивную площадку и бросили рюкзаки на землю, мокрую от зарядившей с утра мороси. Ким бросилась на меня, словно бык, и врезала под дых. Я ударила ее в скулу — сжатым кулаком, по-мужски. Вокруг собралась толпа, поглазеть на представление. Драки были не самым обычным делом в нашей школе; девчачья драка — и вовсе из ряда вон выходящим событием. А уж драка тихих приличных девочек — тройное удовольствие.

К тому времени, как нас разняли учителя, вокруг стояла половина шестого класса (в сущности, именно по кольцу школьников дежурные по площадке поняли, что там что-то происходит). Драка, пожалуй, окончилась ничьей. У меня была разбита губа и рассажено запястье — последнее по собственной неосторожности: мой удар в плечо Ким прошел мимо и попал ровнехонько в столб волейбольной сетки. Ким получила фингал под глаз и неприятную ссадину на бедре: споткнулась о свой рюкзак, когда хотела меня лягнуть.

Не было никакого задушевного примирения, никакого официального разрешения конфликта. Как только учителя нас разняли, мы с Ким посмотрели друг на друга и принялись хохотать. Отвертевшись от визита в кабинет директора, мы побрели домой. Ким объяснила, что вызвалась быть капитаном команды по одной простой при-

year, coaches tended to remember and that actually kept them from picking you in the future (a handy trick I co-opted from then on). I explained to her that I actually agreed with her take on *To Kill a Mockingbird*, which was one of my favorite books. And then that was it. We were friends, just as everyone had assumed all along that we would be. We never laid a hand on each other again, and even though we'd get into plenty of verbal clashes, our tiffs tended to end the way our fistfight had, with us cracking up.

After our big brawl, though, Mrs. Schein refused to let Kim come over to my house, convinced that her daughter would return on crutches. Mom offered to go over and smooth things out, but I think that Dad and I both realized that given her temper, her diplomatic mission might end up with a restraining order against our family. In the end, Dad invited the Scheins over for a roast-chicken dinner, and though you could see Mrs. Schein was still a little weirded out by my family—"So you work in a record store while you study to become a teacher? And you do the cooking? How unusual," she said to Dad — Mr. Schein declared my parents decent and our family nonviolent and told Kim's mother that Kim ought to be allowed to come and go freely.

For those few months in sixth grade, Kim and I shed our good-girl personas. Talk about our fight

чине: если это сделать в самом начале учебного года, учителя тебя, скорее всего, запомнят и постараются в будущем не выбирать (с тех пор я всю пользовалась этим нехитрым приемом). Я рассказала, что на самом деле была согласна с ее трактовкой «Убить пересмешника» и что это одна из моих самых любимых книг. Так все и началось. Мы подружились, как ожидали все вокруг. Больше мы никогда не поднимали друг на друга руку, и хотя много раз между нами вспыхивали словесные баталии, размолвки заканчивались тем же, чем и та драка, — смехом до упаду.

Однако после той нашей драки миссис Шейн не позволила Ким ходить ко мне домой, убежденная, что дочь вернется на костылях. Мама предложила поговорить с ней и все уладить, но думаю, мы с папой оба понимали, что при мамином темпераменте ее дипломатическая миссия может закончиться ордером на арест всей нашей семьи. В конце концов папа пригласил Шейнов на ужин, зажарил курицу, и хотя было видно, что миссис Шейн все еще немного сомневается в моей семье: «Так вы работаете в музыкальном магазине, пока учитесь на учителя? И вы готовите? Как необычно», — сказала она папе, мистер Шейн счел моих родителей приличными людьми, а семью не склонной к насилию, и велел жене разрешить Ким приходить к нам свободно.

Тогда, в шестом классе, мы с Ким на несколько месяцев лишились имиджа хороших девочек.

circulated, the details growing more exaggerated — broken ribs, torn-off fingernails, bite marks. But when we came back to school after winter break, it was all forgotten. We were back to being the dark, quiet, good-girl twins.

We didn't mind anymore. In fact, over the years that reputation has served us well. If, for instance, we were both absent on the same day, people automatically assumed we had come down with the same bug, not that we'd ditched school to watch art films being shown in the film-survey class at the university. When, as a prank, someone put our school up for sale, covering it with signs and posting a listing on eBay, suspicious eyes turned to Nelson Baker and Jenna McLaughlin, not to us. Even if we had owned up to the prank — as we'd planned to if anyone else got in trouble — we'd have had a hard time convincing anyone it really was us.

This always made Kim laugh. "People believe what they want to believe," she said.

4:47 P.M

Mom once snuck me into a casino. We were going on vacation to Crater Lake and we stopped at a resort on an Indian reservation for the buffet lunch. Mom decided to do a bit of gambling, and

Разговоры о нашей драке продолжались, подробности раздувались неимоверно: сломанные ребра, вырванные ногти, следы укусов. Но когда мы вернулись в школу после зимних каникул, все это уже позабылось. Мы снова стали темно-волосыми тихими паиньками-близняшками.

Мы не имели ничего против — многие годы эта репутация работала на нас. Если, к примеру, мы обе отсутствовали в какой-то день, люди автоматически считали, будто нас свалил один и тот же вирус, а не что мы прогуляли школу ради авторского кино, которое показывали на занятиях по киноискусству в университете. Когда кто-то в порядке розыгрыша выставил нашу школу на продажу, обклеив ее объявлениями и внося в список недвижимости на eBay, подозрительные взгляды обратились на Нельсона Бейкера и Дженну Маклафлин, а не на нас. Хотя нам пришлось признаться в содеянном — как мы и планировали, если у кого-нибудь будут неприятности, — нам долго пришлось всех убеждать, что это действительно наших рук дело.

Это всегда смешило Ким. «Люди верят в то, во что хотят верить», — говорила она.

16:47

Однажды мама нелегально протащила меня в казино. Мы поехали на каникулы на озеро Крейтер и остановились пообедать близ индейской резервации, в пансионате со шведским сто-

I went with her while Dad stayed with Teddy, who was napping in his stroller. Mom sat down at the dollar blackjack tables. The dealer looked at me, then at Mom, who returned his mildly suspicious glance with a look sharp enough to cut diamonds followed by a smile more brilliant than any gem. The dealer sheepishly smiled back and didn't say a word. I watched Mom play, mesmerized. It seemed like we were in there for fifteen minutes but then Dad and Teddy came in search of us, both of them grumpy. It turned out we'd been there for over an hour.

The ICU is like that. You can't tell what time of day it is or how much time has passed. There's no natural light. And there's a constant soundtrack of noise, only instead of the electronic beeping of slot machines and the satisfying jangle of quarters, it's the hum and whir of all the medical equipment, the endless muffled pages over the PA, and the steady talk of the nurses.

I'm not entirely sure how long I've been in here. A while ago, the nurse I liked with the lilting accent said she was going home. "I'll be back tomorrow, but I want to see you here, sweetheart," she said. I thought that was weird at first. Wouldn't she want me to be home, or moved to another part of the hospital? But then I realized that she meant

лом. Мама решила немного сыграть, и я пошла с ней, а папа остался с Тедди, задремавшим в коляске. Мама уселась за однодолларовые столы для блек-джека. Крупье подозрительно посмотрел на меня, потом на маму, которая ответила ему взглядом столь резким, что им можно было алмазы колоть, а потом просияла ослепительной, ярче любого бриллианта, улыбкой. Крупье робко улыбнулся в ответ и не сказал ни слова. Я смотрела на мамину игру словно загипнотизированная. Казалось, мы провели там всего минут пятнадцать, но когда нас нашли папа с Тедди — оба страшно недовольные, — оказалось, что просидели мы больше часа.

В ОРИТ тоже так. Невозможно понять, какое сейчас время суток и сколько ты здесь находишься. Естественного света тут нет. И постоянный шумовой фон, только вместо электронных сигналов игровых автоматов и улаждающего слух позвякивания четвертаков здесь гудение и стрекотание медицинских машин, бесконечные вызовы по громкой связи и непрерывный говорок медсестер.

Я не очень-то представляю, сколько уже здесь нахожусь. Некоторое время назад медсестра с мелодичным акцентом, нравившаяся мне, сказала, что идет домой. «Я вернусь завтра и хочу увидеть тебя здесь, солнышко», — сказала она. Поначалу я нашла это странным: разве она не хочет, чтобы я вернулась домой или чтобы меня

she wanted to see me in this ward, as opposed to dead.

The doctors keep coming around and pulling up my eyelids and waving around a flashlight. They are rough and hurried, like they don't consider eyelids worthy of gentleness. It makes you realize how little in life we touch one another's eyes. Maybe your parents will hold an eyelid up to get out a piece of dirt, or maybe your boyfriend will kiss your eyelids, light as a butterfly, just before you drift off to sleep. But eyelids are not like elbows or knees or shoulders, parts of the body accustomed to being jostled.

The social worker is at my bedside now. She is looking through my chart and talking to one of the nurses who normally sits at the big desk in the middle of the room. It is amazing the ways they watch you here. If they're not waving penlights in your eyes or reading the printouts that come tumbling out from the bedside printers, then they are watching your vitals from a central computer screen. If anything goes slightly amiss, one of the monitors starts bleeping. There is always an alarm going off somewhere. At first, it scared me, but now I realize that half the time, when the alarms go off, it's the machines that are malfunctioning, not the people.

перевели в другое отделение больницы? Но потом я поняла, что она хочет увидеть меня в этой палате, а не мертвой.

Врачи по-прежнему периодически подходят, оттягивают мои веки и машут перед глазами фонариком. Они делают это грубовато и торопливо, как будто не считают, что веки достойны какой-либо заботы. Это заставляет задуматься, сколь редко в нашей жизни мы касаемся глаз других людей. Возможно, родители поднимали вам веко, чтобы убрать соринку, или, может быть, любимый легким касанием целовал ваши закрытые глаза, когда вы уже уплывали в сон. Но все же веки — не локти, колени или плечи: части тела, прикосновение к которым привычно.

Теперь у моей постели сидит соцработница. Она просматривает мою медкарту и разговаривает с медсестрой, обычно сидящей за большим столом в центре палаты. Просто поразительно, как здесь за вами следят. Если перед вашими глазами не машут ручками-фонариками или не читают распечатки, выползающие из прикроватных принтеров, то смотрят ваши жизненные показатели на экране центрального компьютера. Если что-то хоть чуть-чуть неладно — какой-нибудь монитор начинает пищать; и все время где-нибудь раздается сигнал. Поначалу меня это пугало, но теперь я понимаю, что половина сигналов сообщает, что что-то не так с машинами, а не с людьми.

The social worker looks exhausted, as if she wouldn't mind crawling into one of the open beds. I am not her only sick person. She has been shuttling back and forth between patients and families all afternoon. She's the bridge between the doctors and the people, and you can see the strain of balancing between those two worlds.

After she reads my chart and talks to the nurses, she goes back downstairs to my family, who have stopped talking in hushed tones and are now all engaged in solitary activities. Gran is knitting. Gramps is pretending to nap. Aunt Diane playing sudoku. My cousins are taking turns on a Game Boy, the sound turned to mute.

Kim has left. When she came back to the waiting room after visiting the chapel, she found Mrs. Schein a total wreck. She seemed so embarrassed and she hustled her mother out. Actually, I think having Mrs. Schein there probably helped. Comforting her gave everyone else something to do, a way to feel useful. Now they're back to feeling useless, back to the endless wait.

When the social worker walks into the waiting room, everyone stands up, like they're greeting royalty. She gives a half smile, which I've seen her do several times already today. I think it's her signal that everything is okay, or status quo, and

Соцработница выглядит зверски уставшей, словно не отказалась бы занять свободную койку. Я не единственная ее больная. Она весь день курсирует туда-сюда между пациентами и их семьями. Она — мостик между врачами и прочими людьми, и видно, какого напряжения ей стоит балансирование между двумя мирами.

Почитав мою карту и обсудив ее с медсестрами, она возвращается вниз, к моим родным, которые перестали разговаривать приглушенными голосами и теперь занялись каждый своим делом. Бабушка вяжет, дедушка притворяется дремлющим, тетя Диана решает sudoku, кузены сменяют друг друга за «Гейм-боем», играя с выключенным звуком.

Ким уехала. Вернувшись после посещения часовни в комнату ожидания, она обнаружила, что миссис Шейн совсем расклеилась. Ким очень смутилась и поскорее увела мать. Но думаю, на самом деле присутствие миссис Шейн там принесло некоторую пользу. Пока ее успокаивали, всем было чем заняться, и люди ощущали себя нужными. Теперь им снова не к чему себя приложить, опять началось бесконечное ожидание.

Когда соцработница входит в комнату, все встают, будто приветствуют члена королевской семьи. Она выдает полуулыбку, которую я сегодня уже видела у нее несколько раз. Я думаю, это такой ее сигнал, что все хорошо или как прежде,

she's just here to deliver an update, not to drop a bomb.

"Mia is still unconscious, but her vital signs are improving," she tells the assembled relatives, who have abandoned their distractions haphazardly on the chairs. "She's in with the respiratory therapists right now. They're running tests to see how her lungs are functioning and whether she can be weaned off the ventilator."

"That's good news, then?" Aunt Diane asks. "I mean if she can breathe on her own, then she'll wake up soon?"

The social worker gives a practiced sympathetic nod.

"It's a good step if she can breathe on her own. It shows her lungs are healing and her internal injuries are stabilizing. The question mark is still the brain contusions."

"Why is that?" Cousin Heather interrupts.

"We don't know when she will wake up on her own, or the extent of the damage to her brain. These first twenty-four hours are the most critical and Mia is getting the best possible care."

"Can we see her?" Gramps asks.

The social worker nods.

и она пришла сообщить только свежие новости, а не что-нибудь ужасное.

— Мия по-прежнему без сознания, но ее жизненные показатели улучшаются, — объявляет соцработница моим родственникам, спешно побросавшим свои занятия в креслах и собравшимся вокруг нее. — Сейчас у нее специалисты по искусственной вентиляции легких. Они проверяют, как функционируют легкие Мии, можно ли отключить ее от респиратора.

— Ведь это хорошие новости? — спрашивает тетя Диана. — Наверное, если она сможет дышать сама, то скоро очнется?

Соцработница демонстрирует отработанный сочувственный кивок.

— Очень хорошо, если она сможет дышать сама. Это покажет, что ее легкие выправляются, а внутренние повреждения стабилизировались. Но основная сложность по-прежнему с контузиями головного мозга.

— В смысле? — вмешивается кузина Хедер.

— Мы не знаем, когда она очнется сама, и не знаем, насколько поврежден ее мозг. Эти первые двадцать четыре часа — самые критичные, и Мия получает лучшую помощь, какую только возможно.

— Можно нам ее увидеть? — спрашивает дедушка.

Соцработница кивает.

“That’s why I’m here. I think it would be good for Mia to have a short visit. Just one or two people.”

“We’ll go,” Gran says, stepping forward. Gramps is by her side.

“Yes, that’s what I thought,” the social worker says. “We won’t be long,” she says to the rest of the family.

The three of them walk down the hall in silence. In the elevator, the social worker attempts to prepare my grandparents for the sight of me, explaining the extent of my external injuries, which look bad, but are treatable. It’s the internal injuries that they’re worried about, she says.

She’s acting like my grandparents are children. But they’re tougher than they look. Gramps was a medic in Korea. And Gran, she’s always rescuing things: birds with broken wings, a sick beaver, a deer hit by a car. The deer went to a wildlife sanctuary, which is funny because Gran usually hates deer; they eat up her garden. “Pretty rats,” she calls them. “Tasty rats” is what Gramps calls them when he grills up venison steaks. But that one deer, Gran couldn’t bear to see it suffer, so she rescued it. Part of me suspects she thought it was one of her angels.

— Для этого я и здесь. Думаю, для Мии будет полезен краткий визит. Но только один или два человека.

— Мы пойдем, — выступает вперед бабушка. Дедушка встает рядом ней.

— Да, я так и подумала, — соглашается соцработница, а остальной семье говорит: — Мы ненадолго.

Все трое идут по коридору молча. В лифте соцработница пытается подготовить бабушку и дедушку к моему виду, перечисляя внешние повреждения и объясняя, что хотя они выглядят ужасно, но вполне излечимы. Внутренние повреждения — вот что вызывает опасения, говорит она.

Она разговаривает с бабушкой и дедушкой, как с детьми, но они крепче, чем кажется с виду. Дедушка служил врачом в Корее. А бабушка — она всегда спасала всяких животных: птиц со сломанными крыльями, больного бобра, оленя, сбитого машиной. Олень отправился в заповедник дикой природы — это довольно забавно, потому что обычно бабушка терпеть не может оленей: они объедают ей сад. «Гнусные крысы», — называет она их. «Вкусные крысы», — говорит дедушка, жаря на решетке олени стейки. Но в тот единственный раз бабушка не смогла смотреть, как олень мучается, и спасла его. Я втайне подозреваю, что она решила, будто это один из ее ангелов.

Still, when they come through the automatic double doors into the ICU, both of them stop, as if repelled by an invisible barrier. Gran takes Gramps's hand, and I try to remember if I've ever seen them hold hands before. Gran scans the beds for me, but just as the social worker starts to point out where I am, Gramps sees me and he strides across the floor to my bed.

"Hello, duck," he says.

He hasn't called me that in ages, not since I was younger than Teddy. Gran walks slowly to where I am, taking little gulps of air as she comes. Maybe those wounded animals weren't such good prep after all.

The social worker pulls over two chairs, setting them up at the foot of my bed.

"Mia, your grandparents are here." She motions for them to sit down. "I'll leave you alone now."

"Can she hear us?" Gran asks. "If we talk to her, she'll understand?"

"Truly, I don't know," the social worker responds. "But your presence can be soothing so long as what you say is soothing."

Then she gives them a stern look, as if to tell them not to say anything bad to upset me. I know it's her job to warn them about things like this and

И все равно, когда бабушка с дедушкой проходят через автоматические двойные двери в ОРИТ, оба останавливаются, словно наткнувшись на невидимый барьер. Бабушка сжимает дедушкину руку, и я пытаюсь припомнить, видела ли их когда-нибудь раньше держащимися за руки. Бабушка разглядывает койки в поисках меня, но только соцработница поднимает руку, чтобы указать, как дедушка находит меня и идет через палату к моей кровати.

— Привет, утенок, — говорит он.

Последний раз он меня так называл много лет назад, когда я была еще младше Тедди. Бабушка медленно подходит туда, где я лежу, мелко сглатывая. Похоже, раненные животные оказались не такой уж хорошей подготовкой.

Соцработница придвигает два стула и ставит их в изножье моей кровати.

— Мия, здесь твои бабушка и дедушка. — Она жестом приглашает их сесть. — Я оставлю вас одних.

— Она может нас слышать? — спрашивает бабушка. — Если мы будем говорить с ней, она поймет?

— Честно говоря, не знаю, — отвечает соцработница. — Но ваше присутствие будет ей полезным, пока то, что вы говорите, не может ей повредить.

Она меряет их суровым взглядом, как будто приказывая не говорить ничего, что может меня расстроить. Я знаю, предупреждать о подобных

that she is busy with a thousand things and can't always be so sensitive, but for a second, I hate her.

After the social worker leaves, Gran and Gramps sit in silence for a minute. Then Gran starts prattling on about the orchids she's growing in her greenhouse. I notice that she's changed out of her gardening smock into a clean pair of corduroy pants and a sweater. Someone must have stopped by her house to bring her fresh clothes. Gramps is sitting very still, and his hands are shaking. He's not much of a talker, so it must be hard for him being ordered to chat with me now.

Another nurse comes by. She has dark hair and dark eyes brightened with lots of shimmery eye makeup. Her nails are acrylic and have heart decals on them. She must have to work hard to keep her nails so pretty. I admire that.

She's not my nurse but she comes up to Gran and Gramps just the same.

"Don't you doubt for a second that she can hear you," she tells them. "She's aware of everything that's going on." She stands there with her hands on her hips. I can almost picture her snapping gum. Gran and Gramps stare at her, lapping up what she's telling them. "You might think that the doctors or nurses or all this is running the show," she says, gesturing to the wall of medical equipment. "Nuh-uh. She's running the show. Maybe

вещах — ее работа, у нее куча дел, и она не может всегда быть безупречно чуткой, но на секунду меня охватывает сильнейшая неприязнь.

После ухода соцработницы бабушка с дедушкой минуту сидят в молчании. Затем бабушка начинает щебетать об орхидеях, растущих у нее в оранжерее. Я замечаю, что она сменила свой садовый комбинезон на чистые вельветовые штаны и свитер. Видимо, кто-то заехал к ним домой и привез ей одежду. Дедушка сидит очень тихо и неподвижно, его руки дрожат. Он не особенный любитель поболтать, так что ему сейчас, наверное, трудно выполнять указание говорить со мной.

Подходит новая медсестра. У нее темные волосы и темные глаза, подчеркнутые толстым слоем блестящих теней. На ее акриловых ногтях картинки в виде сердечек. Наверное, она тратит уйму времени и сил на уход за своими ногтями. Меня это восхищает.

Это не моя медсестра, однако она обращается к бабушке с дедушкой:

— Ни секунды не сомневайтесь, что она вас слышит. Она все понимает, что происходит. — Медсестра стоит, уперев руки в боки, для полноты образа ей не хватает только жвачки во рту. Бабушка с дедушкой уставились на нее, жадно впитывая ее слова: — Вы, может, думаете, что врачи, или медсестры, или вот это все, — она указывает на стену медицинского оборудования, — здесь заправляют? Не-а. Она здесь всем

she's just biding her time. So you talk to her. You tell her to take all the time she needs, but to come on back. You're waiting for her."

Mom and Dad would never call Teddy or me mistakes. Or accidents. Or surprises. Or any of those other stupid euphemisms. But neither one of us was planned, and they never tried to hide that.

Mom got pregnant with me when she was young. Not teenager-young, but young for their set of friends. She was twenty-three and she and Dad had already been married for a year.

In a funny way, Dad was always a bow-tie wearer, always a little more traditional than you might imagine. Because even though he had blue hair and tattoos and wore leather jackets and worked in a record store, he wanted to marry Mom back at a time when the rest of their friends were still having drunken one-night stands.

"Girlfriend is such a stupid word," he said. "I couldn't stand calling her that. So, we had to get married, so I could call her 'wife.'"

Mom, for her part, had a messed-up family. She didn't go into the gory details with me, but I knew her father was long gone and for a while she had been out of touch with her mother, though now we saw Grandma and Papa Richard, which is

заправляет. Может, она просто нужный момент выжидает. Так что поговорите с ней: скажите, что времени у нее сколько угодно, но пусть она возвращается. Вы ее ждете.

Мама с папой никогда бы не называли Тедди или меня ошибкой — или случайностью, или сюрпризом. Или любым другим из этих идиотских эвфемизмов. Но никто из нас не был запланированным ребенком, и родители даже не пытались скрывать это.

Мама забеременела мной, когда была совсем юной. Не подростком, но, по меркам их дружеского круга, — рано. Ей было двадцать три, и они с папой были год как женаты.

Забавно, что папа всегда был несколько старомодным — всегда чуть более консервативным, чем можно было подумать. Да, у него были синие волосы и татуировки, он носил кожаные куртки и работал в музыкальном магазине, но он захотел жениться на маме еще тогда, когда остальные их друзья только перепихивались разок по пьяни.

«Моя девушка» — звучит ужасно глупо, — заявил он. — У меня язык не поворачивается так ее называть. Выходит, нам нужно пожениться, чтобы я мог говорить ей: “жена”».

Что касается мамы, у нее была не очень-то благополучная семья. При мне она не вдавалась в вопиющие подробности, но я знала, что ее отец исчез с горизонта давным-давно и некоторое время она не общалась с матерью, но теперь мы ви-

what we called Mom's stepfather, a couple times a year.

So Mom was taken not just with Dad but with the big, mostly intact, relatively normal family he belonged to. She agreed to marry Dad even though they'd been together just a year. Of course, they still did it their way. They were married by a lesbian justice of the peace while their friends played a guitar-feedback-heavy version of the "Wedding March." The bride wore a white-fringed flapper dress and black spiked boots. The groom wore leather.

They got pregnant with me because of someone else's wedding. One of Dad's music buddies who'd moved to Seattle had gotten his girlfriend pregnant, so they were doing the shotgun thing. Mom and Dad went to the wedding, and at the reception, they got a little drunk and back at the hotel weren't as careful as usual. Three months later there was a thin blue line on the pregnancy test.

The way they tell it, neither felt particularly ready to be parents. Neither one felt like an adult yet. But there was no question that they would have me. Mom was adamantly pro-choice. She had a bumper sticker on the car that read If you can't trust me with a choice, how can you trust me with a child? But in her case the choice was to keep me.

делись с бабушкой и папой Ричардом — так мы называли маминого отчима — пару раз в год.

Так что маму взял в оборот не только папа, но и его большая, почти полная и относительно нормальная семья. Мама согласилась выйти замуж за папу, хотя они пробыли вместе всего год. И конечно же, они всё сделали по-своему. Поженила их мировая судья-лесбиянка, а друзья сыграли на электрогитарах «Свадебный марш» в хард-роковой обработке. Невеста была в открытом белом платье с бахромой в стиле тридцатых годов и черных шипованных ботинках. Жених был весь в коже.

Я получилась из-за чужой свадьбы. Один из папиных приятелей-музыкантов, переехавший в Сиэтл, сделал своей подружке ребенка, так что они скоропалительно поженились. Мама с папой приехали на свадьбу, на вечеринке слегка набрались и у себя в отеле были не столь осторожны, как обычно. Через три месяца тест на беременность показал тонкую синюю полоску.

По их рассказам, никто из них не ощущал в себе особой готовности стать родителем. Ни один еще не чувствовал себя достаточно взрослым. Но вопроса, стоит ли меня рожать, не возникло. Мама непреклонно стояла за право женщины на аборт. На заднем стекле ее машины красовался стикер: «Если мне нельзя доверить выбор, то разве можно доверить ребенка?» Но в ее случае выбор был сохранить меня.

Dad was more hesitant. More freaked out. Until the minute the doctor pulled me out and then he started to cry.

“That’s poppycock,” he would say when Mom recounted the story. “I did no such thing.”

“You didn’t cry then?” Mom asked in sarcastic amusement.

“I teared. I did not cry.” Then Dad winked at me and pantomimed weeping like a baby.

Because I was the only kid in Mom and Dad’s group of friends, I was a novelty. I was raised by the music community, with dozens of aunties and uncles who took me in as their own little foundling, even after I started showing a strange preference for classical music. I didn’t want for real family, either. Gran and Gramps lived nearby, and they were happy to take me for weekends so Mom and Dad could act wild and stay out all night for one of Dad’s shows.

Around the time I was four, I think my parents realized that they were actually doing it — raising a kid — even though they didn’t have a ton of money or “real” jobs. We had a nice house with cheap rent. I had clothes (even if they were hand-me-downs from my cousins) and I was growing up happy and healthy.

Папа был не столь решителен и куда больше нервничал. До той самой минуты, когда врач вытащил меня, — тогда папа заплакал.

— Это враки, — обычно говорил он, когда мама пересказывала историю. — Ничего подобного я не делал.

— Ты не плакал тогда? — спрашивала мама с притворным удивлением.

— Я не плакал, я ревел. — Папа подмигивал мне и изображал младенческий вопль.

Будучи единственным ребенком в кругу родителей друзей, я произвела фурор. Меня воспитывала музыкальная община — множество тетюшек и дядюшек, носившихся со мной, как с собственным приемышем, даже когда я стала выказывать непостижимую любовь к классической музыке. Но и родная семья не оставляла меня без внимания. Бабушка с дедушкой жили неподалеку и с радостью забирали меня на выходные, так что мама с папой могли развлекаться сколько влезет и зависать на всю ночь на папиных концертах.

К моим четырем годам до родителей, кажется, дошло, что они и правда делают это — воспитывают ребенка, — хоть у них нет ни кучи денег, ни «настоящей» работы. Мы жили в симпатичном доме с дешевой арендой. У меня была одежда, пусть даже перешедшая по наследству от двоюродных братьев и сестер, и я росла счастливой и здоровой.

“You were like an experiment,” Dad said. “Surprisingly successful. We thought it must be a fluke. We needed another kid as a kind of control group.”

They tried for four years. Mom got pregnant twice and had two miscarriages. They were sad about it, but they didn’t have the money to do all the fertility stuff that people do. By the time I was nine, they’d decided that maybe it was for the best. I was becoming independent. They stopped trying.

As if to convince themselves how great it was not to be tied down by a baby, Mom and Dad bought us tickets to go visit New York for a week. It was supposed to be a musical pilgrimage. We would go to CBGB’s and Carnegie Hall. But when to her surprise, Mom discovered she was pregnant, and then to her greater surprise, stayed pregnant past the first trimester, we had to cancel the trip. She was tired and sick to her stomach and so grumpy Dad joked that she’d probably scare the New Yorkers. Besides, babies were expensive and we needed to save.

I didn’t mind. I was excited about a baby. And I knew that Carnegie Hall wasn’t going anywhere. I’d get there someday.

«Ты получилась чем-то вроде эксперимента, — говорил папа. — На удивление удачным. Мы опасались, что нам, наверное, случайно повезло. Нужен был еще один ребенок в качестве контрольной группы».

Они старались несколько лет. Мама беременела два раза, и оба раза случались выкидыши. Родители огорчались, но у них не было денег на всякие исследования репродуктивных функций, которые делают многие люди. К моим девяти годам они решили, что это, пожалуй, и к лучшему. Я становилась самостоятельной. Они перестали пытаться.

Как будто чтобы убедить себя, как это здорово — не быть связанными маленьким ребенком, мама с папой купили на всех троих билеты в Нью-Йорк на неделю. Предполагалось, что это будет музыкальное паломничество. Мы собирались пойти в «Си-би-джи-би» и Карнеги-холл. Но вдруг, к своему удивлению, мама обнаружила, что беременна, а потом, к еще большему изумлению, успешно проносила ребенка весь первый триместр, и нам пришлось отменить поездку. Мама быстро уставала, ее тошнило, и папа мрачно шутил, что, должно быть, она боится ньюйоркцев. Кроме того, дети обходились недешево, и нужно было экономить.

Меня это ничуть не огорчило. Я была в восторге, что у нас в семье родится ребенок. И знала, что Карнеги-холл никуда не денется. Когда-нибудь я туда попаду.

5:40 P.M.

I am a little freaked out right now. Gran and Gramps left a while ago, but I stayed behind here in the ICU. I am sitting in one the chairs, going over their conversation, which was very nice and normal and nondisturbing. Until they left.

As Gran and Gramps walked out of the ICU, with me following, Gramps turned to Gran and asked:

“Do you think she decides?”

“Decides what?”

Gramps looked uncomfortable. He shuffled his feet.

“You know? Decides,” he whispered.

“What are you talking about?” Gran sounded exasperated and tender at the same time.

“I don’t know what I’m talking about. You’re the one who believes in all the angels.”

“What does that have to do with Mia?” Gran asked.

“If they’re gone now, but still here, like you believe, what if they want her to join them? What if she wants to join them?”

“It doesn’t work like that,” Gran snapped.

“Oh,” was all Gramps said. The inquiry was over.

After they left, I was thinking that one day maybe I’ll tell Gran that I never much bought into her theory that birds and such could be people’s

17:40

Теперь я изрядно выбита из колеи. Бабушка с дедушкой недавно ушли, а я осталась в отделении интенсивной терапии. Я сижу на стуле, повторяя про себя их беседу со мной, которая получалась очень приятной и легкой, совсем обычной — пока они оставались здесь.

Когда они вышли из палаты — и я с ними, — дедушка повернулся к бабушке и спросил:

— Как думаешь, она сейчас решает?

— Что решает?

Дедушка смущенно переступил с ноги на ногу.

— Ну, понимаешь... Решает, — прошептал он.

— О чем ты говоришь? — бабушкин голос звучал одновременно раздраженно и нежно.

— Да не знаю я, о чем говорю. Это же ты веришь во всяких ангелов.

— Но какое они имеют отношение к Мие?

— Если, как ты говоришь, их сейчас не видно, но они всё еще здесь, то вдруг они захотят, чтобы она ушла с ними? И вдруг она захочет к ним?

— Все совсем не так, — отрезала бабушка.

— А, — только и сказал дедушка и больше ничего не спрашивал.

После того как они ушли, я подумала, что, может быть, когда-нибудь расскажу бабушке, что никогда особенно не верила в ее теорию, будто

guardian angels. And now I'm more sure than ever that there's no such thing.

My parents aren't here. They are not holding my hand, or cheering me on. I know them well enough to know that if they could, they would. Maybe not both of them. Maybe Mom would stay with Teddy while Dad watched over me. But neither of them is here.

And it's while contemplating this that I think about what the nurse said. She's running the show. And suddenly I understand what Gramps was really asking Gran. He had listened to that nurse, too. He got it before I did.

If I stay. If I live. It's up to me.

All this business about medically induced comas is just doctor talk. It's not up to the doctors. It's not up to the absentee angels. It's not even up to God who, if He exists, is nowhere around right now. It's up to me.

How am I supposed to decide this? How can I possibly stay without Mom and Dad? How can I leave without Teddy? Or Adam? This is too much. I don't even understand how it all works, why I'm here in the state that I'm in or how to get out of it if I wanted to. If I were to say, I want to wake up, would I wake up right now? I already tried snapping my heels to find Teddy and trying to beam my-

птицы и всякие животные могут быть ангелами-хранителями людей. А теперь я и вовсе уверена: ничего такого нет.

Мои родители не здесь. Они не держат меня за руку, не ободряют и не поддерживают. Я знаю их достаточно, чтобы понимать: они бы непременно пришли, если бы могли. Пусть даже не оба — может, мама осталась бы с Тедди, а папа присматривал бы за мной. Но здесь нет никого из них.

Размышляя об этом, я вспоминаю слова медсестры: «Она здесь всем заправляет» — и внезапно понимаю, о чем на самом деле дедушка спрашивал бабушку. Он тоже слушал эту медсестру. И догадался быстрее меня.

Останусь ли я. Буду ли я жить. Все зависит от меня.

Все эти рассуждения врачей о медикаментозной коме — всего лишь разговоры. Это зависит не от врачей. И не от ангелов-прогульщииков. И даже не от Бога, который если и существует, то сейчас тоже не здесь. Это зависит от меня.

Как мне это решить? Как я могу остаться без мамы и папы? А как я могу уйти и бросить Тедди? И Адама? Это уж слишком. Я даже не понимаю, как все устроено, почему я здесь, в таком состоянии, и как из него выбраться, если я захочу. Если мне нужно сказать: «Я хочу очнуться», то очнусь ли я прямо сейчас? Я уже пыталась щелкать каблуками, чтобы найти Тедди или

self to Hawaii, and that didn't work. This seems a whole lot more complicated.

But in spite of that, I believe it's true. I hear the nurse's words again. I am running the show. Everyone is waiting on me.

I decide. I know this now.

And this terrifies me more than anything else that has happened today.

Where the hell is Adam?

A week before Halloween of my junior year, Adam showed up at my door triumphant. He was holding a dress bag and wearing a shit-eating grin.

"Prepare to writhe in jealousy. I just got the best costume," he said. He unzipped the bag. Inside was a frilly white shirt, a pair of breeches, and a long wool coat with epaulets.

"You're going to be Seinfeld with the puffy shirt?" I asked.

"Pff. Seinfeld. And you call yourself a classical musician. I'm going to be Mozart. Wait, you haven't seen the shoes." He reached into the bag and pulled out clunky black leather numbers with metal bars across the tops.

"Nice," I said. "I think my mom has a pair like them."

"You're just jealous because you don't have such a rockin' costume. And I'll be wearing tights, too.

перенестись на Гавайи, и это не сработало. А тут, похоже, все куда сложнее.

Но я все равно верю, что это правда. Я снова слышу слова медсестры: я здесь всем заправляю. Все ждут моего решения.

Я решаю. Теперь я это знаю.

И оно пугает меня больше, чем все прочее, случившееся сегодня.

Где же, черт побери, Адам?

В мой предпоследний год в школе за неделю до Хеллоуина Адам появился у нашей двери с видом триумфатора. Он держал в руках портплед и сиял горделивой ухмылкой.

— Приготовься помучиться завистью. Я только что добыл самый лучший костюм, — сказал он и расстегнул портплед. Внутри обнаружилась белоснежная рубашка с рюшами, бриджи и длинный шерстяной сюртук с галунами.

— Ты собираешься изображать Сайнфелда в такой вычурной рубашке? — спросила я.

— Фи, Сайнфелд! И ты еще называешь себя классическим музыкантом. Я собираюсь изображать Моцарта. погоди, ты еще туфли не видела. — Он полез в сумку и вытащил громоздкие черные кожаные ботинки с металлическими полосками наверху.

— Миленько, — оценила я. — Кажется, у моей мамы есть похожие.

— Ты просто завидуешь, потому что у тебя такого классного костюма нет. И еще я надену чул-

I'm just that secure in my manhood. Also, I have a wig."

"Where'd you get all this?" I asked, fingering the wig. It felt like it was made of burlap.

"Online. Only a hundred bucks."

"You spent a hundred dollars on a Halloween costume?"

At the mention of the word Halloween, Teddy zoomed down the stairs, ignoring me and yanking on Adam's wallet chain.

"Wait here!" he demanded, and then ran back upstairs and returned a few seconds later holding a bag. "Is this a good costume? Or will it make me look babyish?" Teddy asked, pulling out a pitchfork, a set of devil ears, a red tail, and a pair of red footie pajamas.

"Ohh." Adam stepped backward, his eyes wide. "That outfit scares the hell out of me and you aren't even wearing it."

"Really? You don't think the pajamas make it look dumb. I don't want anyone to laugh at me," Teddy declared, his eyebrows furrowed in seriousness.

I grinned at Adam, who was trying to swallow his own smile.

"Red pajamas plus pitchfork plus devil ears and pointy tail is so fully satanic no one would dare challenge you, lest they risk eternal damnation," Adam assured him.

ки. Да, я настолько уверен в своей мужественности. А еще у меня есть парик.

— Где ты достал все это? — спросила я, щупая парик. Похоже, он был сделан из джута.

— В Интернете. Всего сотня баксов.

— Ты потратил сотню долларов на костюм для Хеллоуина?

Услышав слово «Хеллоуин», Тедди скатился по лестнице и, не обращая внимания на меня, вцепился в цепочку Адамова бумажника.

— Подожди, я сейчас! — крикнул он и убежал наверх, а через пару секунд вернулся с сумкой. — Это хороший костюм? Или я в нем буду как маленький? — возбужденно спросил Тедди, доставая вилы, пару накладных ушей, красный хвост и длинную красную пижаму.

— Ух. — Адам отшатнулся, сделав большие глаза. — Этот костюм меня до чертиков пугает, а ведь ты его даже не надел.

— Правда? Ты не думаешь, что из-за пижамы все выглядит как-то тупо? Я не хочу, чтобы надо мной смеялись. — Тедди сурово сдвинул брови.

Я с усмешкой уставилась на Адама, который пытался сдержать улыбку.

— Красная пижама, вилы да еще настоящие дьявольские уши и хвост — в таком костюме никто не осмелится бросить тебе вызов, не рискуя навлечь на себя вечное проклятие, — уверил Тедди Адам.

Teddy's face broke into a wide grin, showing off the gap of his missing front tooth.

"That's kind of what Mom said, but I just wanted to make sure she wasn't just telling me that so I wouldn't bug her about the costume. You're taking me trick-or-treating, right?" He looked at me now.

"Just like every year," I answered. "How else am I gonna get candy?"

"You're coming, too?" he asked Adam.

"I wouldn't miss it."

Teddy turned on his heel and whizzed back up the stairs. Adam turned to me.

"That's Teddy settled. What are you wearing?"

"Ahh, I'm not much of a costume girl."

Adam rolled his eyes.

"Well, become one. It's Halloween, our first one together. Shooting Star has a big show that night. It's a costume concert, and you promised to go."

Inwardly, I groaned. After six months with Adam, I had just gotten used to us being the odd couple at school — people called us Groovy and the Geek. And I was starting to become more comfortable with Adam's bandmates, and had even learned a few words of rock talk. I could hold my own now when Adam took me to the House of Rock, the rambling house near the college where the rest of the

Лицо Тедди расплылось в широкой улыбке, открывающей дыру на месте выпавшего переднего зуба.

— Мама тоже что-то такое сказала, но я просто хотел проверить — вдруг она это говорит, только чтобы я перестал приставать к ней с костюмом. Ты же поведешь меня на «сласти или напасти»? — Теперь он переключился на меня.

— Как и каждый год, — ответила я. — Как же мне еще раздобыть конфет?

— Ты тоже пойдешь? — спросил братишка Адама.

— Этого я ни за что не пропущу.

Тедди развернулся на пятках и унесся вверх по лестнице. Адам повернулся ко мне:

— Тедди уже определился. А ты что наденешь?

— Ой, я не очень-то костюмная барышня.

Адам закатил глаза.

— Ну так стань ею. Это же наш первый общий Хеллоуин. У «Звездопада» в этот вечер большой концерт, костюмированный, и ты обещала пойти.

Я мысленно застонала. После шести месяцев с Адамом я уже привыкла, что в школе мы — странная парочка, нас называли Балдеж и Ботаника. И я начала более уверенно вести себя с музыкантами Адама, даже выучила несколько слов из рок-жаргона. Я могла не ударить в грязь лицом, когда Адам брал меня с собой в «Дом рока» — несуразное здание около университета,

band all lived. I could even participate in the band's punk-rock pot-luck parties when everyone invited had to bring something from their fridge that was on the verge of spoiling. We took all the ingredients and made something out of it. I was actually pretty good at finding ways to turn the vegetarian ground beef, beets, feta cheese, and apricots into something edible.

But I still hated the shows and hated myself for hating them. The clubs were smoky, which hurt my eyes and made my clothes stink. The speakers were always turned up so high that the music blared, causing my ears ring so loudly afterward that the high-pitched drone would actually keep me up. I'd lie in bed, replaying the awkward night and feeling shittier about it with each playback.

"Don't tell me you're gonna back out," Adam said, looking equal parts hurt and irritated.

"What about Teddy? We promised we'd take him trick-or-treating—"

"Yeah, at five o'clock. We don't have to be at the show until ten. I doubt even Master Ted could trick-or-treat for five solid hours. So you have no excuse. And you'd better get a good outfit together because I'm going to look hot, in an eighteenth-century kind of way."

где жили остальные члены группы. Я даже участвовала в панк-роковых складчинных вечеринках группы, куда каждый приглашенный должен был принести из своего холодильника что-нибудь почти протухшее. Мы складывали все ингредиенты и творили из них нечто. Было и правда увлекательно придумывать, как превратить вегетарианский «говяжий» фарш, свеклу, сыр «Фета» и абрикосы во что-то съедобное.

Но я по-прежнему ненавидела концерты — и себя, за то, что их ненавижу. В клубах вечно было накурено, от этого слезились глаза и воняла одежда. Динамики всегда настраивали так громко, что музыка орала и грохотала, от чего у меня в ушах так звенело, что тонкий пронзительный гул потом не давал заснуть. Я лежала в кровати, снова и снова проигрывая в уме неловкий и неприятный вечер, и чувствовала себя все хуже с каждым раундом.

— Только не говори мне, что ты даешь задний ход, — запротестовал Адам огорченно и раздраженно.

— А как быть с Тедди? Мы же пообещали взять его на «сласти или напасти»...

— Ну да, в пять часов. А на концерт нам нужно не раньше десяти. Я сомневаюсь, что даже Мастер Тед сможет выпрашивать сладости пять часов подряд. Так что отговорки у тебя нет. И лучше добудь себе хороший костюм, потому что я буду выглядеть обалденно — по меркам восемнадцатого века.

After Adam left to go to work delivering pizzas, I had a pit in my stomach. I went upstairs to practice the Dvořák piece Professor Christie had assigned me, and to work out what was bothering me. Why didn't I like his shows? Was it because Shooting Star was getting popular and I was jealous? Did the ever-growing masses of girl groupies put me off? This seemed like a logical enough explanation, but it wasn't it.

After I'd played for about ten minutes, it came to me: My aversion to Adam's shows had nothing to do with music or groupies or envy. It had to do with the doubts. The same niggling doubts I always had about not belonging. I didn't feel like I belonged with my family, and now I didn't feel like I belonged with Adam, except unlike my family, who was stuck with me, Adam had chosen me, and this I didn't understand. Why had he fallen for me? It didn't make sense. I knew it was music that brought us together in the first place, put us in the same space so we could even get to know each other. And I knew that Adam liked how into music I was. And that he dug my sense of humor, "so dark you almost miss it," he said. And, speaking of dark, I knew he had a thing for dark-haired girls because all of his girlfriends had been brunettes. And I knew that when it was the two of us alone together, we could talk for hours, or sit reading side by side for hours, each one plugged into our

Адам ушел на работу, развозить пиццу, а у меня внутри все упало. Я поднялась к себе поработать над пьесой Дворжака, которую мне дала профессор Кристи, и обдумать то, что меня тревожило. Почему мне так не нравятся концерты? Потому ли, что «Звездопад» набирает популярность и я завидую? Или меня отталкивают постоянно растущие толпы девочек-фанаток? Это казалось вполне логичным объяснением, но было неверно.

После того как я поиграла минут десять, меня вдруг осенило: мое отвращение к концертам Адама никак не связано с музыкой, фанатками или завистью. Оно связано с сомнениями — с теми самыми глупыми сомнениями, что я не принадлежу к данному кругу. Я не чувствовала себя своей в семье, а теперь не чувствовала себя своей с Адамом, только в отличие от семьи, которая всегда была со мной, Адам выбрал меня сам, и этого я не понимала. Почему он влюбился в меня? Это было совершенно непостижимо. Я знала, что в первую очередь нас свела музыка: она поместила нас в одно пространство и мы смогли хоть немного узнать друг друга. И я знала, что Адаму нравится моя увлеченность музыкой. Также он оценил мое чувство юмора. «Такое темное, что его почти не видно», — говорил он. Кстати о темном, я знала, что у него слабость к темноволосым девчонкам, потому что все его подружки были брюнетками. И я знала, что когда мы оставались наедине, то

own iPod, and still feel completely together. I understood all that in my head, but I still didn't believe it in my heart. When I was with Adam, I felt picked, chosen, special, and that just made me wonder why me? even more.

And maybe this was why even though Adam willingly submitted to Schubert symphonies and attended any recital I gave, bringing me stargazer lilies, my favorite flower, I'd still rather have gone to the dentist than to one of his shows. Which was so churlish of me. I thought of what Mom sometimes said to me when I was feeling insecure: "Fake it till you make it." By the time I finished playing the piece three times over, I decided that not only would I go to his show, but for once I'd make as much of an effort to understand his world as he did mine.

"I need your help," I told Mom that night after dinner as we stood side by side doing dishes.

"I think we've established that I'm not very good at trigonometry. Maybe you can try the on-line-tutor thing," Mom said.

"Not math help. Something else."

"I'll do my best. What do you need?"

"Advice. Who's the coolest, toughest, hottest rocker girl you can think of?"

могли часами разговаривать или просто сидеть рядышком, читая каждый со своего айпода, и все равно чувствовать себя вместе. В голове я все это уместила, но сердцем по-прежнему не верила. Когда я была с Адамом, я чувствовала себя избранной, особенной, и это только больше заставляло меня недоумевать: «Почему я?»

И может быть, именно поэтому — пусть Адам с готовностью соглашался слушать симфонии Шуберта и ходил на все мои выступления, принося мои любимые звездчатые лилии, — я все равно лучше бы пошла к зубному, чем на его концерт. Это было ужасно неблагодарно с моей стороны. Я припомнила, как мама иногда говорила, если я чувствовала себя неуверенно: «Притворяйся, пока сама себе не поверишь». Проиграв пьесу три раза, я решила, что не только пойду на концерт, но и приложу на этот раз столько же сил, чтобы понять мир Адама, сколько приложил он для понимания моего.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала я маме тем же вечером после ужина, когда мы стояли бок о бок, моя посуду.

— Кажется, мы уже пришли к выводу, что я не сильна в тригонометрии. Может, попробуешь он-лайнные курсы?

— Не в математике. Кое в чем другом.

— Сделаю все, что смогу. Что тебе нужно?

— Совет. Кто самая крутая, жесткая, отпадная рокерша, какую ты можешь вспомнить?

“Debbie Harry,” Mom said.

“Tha—”

“Not finished,” Mom interrupted. “You can’t ask me to pick only one. That’s so Sophie’s Choice. Kathleen Hannah. Patti Smith. Joan Jett. Courtney Love, in her demented destructionist way. Lucinda Williams, even though she’s country she’s tough as nails. Kim Gordon from Sonic Youth, pushing fifty and still at it. That Cat Power woman. Joan Armatrading. Why, is this some kind of social-studies project?”

“Kind of,” I answered, toweling off a chipped plate. “It’s for Halloween.”

Mom clapped her soapy hands together in delight.

“You planning on impersonating one of us?”

“Yeah,” I replied. “Can you help me?”

Mom took off work early so we could trawl through vintage-clothing stores. She decided we should go for a pastiche of rocker looks, rather than trying to copy any one artist. We bought a pair of tight, lizard-skin pants. A blond bobbed wig with severe bangs, à la early-eighties Debbie Harry, which Mom streaked with purple Manic Panic. For accessories, we got a black leather band for one wrist and about two dozen silver bangles for the other. Mom fished out a her own vintage Sonic Youth T-shirt — warning me not to take

— Дебби Харри, — моментально ответила мама.

— Спа...

— Еще не все, — перебила она меня. — Я же не могу назвать только одну, это прямо «выбор Софи» какой-то. Кэтлин Ханна. Патти Смит. Джоан Джетт. Кортни Лав, в своем безумном нигилистическом стиле. Люсинда Вильямс — пусть она и кантри, но жесткая, как гвоздь. Да, еще Ким Гордон из «Соник юс» — полтинник скоро, а она все скачет по сцене. Старушка Кэт Пауэр, конечно. И Джоан Арматрейдинг. А что, это у тебя задание по обществознанию такое?

— Вроде того, — ответила я, обтирая щербатую тарелку. — Это для Хеллоуина.

Мама в восторге хлопнула мыльными ладонями.

— Ты хочешь сыграть одного из нас?

— Ну да. Ты мне поможешь?

Мама отпросилась с работы пораньше, чтобы мы смогли прочесать магазинчики винтажной одежды. Она решила, что надо искать стилизацию рокерского прикида, а не пытаться скопировать какую-нибудь конкретную звезду. Мы купили облегающие штаны из «ящеричной кожи». И еще блондинистый стриженный парик с челкой до глаз, а-ля Дебби Харри начала восьмидесятых, на котором мама подкрасила ярко-розовой краской несколько прядок. Из аксессуаров мы выбрали черную кожаную ленту на одно запястье и чуть

it off lest someone grab it and sell it on eBay for a couple hundred bucks — and the pair of black, pointy-toed leather spiked boots that she'd worn to her wedding.

On Halloween, she did my makeup, thick streaks of black liquid eyeliner that made my eyes look dangerous. White powder that made my skin pale. Bloodred gashes on my lips. A stick-on nose ring. When I looked in the mirror, I saw Mom's face peering back at me. Maybe it was the blond wig, but this was the first time I ever thought I actually looked like any of my immediate family.

My parents and Teddy waited downstairs for Adam while I stayed in my room. It felt like this was prom or something. Dad held the camera. Mom was practically dancing with excitement. When Adam came through door, showering Teddy with Skittles, Mom and Dad called me down.

I did a slinky walk as best as I could in the heels. I'd expected Adam to go crazy when he saw me, his jeans-and-sweaters girlfriend all glammed out. But he smiled his usual greeting, chuckling a bit.

не две дюжины серебряных браслетов на другое. Мама откопала свою собственную старую футболку «Соник юс», предупредив меня не снимать ее, а то кто-нибудь стащит и продаст в Интернете за пару сотен баксов, и черные остроносые кожаные ботинки с шипами, в которых была на свадьбе.

Когда наступил Хеллоуин, мама сделала мне макияж. Широкие черные стрелки на глазах, которые мгновенно придали мне демонический вид, бледная от белой пудры кожа, кроваво-красный рот, кольцо-клипса в носу. Взглянув в зеркало, я увидела, что из него на меня уставилось маминно лицо. Возможно, все дело было в белобрысом парике, но тогда мне впервые пришло в голову, что я и вправду похожа на кого-то из моей родной семьи.

Родители и Тедди ждали Адама внизу, а я сидела в своей комнате. Чувствовала я себя так, будто собираюсь на выпускной вечер. Папа держал наготове видеокамеру. Мама чуть не приплясывала от возбуждения. Когда Адам вошел в дверь, обсыпав Тедди разноцветными конфетами, мама с папой позвали меня.

Насколько это позволяли высоченные каблуки, я томно и плавно сошла по ступеням. Я ожидала, что Адам обалдеет, увидев волшебное преобразование своей подружки, никогда не изменявшей привычным джинсам и свитерам. Но он только приветственно улыбнулся, совсем как обычно, и тихонько хмыкнул.

“Nice costume,” was all he said.

“Quid pro quo. Only fair,” I said, pointing to his Mozart ensemble.

“I think you look scary, but pretty,” Teddy said. “I’d say sexy, too, but I’m your brother, so that’s gross.”

“How do you even know what sexy means?” I asked. “You’re six.”

“Everyone knows what sexy means,” he said.

Everyone but me, I guess. But that night, I kind of learned. When we trick-or-treated with Teddy, my own neighbors who’d known me for years didn’t recognize me. Guys who’d never given me a second glance did a double take. And every time that happened, I felt a little bit more like the risky sexy chick I was pretending to be. Fake it till you make it actually worked.

The club where Shooting Star was playing was packed. Everyone was in costume, most of the girls in the kinds of racy getups — cleavage-baring French maids, whip-wielding dominatrixes, slutty Wizard of Oz Dorothys with skirts hiked up to show their ruby garters — that normally made me feel like a big oaf. I didn’t feel oafish at all that

— Классный костюм, — вот и все, что он сказал.

— Услуга за услугу. Всё по-честному, — ответила я, указывая на его моцартовское облачение.

— По-моему, ты выглядишь жутковато, но симпатично, — высказался Тедди. — Я бы сказал «сексуально», но я твой брат, так что это будет нехорошо.

— Откуда ты вообще знаешь, что такое «сексуально»? — спросила я. — Тебе же всего шесть.

— Да все знают, что такое «сексуально», — ответил он.

Очевидно, все, кроме меня. Но в тот вечер я, кажется, прочувствовала, что это значит, на своей шкуре. Пока мы с Тедди ходили с колядками, мои собственные соседи, знакомые со мной многие годы, не узнавали меня. Парни, никогда не удоставившие меня лишнего взгляда, теперь пялились как нанятые. И каждый раз, как это случалось, я чувствовала себя чуть больше похожей на ту отвязную сексуальную девчонку, которую изображала. Мамин совет притворяться до тех пор, пока сам себе не поверишь, прекрасно работал.

Клуб, где выступал «Звездопад», был набит битком. Все пришли в костюмах, большинство девушек в пикантных: декольтированные французские горничные, доминатрикс, помахивающие хлыстами, распутные Дороти из «Волшебника Страны Оз» с юбками, задранными до рубиново-алых подвязок, — все то, при виде чего

night, even if nobody seemed to recognize that I was wearing a costume.

“You were supposed to dress up,” a skeleton guy chastised me before offering me a beer.

“I fucking LOVE those pants,” a flapper girl screamed into my ear. “Did you get them in Seattle?”

“Aren’t you in the Crack House Quartet?” a guy in a Hillary Clinton mask asked me, referring to some hard-core band that Adam loved and I hated.

When Shooting Star went on, I didn’t stay backstage, which is what I normally did. Backstage I could sit on a chair and have an uninterrupted view and not have to talk to anybody. This time, I lingered out by the bar, and then, when the flapper girl grabbed me, I joined her dancing in the mosh pit.

I’d never gone into the mosh pit before. I had little interest in running around in circles while drunk, brawny boys in leather trod on my toes. But tonight, I totally got into it. I understood what it was like to merge your energy with the mob’s and to absorb theirs as well. How in the pit, when things got going, you weren’t so much walking or dancing as being sucked into a whirlpool.

When Adam finished his set, I was as panting and sweaty as he was. I didn’t go backstage to greet

я обычно казалась себе умственно отсталой. Но всю ту ночь я не чувствовала себя недоразвитой, хотя никто, кажется, не понял, что я в костюме.

— Надо было костюм надеть, — укорил меня парень-скелет, прежде чем предложить мне пива.

— Блин, я просто тащусь от твоих штанов, — провизжала мне в ухо какая-то флэпперша. — Ты их в Сиэтле достала?

— Ты не из «Крэк хаус квотер»? — спросил меня парень в маске Хиллари Клинтон, имея в виду группу, играющую в стиле хардкор, которую Адам любил, а я терпеть не могла.

Когда на сцену вышел «Звездопад», я не спряталась за кулисами, как обычно. Там я могла посидеть на стуле, без помех посмотреть выступление, и мне не нужно было ни с кем разговаривать. Но на этот раз я осталась у стойки бара, а потом, когда флэпперша потащила меня танцевать, пошла с ней в самую толчею.

Я никогда раньше не выходила на танцпол: мне было не слишком интересно топтаться на месте, покуда пьяные дюжие парни в коже скачут по моим ногам. Но в тот день я нырнула туда с головой. Я поняла, каково это: вливать свою энергию в толпу и впитывать ее энергию. И узнала, что на площадке перед сценой, когда все начинается, уже не столько стоишь или танцуешь, сколько втягиваешься в водоворот.

К концу выступления «Звездопада» я была такой же задыхающейся и потной, как Адам. Я не

him before everyone else got to him. I waited for him to go to the floor of the club, to meet his public like he did at the end of every show. And when he came out, a towel around his neck, sucking on a bottle of water, I flung myself into his arms and kissed him openmouthed and sloppy in front of everyone. I could feel him smiling as he kissed me back.

“Well, well, looks like someone has been infused with spirit of Debbie Harry,” he said, wiping some of the lipstick off his chin.

“I guess so. What about you? Are you feeling very Mozarty?”

“All I know about him is from what I saw in that movie. But I remember he was kind of a horndog, so after that kiss, I guess I am. You ready to go? I can load up and we can get out of here.”

“No, let’s stay for the last set.”

“Really?” Adam asked, his eyebrows rising in surprise.

“Yeah. I might even go into the pit with you.

“Have you been drinking?” he teased.

“Just the Kool-Aid,” I replied.

We danced, stopping every now and again to make out, until the club closed.

On the way home, Adam held my hand while he drove. Every so often he’d turn to look at me and smile while shaking his head.

пошла за сцену, чтобы приветствовать его раньше всех. Я подождала, пока он выйдет на площадку клуба — встретиться со своей публикой, как он делал после каждого концерта. И когда он вышел, с полотенцем на плечах, попивая воду из бутылки, я бросилась ему на шею и поцеловала липкими полуоткрытыми губами прямо перед всеми. Я чувствовала, как он улыбается, целуя меня в ответ.

— Ну-ну, похоже, кого-то тут обуял дух Дебби Харри, — заметил он, оттирая помаду с подбородка.

— Пожалуй. А ты как? Чувствуешь себя Моцартом?

— Все, что я о нем знаю, я видел в том кино. Но помню, что он вроде как был страшный бабник, так что после такого поцелуя я наверняка он. Ты готова идти? Я могу загрузить вещи, и свалим отсюда.

— Нет, давай останемся на последнюю группу.

— Правда? — спросил Адам, подняв брови от удивления.

— Ага. Я даже могу пойти с тобой на танцпол.

— Ты что, выпила? — подначил он.

— Только колу, — ответила я.

Мы танцевали, то и дело останавливаясь, чтобы пообниматься и поцеловаться, до самого закрытия клуба.

По пути домой Адам, ведя машину, держал меня за руку. Он то и дело поворачивался посмотреть на меня и улыбался, качая головой.

“So you like me like this?” I asked.

“Hmm,” he responded.

“Is that a yes or a no?”

“Of course I like you.”

“No, like this. Did you like me tonight?”

Adam straightened up.

“I liked that you got into the show and weren’t chomping to leave ASAP. And I loved dancing with you. And I loved how comfortable you seemed to be with all us riffraff.”

“But did you like me like this? Like me better?”

“Than what?” he asked. He looked genuinely perplexed.

“Than normal.”

I was getting irritated now. I’d felt so brazen tonight, like the Halloween costume had imbued me with a new personality, one more worthy of Adam, of my family. I tried to explain that to him, and to my dismay, found myself near tears.

Adam seemed to sense that I was upset. He pulled the car off onto a logging road and turned to me.

“Mia, Mia, Mia,” he said, stroking the tendrils of my hair that had escaped from the wig. “This is the you I like. You definitely dressed sexier and are, you know, blond, and that’s different. But the you who you are tonight is the same you I was in love

— И как, я нравлюсь тебе такой? — спросила я.

— Хм, — ответил он.

— Это «да» или «нет»?

— Конечно же, ты мне нравишься.

— Нет, вот такой. Сегодня вечером я тебе нравилась?

Адам выпрямился.

— Мне понравилось, что ты увлеклась концертом и не рвалась слинять оттуда как можно быстрее. И было очень здорово с тобой танцевать. Еще мне понравилось, как естественно ты себя чувствовала со всем нашим сбродом.

— Но вот такой я тебе понравилась? Больше?

— Чем что? — Он выглядел искренне озадаченным.

— Чем обычно.

Я начинала раздражаться. Сегодня вечером я чувствовала себя настолько дерзкой и свободной, словно хеллоуиновский костюм наделил меня новой личностью, более достойной Адама и моей семьи. Я попыталась объяснить ему это и, к своему ужасу, обнаружила, что вот-вот разревусь.

Адам, видимо, почувствовал, что я расстроена. Он свернул на проселок, остановил машину и повернулся ко мне.

— Мия, Мия, — сказал он, глядя пряди моих волос, выбившиеся из-под парика. — Мне нравишься ты, вот такая, какая есть. Ты, конечно, сегодня одета сексуальнее и, прямо скажем, блондинка, и это необычно. Но та ты, какой ты

with yesterday, the same you I'll be in love with tomorrow. I love that you're fragile and tough, quiet and kick-ass. Hell, you're one of the punkest girls I know, no matter who you listen to or what you wear."

After that, whenever I started to doubt Adam's feelings, I'd think about my wig, gathering dust in my closet, and it would bring back the memory of that night. And then I wouldn't feel insecure. I'd just feel lucky.

7:13 P.M.

He's here.

I have been hanging out in an empty hospital room in the maternity ward, wanting to be far away from my relatives and even farther away from the ICU and that nurse, or more specifically what that nurse said and what I now understand. I needed to be somewhere where people wouldn't be sad, where the thoughts concerned life, not death. So I came here, the land of screaming babies. Actually, the wail of the newborns is comforting. They have so much fight in them already.

But it's quiet in this room now. So I'm sitting on the windowsill, staring out at the night. A car screeches into the parking garage, shaking me out of my reverie. I peer down in time to catch

была сегодня вечером, — это та же ты, в которую я был влюблен вчера. Мне очень нравится, что ты хрупкая и жесткая, тихоня и оторва. Черт, да ты — одна из самых панковых девчонок, каких я знаю, что бы ты ни слушала и как бы ни одевалась.

Впоследствии всякий раз, когда я начинала сомневаться в чувствах Адама, я думала о парике, пылящемся в шкафу, и это оживляло воспоминания о той ночи. И тогда неуверенность пропадала и я просто чувствовала себя счастливой.

19:13

Он здесь.

Я торчала в пустой палате в родильном отделении, желая спрятаться подальше от моих родственников и еще дальше от палаты интенсивной терапии и той медсестры — точнее, от того, что она тогда сказала, а я теперь поняла. Мне нужно было посидеть где-то, где бы люди не горевали, где бы думали о жизни, а не о смерти. Так что я пришла сюда, на территорию плачущих младенцев. На самом деле плач новорожденных умиротворяет и бодрит — ведь в них уже столько боевого задора.

Но сейчас в палате тихо; я сижу на подоконнике, глядя в окно. Вечереет. На крытую стоянку въезжает машина, и неистовый визг и скрежет вырывают меня из забытья. Я вовремя успеваю

a glimpse of the taillights of a pink car disappear into the darkness. Sarah, who is the girlfriend of Liz, Shooting Star's drummer, has a pink Dodge Dart. I hold my breath, waiting for Adam to appear out of the tunnel. And then he's here, walking up the ramp, hugging his leather jacket against the winter night. I can see the chain of his wallet glinting in the floodlights. He stops, turns around to talk to someone behind him. I see the soft figure of a woman emerge from the shadows. At first, I think it must be Liz. But then I see the braid.

I wish I could hug her. To thank her for always being one step ahead of what I need.

Of course Kim would go to Adam, to tell him in person as opposed to breaking the news over the phone, and then to bring him here, to me. It was Kim who knew that Adam was playing a show in Portland. Kim who must have somehow managed to cajole her mother into driving downtown. Kim who, judging by Mrs. Schein's absence, must have convinced her mother to go home, to let her stay with Adam and me. I remember how it took Kim two months to get permission to take that helicopter flight with her uncle, so I'm impressed that she managed this amount of emancipation within the space of a few hours. It was Kim who must have braved any number of intimidating bouncers and

посмотреть вниз, чтобы заметить, как во тьме исчезают задние габаритные огни розовой машины. У Сары, девушки Лиз, барабанщицы «Звездопанда», розовый «Додж дарт». Я задерживаю дыхание, ожидая, когда из темноты туннеля появится Адам. И вот он, идет по пандусу, сжимая в руках свою кожаную куртку — защиту от холода зимнего вечера. Я вижу цепочку его бумажника, блестящую в свете фонарей. Адам останавливается и оборачивается, чтобы поговорить с кем-то позади. Из теней появляется легкая женская фигура. Сначала я думаю, что это Лиз, но потом вижу косу.

Мне ужасно хочется обнять ее. Поблагодарить за то, что она всегда на шаг раньше меня понимает, что мне нужно.

Конечно же, Ким обязательно должна была поехать к Адаму, чтобы все рассказать ему лично, а не вываливать новости по телефону, и привезти его сюда, ко мне. Именно Ким узнала, что у Адама сегодня концерт в Портленде. Она как-то умудрилась упросить мать отвезти ее в центр города. А судя по отсутствию миссис Шейн, моя подруга еще и убедила родительницу отправиться домой и позволить ей остаться со мной и Адамом. Я помню, как Ким два месяца добивалась разрешения на ту вертолетную прогулку с дядей, и искренне поражена, что ей удалось получить столько свободы за считанные часы. Именно Ким не испугалась толп суровых вышибал и хипсте-

hipsters to find Adam. And Kim who must have braved telling Adam.

I know this sounds ridiculous, but I'm glad it wasn't me. I don't think I could have borne it. Kim had to bear it.

And now, because of her, he is finally here.

All day long, I've been imagining Adam's arrival, and in my fantasy, I rush to greet him, even though he can't see me and even though, from what I can tell so far, it's nothing like that movie *Ghost*, where you can walk through your loved ones so that they feel your presence.

But now that Adam is here, I'm paralyzed. I'm scared to see him. To see his face. I've seen Adam cry twice. Once when we watched *It's a Wonderful Life*. And another time when we were in the train station in Seattle and we saw a mother yelling and swatting her son who had Down syndrome. He just got quiet and it was only when we were walking away that I saw the tears rolling down his cheeks. And it damn near tore my heart out. If he is crying, it will kill me. Forget this my choice business. That alone will do me in.

I'm such a chickenshit.

I look at the clock on the wall. It's past seven now. Shooting Star will not be opening for Bikini after all. Which is a shame. It was a huge break for them. For a second, I wonder if the rest of the band

ров и нашла Адама. И она же осмелилась сообщить ему о случившемся.

Знаю, это звучит смешно, но я рада, что это была не я. Не думаю, что смогла бы это вынести. Все пришлось вынести Ким.

И сейчас благодаря ей он здесь.

Весь день я представляла себе приезд Адама. В моих фантазиях я бросалась ему навстречу, пусть он и не мог увидеть меня и пусть, насколько я могу судить, тут все совсем не так, как в фильме «Привидение», где можно было проходить сквозь любимых людей и они ощущали ваше присутствие.

Но теперь, когда Адам здесь, я не могу двинуться с места. Я боюсь увидеть его, взглянуть ему в лицо. Я дважды видела, как Адам плачет: первый раз, когда мы смотрели «Эту прекрасную жизнь». А второй — на вокзале в Сиэтле, где нам попалась мать, оравшая и бившая своего сына с синдромом Дауна. Адам просто затих, и только когда мы уже уходили оттуда, я заметила, что по его щекам катятся слезы. И от этого у меня чуть сердце не разорвалось. Если он будет плакать, это точно убьет меня. Можно забыть про все «мне решать» — одно это меня прикончит.

Я невозможная трусиха.

Я смотрю на часы на стене: уже больше семи. «Звездопад» не будет выступать на разогреве у «Бикини». Это скандал. Для них это был огромный прорыв. На секунду я задумываюсь, не

will go on without Adam. I highly doubt it, though. It's not just that he is the lead singer and the lead guitar player. The band has this kind of code. Loyalty to feelings is important. Last summer, when Liz and Sarah broke up (for what turned out to be all of a month) and Liz was too distraught to play, they canceled their five-night tour, even though this guy Gordon who plays drums in another band offered to sub for her.

I watch Adam make his way to the hospital's main entrance, Kim trailing behind him. Just before he comes to the covered awning and the automatic doors, he looks up into the sky. He is waiting for Kim but I also like to think he's looking for me. His face, illuminated by the lights, is blank, like someone vacuumed away all his personality, leaving only a mask. He doesn't look like him. But at least he's not crying.

That gives me the guts to go to him now. Or rather to me, to the ICU, which is where I know he will want to go. Adam knows Gran and Gramps and the cousins, and I imagine he'll join the waiting-room vigil later. But right now he's here for me.

Back in the ICU time stands still as always. One of the surgeons who worked on me earlier — the one who sweated a lot and, when it was his turn to pick the music, blasted Weezer — is checking in on me.

выйдет ли остальная группа на сцену, без Адама. Однако я в этом сильно сомневаюсь. Он вовсе не главный вокалист и не лидер-гитарист — просто у группы есть свой кодекс и верность чувствам важна. Прошлым летом, когда Лиз и Сара разошлись (как оказалось, всего-то на месяц) и Лиз была слишком подавлена, чтобы играть, группа отменила тур из пяти концертов, хотя один парень, Гордон, игравший на барабанах в другой команде, предлагал подменить ее.

Я смотрю, как Адам идет к главному входу больницы. Ким едва не бежит за ним и все равно отстает. Перед тем как подойти к крыльцу и автоматическим дверям, он смотрит на небо. Адам ждет Ким, но мне нравится думать, что он ищет там меня. Его лицо, освещенное фонарями, непроницаемо, как будто кто-то сдул с него все живое, оставив лишь маску. Он сам на себя не похож. Но, по крайней мере, не плачет.

Это придает мне силы духа, чтобы пойти к нему. Или, скорее, к себе — в палату интенсивной терапии, куда, я знаю, он захочет попасть. Адам знаком с бабушкой, дедушкой и кузенами, и, думаю, позже он присоединится к бдению в комнате ожидания. Но сейчас он пришел ко мне.

В палате время по-прежнему стоит. Один из хирургов, трудившихся надо мной раньше, — тот самый, который сильно потел и врубил группу «Уизер», когда была его очередь выбирать музыку, — проверяет меня.

The light is dim and artificial and kept to the same level all the time, but even so, the circadian rhythms win out and a nighttime hush has fallen over the place. It is less frenetic than it was during the day, like the nurses and machines are all a little tired and have reverted to power-save mode.

So when Adam's voice reverberates from the hallway outside the ICU, it really wakes everyone up.

"What do you mean I can't go in?" he booms.

I make my way across the ICU, standing just on the other side of the automatic doors. I hear the orderly outside explain to Adam that he is not allowed in this part of the hospital.

"This is bullshit!" Adam yells.

Inside the ward, all the nurses look toward the door, their heavy eyes wary. I am pretty sure they're thinking: Don't we have enough to deal with inside without having to calm down crazy people outside? I want explain to them that Adam isn't crazy. That he never yells, except for very special occasions.

The graying middle-aged nurse who doesn't attend to the patients but sits by and monitors the computers and phones, gives a little nod and stands up as if accepting a nomination. She straightens her creased white pants and makes her way toward the door. She's really not the best one to talk to him. I wish I could warn them that they ought to

Свет здесь тусклый и неестественный, он постоянно держится на одном уровне, но циркадные ритмы все равно побеждают, и вечерняя тишина затопляет палату. Она менее напряженная, чем была днем, как будто и медсестры, и машины немного устали и переключились в энергосберегающий режим.

Так что когда снаружи в коридоре раздается голос Адама, все вздрагивают.

— Что значит: мне нельзя войти? — гремит он.

Я пересекаю палату и встаю прямо напротив автоматических дверей. Слышно, как санитар снаружи объясняет Адаму, что в эту часть больницы ему нельзя.

— Да это же чушь собачья! — вопит Адам.

В палате все медсестры смотрят в сторону двери, их припухшие глаза настороженны и подозрительны. Я совершенно уверена, что они думают: «Неужели нам здесь мало дел, чтобы мы еще успокаивали сумасшедших снаружи?» Мне очень хочется объяснить им, что Адам не сумасшедший, что он никогда не кричит — только в чрезвычайных случаях.

Немолодая сидящая медсестра, которая не подходит к пациентам, а сидит и следит за телефонами и данными на компьютерах, чуть кивает, как будто принимая назначение, и встает. Потом оглаживает мятые белые брюки и направляется к двери. Честно говоря, она — не лучший выбор для разговора с Адамом. Вот бы сказать им, что

send Nurse Ramirez, the one who reassured my grandparents (and freaked me out). She'd be able to calm him down. But this one is only going to make it worse. I follow her through the double doors where Adam and Kim are arguing with an orderly. The orderly looks at the nurse.

"I told them they're not authorized to be up here," he explains.

The nurse dismisses him with the wave of a hand.

"Can I help you, young man?" she asks Adam.

Her voice sounds irritated and impatient, like some of Dad's tenured colleagues at school who Dad says are just counting the days till retirement.

Adam clears his throat, attempting to pull himself together.

"I'd like to visit a patient," he says, gesturing toward the doors blocking him from the ICU.

"I'm afraid that's not possible," she replies.

"But my girlfriend, Mia, she's—"

"She's being well cared for," the nurse interrupts.

She sounds tired, too tired for sympathy, too tired to be moved by young love.

надо послать сестру Рамирес — ту, которая утешала моих бабушку с дедушкой (и здорово выбила меня из колеи). Она бы смогла его успокоить, но эта только все испортит. Я прохожу следом за ней через двойные двери — туда, где Ким и Адам спорят с санитаром. Тот смотрит на медсестру и объясняет:

— Я сказал, что им нельзя сюда входить.

Медсестра жестом отпускает его.

— Могу я вам помочь, молодой человек? — спрашивает она Адама.

Ее голос звучит раздраженно и нетерпеливо, как у некоторых папиных пожилых коллег по школе, которые, по его словам, только и считают дни до пенсии.

Адам откашливается, пытаясь собраться.

— Я бы хотел навестить пациентку, — говорит он, показывая на дверь, отделяющую его от палаты интенсивной терапии.

— Боюсь, это невозможно, — отвечает медсестра.

— Но моя девушка, Мия, она...

— О ней хорошо заботятся, — обрывает его медсестра.

В ее голосе звучит усталость — слишком большая, чтобы еще и сочувствовать, чтобы быть тронутой юной любовью.

“I understand that. And I’m grateful for it,” Adam says. He’s trying his best to play by her rules, to sound mature, but I hear the catch in his voice when he says: “I really need to see her.”

“I’m sorry, young man, but visitations are restricted to immediate family.”

I hear Adam gasp. Immediate family. The nurse doesn’t mean to be cruel. She’s just clueless, but Adam won’t know that. I feel the need to protect him and to protect the nurse from what he might do to her. I reach for him, on instinct, even though I cannot really touch him. But his back is to me now. His shoulders are hunched over, his legs starting to buckle.

Kim, who was hovering near the wall, is suddenly at his side, her arms encircling his falling form. With both arms locked around his waist, she turns to the nurse, her eyes blazing with fury.

“You don’t understand!” she cries.

“Do I need to call security?” the nurse asks.

Adam waves his hand, surrendering to the nurse, to Kim.

“Don’t,” he whispers to Kim.

So Kim doesn’t. Without saying another word, she hoists his arm around her shoulder and shifts his weight onto her. Adam has about a foot and fifty pounds on Kim, but after stumbling for a

— Я понимаю. И я благодарен за это, — говорит Адам. Он изо всех сил старается играть по ее правилам, говорить как взрослый, но голос его предательски дрожит. — Мне действительно очень нужно увидеть ее.

— Сожалею, молодой человек, но посещения разрешаются только членам семьи.

Я слышу, как Адам сглатывает. «Члены семьи». Жестокость медсестры ненамеренна, но Адам, возможно, этого не понимает. Мне нужно защитить его — и ее от того, что он может сделать с ней. Я инстинктивно тянусь к нему, хотя и не могу реально коснуться. Но сейчас он ко мне спиной. Его плечи ссутулились, ноги начинают подгибаться.

Ким, до сих пор жавшаяся к стене, вдруг оказывается рядом с Адамом, ее руки обвивают его обмякшее тело. Обеими руками держа его за талию, Ким оборачивается к медсестре, яростно сверкая глазами.

— Вы не понимаете! — кричит она.

— Мне вызвать охрану? — спрашивает медсестра.

Адам машет рукой, покоряясь ей и Ким.

— Не надо, — шепчет он Ким.

И Ким сдается. Не говоря ни слова, она кладет его руку себе на плечо и переносит его вес на себя. Адам сантиметров на тридцать выше и килограммов на двадцать тяжелее Ким, но, дрогнув

second, she adjusts to the added burden. She bears it.

Kim and I have this theory that almost everything in the world can be divided into two groups.

There are people who like classical music. People who like pop. There are city people. And country people. Coke drinkers. Pepsi drinkers. There are conformists and free-thinkers. Virgins and non-virgins. And there are the kind of girls who have boyfriends in high school, and the kind of girls who don't.

Kim and I had always assumed that we both belonged to the latter category.

"Not that we'll be forty-year-old virgins or anything," she reassured. "We'll just be the kinds of girls who have boyfriends in college."

That always made sense to me, seemed preferable even. Mom was the sort of girl who had had boyfriends in high school and often remarked that she wished she hadn't wasted her time.

"There's only so many times a girl wants to get drunk on Mickey's Big Mouth, go cow-tipping, and make out in back of a pickup truck. As far as the boys I dated were concerned, that amounted to a romantic evening."

Dad on the other hand, didn't really date till college. He was shy in high school, but then he started playing drums and freshman year of college joined a punk band, and boom, girlfriends. Or at least a

на секунду, она приспособливается к дополнительному весу. Она это выдержит.

У нас с Ким есть такая теория: почти все на свете можно разделить на две группы.

Есть люди, которые любят классическую музыку, и те, кто любит поп. Городские жители и деревенские. Любители колы и любители пепси. Конформисты и вольнодумцы. Девственники и недевственники. И есть девушки, у которых в старших классах появляются парни, а есть те, у кого не появляются.

Мы с Ким всегда считали, что относимся к последней категории.

«Не то чтобы мы будем сорокалетними девственницами и все такое, — уверяла она. — Мы просто будем такими девушками, у которых парень заводится в университете».

Это всегда казалось мне разумным и даже предпочтительным. Мама была из тех девушек, у кого парни появились в старших классах, и часто замечала, что только зря потратила время.

«Девчонки могут сколько угодно хотеть накачаться пивом и заняться сексом на заднем сиденье. Но с теми парнями, с которыми я встречалась, можно было рассчитывать только на романтический вечер».

Папа же, напротив, до университета не встречался с девушками по-настоящему. В старших классах он был застенчив и робок, но когда начал играть на барабанах и в первый год университе-

few of them until he met Mom, and boom, a wife. I kind of figured it would go that way for me.

So, it was a surprise to both Kim and me when I wound up in Group A, with the boyfriended girls. At first, I tried to hide it. After I came home from the Yo-Yo Ma concert, I told Kim the vaguest of details. I didn't mention the kissing. I rationalized the omission: There was no point getting all worked up about a kiss. One kiss does not a relationship make. I'd kissed boys before, and usually by the next day the kiss had evaporated like a dew-drop in the sun.

Except I knew that with Adam it was a big deal. I knew from the way the warmth flooded my whole body that night after he dropped me off at home, kissing me once more at my doorstep. By the way I stayed up until dawn hugging my pillow. By the way that I could not eat the next day, could not wipe the smile off my face. I recognized that the kiss was a door I had walked through. And I knew that I'd left Kim on the other side.

After a week, and a few more stolen kisses, I knew I had to tell Kim. We went for coffee after school. It was May but it was pouring rain as though it were November. I felt slightly suffocated by what I had to do.

та вошел в состав панк-группы — бац! — сразу нарисовалась куча подружек. По крайней мере несколько, до тех пор пока он не встретил маму и — бац! — жену. Я почему-то решила, что и со мной так будет.

Так что для меня и для Ким было сюрпризом, когда я перешла в группу номер один — девушек, у которых парень есть. Сначала я пыталась это скрывать. После концерта Йо-Йо Ма я не рассказывала Ким никаких подробностей, не упомянула о поцелуе. Я даже логически обосновала недоумолвку: нет смысла огород городить из-за поцелуя. Один поцелуй — это еще не отношения. Я целовалась с мальчиками и раньше, и обычно на следующий день поцелуй испарялся, словно капля росы на солнце.

Однако я знала, что с Адамом все иначе. Я поняла это по теплу, затопившему все мое тело тем вечером, когда он высадил меня у дома, еще раз поцеловав на ступеньках крыльца. По тому, как я до утра сжимала в объятиях подушку. По тому, что я не могла есть на следующий день и не могла согнать с лица блаженную улыбку. Я поняла, что поцелуй этот стал дверью, через которую я прошла. И знала, что оставила Ким на той стороне.

Через неделю и еще несколько поцелуев украдкой — я поняла, что Ким надо все рассказать. После школы мы пошли в кофейню. Стоял май, но дождь лил, как в ноябре. У меня чуть перехватывало горло от того, что я должна была сделать.

“I’ll buy. You want one of your froufrou drinks?” I asked.

That was another one of the categories we’d determined: people who drank plain coffee and people who drank gussied-up caffeine drinks like the mint-chip lattes Kim was so fond of.

“I think I’ll try the cinnamon-spice chai latte,” she said, giving me a stern look that said, I will not be ashamed of my beverage selection.

I bought us our drinks and a piece of marionberry pie with two forks. I sat down across from Kim, running the fork along the scalloped edge of the flaky crust.

“I have something to tell you,” I said.

“Something about having a boyfriend?” Kim’s voice was amused, but even though I was looking down, I could tell that she’d rolled her eyes.

“How’d you know?” I asked, meeting her gaze.

She rolled her eyes again.

“Please. Everyone knows. It’s the hottest gossip this side of Melanie Farrow dropping out to have a baby. It’s like a Democratic presidential candidate marrying a Republican presidential candidate.”

“Who said anything about marrying?”

“I’m just being metaphoric,” Kim said. “Anyhow, I know. I knew even before you knew.”

— Я угощаю. Ты опять будешь какой-нибудь затейливый коктейль? — спросила я.

Это была еще одна категория, выделенная нами: есть люди, пьющие простой кофе, и те, кто предпочитает сложные кофеиновые напитки вроде мятного латте, который так нравился Ким.

— Думаю, попробую латте с корицей и кардамоном, — ответила она, адресуя мне суровый взгляд, говорящий: «И мне не стыдно за мой выбор».

Я купила нам напитки и кусок пирога с ежевикой, захватив две вилки. Потом села напротив Ким и провела вилок по зубчатому краю слоеной корочки.

— Я хочу тебе кое-что рассказать, — начала я.

— Насчет того, что у тебя появился парень? — Голос Ким звучал весело, но я знала, даже глядя вниз, что она закатила глаза.

— Как ты узнала? — спросила я, встречаясь с ней взглядом.

Она снова закатила глаза.

— Да ладно, все знают. Это самая горячая сплетня после Мелани Фарроу, которая собирается бросить школу и родить ребенка. Почти как если бы кандидат от демократов женился на республиканской кандидатке.

— Кто говорил про женитьбу?

— Это просто метафора, — сказала Ким. — В любом случае, я знаю. И знала даже до того, как ты это поняла.

“Bullshit.”

“Come on. A guy like Adam going to a Yo-Yo Ma concert? He was buttering you up.”

“It’s not like that,” I said, though of course, it was totally like that.

“I just don’t see why you couldn’t tell me sooner,” she said in a quiet voice.

I was about to give her my whole one-kiss-not-equaling-a-relationship spiel and to explain that I didn’t want to blow it out of proportion, but I stopped myself.

“I was afraid you’d be mad at me,” I admitted.

“I’m not,” Kim said. “But I will be if you ever lie to me again.”

“Okay,” I said.

“Or if you turn into one of those girlfriends, always ponying around after her boyfriend, and speaking in the first-person plural. ‘We love the winter. We think Velvet Underground is seminal.’”

“You know I wouldn’t rock-talk to you. First-person singular or plural. I promise.”

“Good,” Kim replied. “Because if you turn into one of those girls, I’ll shoot you.”

“If I turn into one of those girls, I’ll hand you the gun.”

Kim laughed for real at that, and the tension was broken. She popped a hunk of pie into her mouth.

— Врешь ты все.

— Ничутьточки. Такой парень, как Адам, собирается на концерт Йо-Йо Ма? Он тебя обхаживал.

— Да все не так, — запротестовала я, хотя, конечно же, все было именно так.

— Я только не понимаю, почему ты мне раньше не сказала, — понизила голос Ким.

Я собиралась выдать ей всю свою заготовку про «один-поцелуй-еще-не-отношения» и объяснить, что не хотела делать из мухи слона, но во время прикусила язык.

— Я боялась, что ты будешь на меня злиться, — призналась я.

— Я не злюсь, — сказала Ким. — Но разозлюсь, если ты еще хоть раз мне соврешь.

— Тогда ладно, — облегченно вздохнула я.

— Или если ты превратишься в одну из тех девиц, которые повсюду таскаются за своим парнем и говорят о себе во множественном числе: «Мы любим зиму. Мы считаем, что «Велвет андеграунд» — эпохальный проект».

— Знаешь, я обещаю не говорить с тобой о рок-е. В единственном числе или нет — но обещаю.

— Отлично, — ответила Ким. — Потому что, если ты вдруг превратишься в такое, я тебя пристрелю.

— Если я превращусь в такое, я сама вручу тебе ружье.

Это рассмешило Ким по-настоящему, и напряжение развеялось. Она сунула в рот кусок пирога.

“How did your parents take it?”

“Dad went through the five phases of grieving — denial, anger, acceptance, whatever — in like one day. I think he’s more freaked out that he is old enough to have a daughter who has a boyfriend.” I paused, took a sip of my coffee, letting the word boyfriend rest out in the air. “And he claims he can’t believe that I’m dating a musician.”

“You’re a musician,” Kim reminded me.

“You know, a punk, pop musician.”

“Shooting Star is emo-core,” Kim corrected.

Unlike me, she cared about the myriad pop musical distinctions: punk, indie, alternative, hardcore, emo-core.

“It’s mostly hot air, you know, part of his whole bow-tie-Dad thing. I think Dad likes Adam. He met him when he picked me up for the concert. Now he wants me to bring him over for dinner, but it’s only been a week. I’m not quite ready for a meet-the-folks moment yet.”

“I don’t think I’ll ever be ready for that.” Kim shuddered at the thought of it. “What about your mom?”

— И как твои родители восприняли это?

— Папа прошел через все пять стадий горя: отрицание, злость, принятие и все такое — за один день. Думаю, его больше шокирует, что он уже настолько стар, чтобы у его дочери завелся бойфренд. — Я помолчала, отхлебнув глоток кофе и оставив слово «бойфренд» висеть в воздухе. — И он заявляет, что не может поверить, будто я встречаюсь с музыкантом.

— Но ты же сама музыкант, — напомнила мне Ким.

— Ну, ты ж понимаешь, с панком, поп-музыкантом.

— «Звездопад» — это не панк, это эмо-кор, — поправила Ким.

В отличие от меня она прекрасно разбиралась в мириадах направлений поп-музыки: панке, инди, альтернативе, хардкоре, эмо-коре.

— В основном это, конечно, пустая болтовня, часть его образа «папы-консерватора в галстук-бабочке». Мне кажется, Адам папе нравится. Они встретились, когда Адам забирал меня на концерт. Теперь папа хочет, чтобы я привела его на ужин, но ведь всего неделя прошла. Я не совсем готова к торжественному моменту знакомства с родственниками.

— Думаю, я никогда не буду к этому готова. — Ким содрогнулась от одной мысли. — А что твоя мама?

“She offered to take me to Planned Parenthood to get the Pill and told me to make Adam get tested for various diseases. In the meantime, she ordered me to buy condoms now. She even gave me ten bucks to start my supply.”

“Have you?” Kim gasped.

“No, it’s only been a week,” I said. “We’re still in the same group on that one.”

“For now,” Kim said.

One other category that Kim and I devised was people who tried to be cool and people who did not. On this one, I thought that Adam, Kim, and I were in the same column, because even though Adam was cool, he didn’t try. It was effortless for him. So, I expected the three of us to become the best of friends. I expected Adam to love everyone I loved as much as I did.

And it did work out like that with my family. He practically became the third kid. But it never clicked with Kim. Adam treated her the way that I’d always imagined he would treat a girl like me. He was nice enough — polite, friendly, but distant. He didn’t attempt to enter her world or gain her confidence. I suspected he thought she wasn’t cool enough and it made me mad. After we’d been together about three months, we had a huge fight about it.

— Она предложила отвезти меня в «Планирование семьи», чтобы мне подобрали таблетки, и велела отправить Адама провериться на всякие болезни. А пока посоветовала сразу запастись презервативами. И даже дала десять баксов, чтобы создать резерв.

— Ты уже? — задохнулась Ким.

— Да нет же, всего неделя прошла, — отмахнулась я. — В этом мы по-прежнему в одной группе.

— Это пока, — заметила Ким.

В еще одну категорию, придуманную нами, входили люди, которые старались быть крутыми, и те, кто не старался. Тут я полагала, что Адам, Ким и я сама относимся к одной группе, потому что хотя Адам и был крут, он не старался. От него это не требовало никаких усилий. Так что я ожидала, что мы трое станем лучшими друзьями. Я ожидала, что Адам будет любить всех, кого люблю я, так же сильно, как я.

Так уже получилось с моей семьей — он практически стал третьим ребенком. Но с Ким это не срабатывало. Адам относился к ней так, как, по моим представлениям, стал бы относиться к такой девушке, как я. Он был вежлив, дружелюбен, но вел себя отстраненно. Он не пытался войти в ее мир или завоевать ее доверие. Я подозревала, что Адам не считал Ким достаточно крутой, и это меня бесило. После того как мы пробыли

“I’m not dating Kim. I’m dating you,” he said, after I accused him of not being nice enough to her.

“So what? You have lots of female friends. Why not add her to the stable?”

Adam shrugged.

“I don’t know. It’s just not there.”

“You’re such a snob!” I said, suddenly furious.

Adam eyed me with furrowed brows, like I was a math problem on the blackboard that he was trying to figure out.

“How does that make me a snob? You can’t force friendship. We just don’t have a lot in common.”

“That’s what makes you a snob! You only like people like you,” I cried.

I stormed out, expecting him to follow after me, begging forgiveness, and when he didn’t, my fury doubled. I rode my bike over to Kim’s house to vent. She listened to my diatribe, her expression purposefully blasé.

“That’s just ridiculous that he only likes people like him,” she scolded when I’d finished spewing. “He likes you, and you’re not like him.”

вместе месяца три, между нами случилась нешуточная ссора по этому поводу.

— Я же встречаюсь не с Ким. Я встречаюсь с тобой, — сказал он, когда я обвинила его в том, что он недостаточно любезен с ней.

— Так и что? У тебя куча друзей среди девушек. Почему не присоединить к этому кругу Ким?

Адам пожал плечами.

— Да не знаю, просто она другая.

— Ты такой сноб! — заявила я, внезапно разъярившись.

Адам уставился на меня, нахмутив брови, как будто я была математической задачей на доске, которую он пытался решить.

— При чем тут сноб? Ведь нельзя же подружиться насильно. У нас с ней просто мало общего.

— Вот это и делает тебя снобом! Ты любишь только тех, кто похож на тебя, — выкрикнула я.

Я разбушевалась, ожидая, что он присоединится к игре, вымаливая прощение, а когда он этого не сделал, моя ярость удвоилась. Чтобы проветриться, я поехала на велосипеде к Ким. Она выслушала мою диатрибу с нарочито скептическим выражением лица.

— Это же просто смешно — говорить, будто ему нравятся только те люди, которые похожи на него, — выговорила она мне, когда я закончила выплескивать злость. — Ему нравишься ты, а ты на него не похожа.

“That’s the problem,” I mumbled.

“Well, then deal with that. Don’t drag me into your drama,” she said. “Besides, I don’t really click with him, either.”

“You don’t?”

“No, Mia. Not everyone swoons for Adam.”

“I didn’t mean it like that. It’s just that I want you guys to be friends.”

“Yeah, well, I want to live in New York City and have normal parents. As the man said, ‘You can’t always get what you want.’”

“But you’re two of the most important people in my life.”

Kim looked at my red and teary face and her expression softened into a gentle smile.

“We know that, Mia. But we’re from different parts of your life, just like music and me are from different parts of your life. And that’s fine. You don’t have to choose one or the other, at least not as far as I’m concerned.”

“But I want those parts of my life to come together.”

Kim shook her head.

“It doesn’t work that way. Look, I accept Adam because you love him. And I assume he accepts me because you love me. If it makes you feel any better, your love binds us. And that’s enough. Me and him don’t have to love each other.”

— В этом-то и проблема, — буркнула я.

— Что ж, тогда решай ее. Не втягивай меня в свою драму, — заявила подруга. — Да и если честно, я от него не в восторге.

— Правда?

— Да, Мия. Не все без ума от Адама.

— Я ничего такого и не имела в виду. Просто хочу, чтобы вы подружились.

— Ага, ну а я хочу жить в Нью-Йорке и иметь нормальных родителей. Как сказал тот парень, «не всегда получаешь то, что хочешь».

— Но вы оба очень важны для меня.

Ким посмотрела на мое красное заплаканное лицо и, смягчившись, ласково улыбнулась.

— Мы знаем это, Мия. Но мы из разных частей твоей жизни, точно так же, как музыка и я — из разных. И это нормально. Тебе не обязательно выбирать кого-то одного — по крайней мере, мне так кажется.

— Но я хочу, чтобы эти части моей жизни соединились.

Ким покачала головой.

— Так не получится. Послушай, я принимаю Адама, потому что ты его любишь. И полагаю, он принимает меня, потому что ты любишь меня. Если тебе легче от этой мысли, твоя любовь — вот что связывает нас. И этого достаточно. Нам с ним не обязательно любить друг друга.

“But I want you to,” I wailed.

“Mia,” Kim said, an edge of warning in her voice signaling the end of her patience. “You’re starting to act like one of those girls. Do you need to get me a gun?”

Later that night, I stopped by Adam’s house to say I was sorry. He accepted my apology with a bemused kiss on the nose. And then nothing changed. He and Kim remained cordial but distant, no matter how much I tried to sell them on each other. The funny thing was, I never really bought into Kim’s notion that they were somehow bound together through me — until just now when I saw her half carrying him down the hospital corridor.

8:12 P.M.

I watch Kim and Adam disappear down the hall. I mean to follow them but I’m glued to the linoleum, unable to move my phantom legs. It’s only after they disappear around a corner that I rouse myself and trail after them, but they’ve already gone inside the elevator.

By now I’ve figured out that I don’t have any supernatural abilities. I can’t float through walls or dive down stairwells. I can only do the things I’d be able to do in real life, except that apparently what I do in my world is invisible to everyone else. At

— Но я хочу, чтобы вы любили, — прорыдала я.

— Мия. — Резкая нота предупреждения в голосе Ким указывала, что конец ее терпения близок. — Ты начинаешь вести себя как те девицы. Хочешь поискать мне ружье?

Тем же вечером я заехала к Адаму, чтобы извиниться. Он принял мои извинения, рассеянно поцеловав меня в нос. И ничего не изменилось. Они с Ким продолжили вести себя дружелюбно, но отстраненно, как бы я ни пыталась подружить их. Забавно, что я никогда не верила в сентенцию Ким о том, что они неким образом связаны через меня, — до этого самого момента, когда увидела ее, почти несущую Адама по больничному коридору.

20:12

Ким и Адам уходят по коридору. Я хочу пойти за ними, но не могу сдвинуться с места, мои призрачные ноги словно прилипли к линолеуму. Только после того, как они исчезают за углом, я встряхиваюсь и плетусь за ними, однако они уже скрылись в лифте.

К этому времени я поняла, что у меня нет никаких сверхъестественных способностей. Я не могу проходить сквозь стены и прыгать в лестничные пролеты. Могу делать только то, что могла бы и в реальной жизни, — правда, дру-

least that seems to be the case because no one looks twice when I open doors or hit the elevator button. I can touch things, even manipulate door handles and the like, but I can't really feel anything or anybody. It's like I'm experiencing everything through a fish-bowl. It doesn't really make sense to me, but then again, nothing that's happening today makes much sense.

I assume that Kim and Adam are headed to the waiting room to join the vigil, but when I get there, my family is not there. There's a stack of coats and sweaters on the chairs and I recognize my cousin Heather's bright orange down jacket. She lives in the country and likes to hike in the woods, so she says that the neon colors are necessary to keep drunk hunters from mistaking her for a bear.

I look at the clock on the wall. It could be dinnertime. I wander back down the halls to the cafeteria, which has the same fried-food, boiled-vegetable stench as cafeterias everywhere. Unappetizing smell aside, it's full of people. The tables are crammed with doctors and nurses and nervous-looking medical students in short white jackets and stethoscopes so shiny that they look like toys. They are all chowing down on cardboard pizza and

гие люди этого не видят. По крайней мере, мне так кажется, потому что никто не замечает, как я открываю двери или нажимаю кнопку лифта. Я могу дотрагиваться до вещей, могу даже поворачивать дверные ручки, но по-настоящему чувствовать прикосновение к чему-либо или к кому-либо не могу. Как будто взаимодействую с миром из аквариума. Целиком это никак не укладывается у меня в голове — как, впрочем, ничто из событий сегодняшнего дня.

Я решаю, что Ким с Адамом направляются в комнату ожидания, чтобы присоединиться к семейному бдению, но когда добираюсь туда, моих родственников там не застаю. На креслах лежит груда пальто, курток и свитеров; я узнаю яркий оранжевый пуховик кухни Хедер. Она живет в глуши и любит бродить по лесам — а там, по ее словам, кислотные цвета необходимы, чтобы пьяные охотнички случайно не приняли тебя за медведя.

Я смотрю на стенные часы. Похоже, сейчас время ужина. Я снова бреду по коридорам — к столовой, так же воняющей чем-то жареным и варено-овощным, как и любая другая. Несмотря на неаппетитные запахи, столовая забита людьми. Столики заняты врачами, медсестрами и нервными студентами-медиками в коротких белых халатах, с блестящими, словно игрушечными, стетоскопами. Все они поглощают кар-

freeze-dried mashed potatoes. It takes me a while to locate my family, huddled around a table. Gran is chatting to Heather. Gramps is paying careful attention to his turkey sandwich.

Aunt Kate and Aunt Diane are in the corner, whispering about something.

“Some cuts and bruises. He was already released from the hospital,” Aunt Kate is saying,

and for a second I think she’s talking about Teddy and am so excited I could cry. But then I hear her say something about there being no alcohol in his system, how our car just swerved into his lane and some guy named Mr. Dunlap says he didn’t have time to stop, and then I realize it’s not Teddy they’re talking about; it’s the other driver.

“The police said it was probably the snow, or a deer that caused them to swerve,” Aunt Kate continues. “And apparently, this lopsided outcome is fairly common. One party is just fine and the other suffers catastrophic injuries...” She trails off.

I don’t know that I’d call Mr. Dunlap “just fine,” no matter how superficial his injuries. I think about what it must be like to be him, to wake up one Tuesday morning and get into your truck to head off to work at the mill or maybe to the feed-supply store or maybe to Loretta’s Diner to have eggs over easy. Mr. Dunlap, who was maybe perfectly hap-

тонную пиццу и сублимированное картофельное пюре. Я не сразу замечаю свою семью, сгрудившуюся вокруг столика. Бабушка болтает с Хедер, дедушка сосредоточенно жует сэндвич с индейкой.

Тетя Кейт и тетя Диана сидят в углу и о чем-то шепчутся.

— Несколько царапин и синяков. Его уже выпустили из больницы, — говорит тетя Кейт.

Целую секунду я думаю, будто она говорит о Тедди, и прихожу в такой восторг, что чуть не плачу. Но, услышав об отсутствии алкоголя в его организме, о том, как нашу машину вдруг вынесло на его полосу и что некто по имени мистер Дунлап говорит, будто у него не было времени остановиться, я понимаю: они говорят не о Тедди — речь идет о другом водителе.

— Полиция сказала, это случилось из-за снега или олень заставил их вильнуть, — продолжает тетя Кейт. — И очевидно, такой неравный итог — вполне обычное дело. У одной стороны все прекрасно, а у второй чудовищные травмы... — Она умолкает.

Вряд ли с мистером Дунлапом «все прекрасно», какими бы легкими ни оказались его ранения. Я пытаюсь представить себя на его месте: вот он проснулся во вторник утром, сел в свой грузовик, чтобы отправиться на работу, или на заправку, или в закусочную «У Лоретты», где обычно заказывал яичницу, обжаренную с двух

py or perfectly miserable, married with kids or a bachelor. But whatever and whoever he was early this morning, he isn't that person any longer. His life has changed irrevocably, too. If what my aunt says is true, and the crash wasn't his fault, then he was what Kim would call "a poor schmuck," in the wrong place at the wrong time. And because of his bad luck and because he was in his truck, driving eastbound on Route 27 this morning, two kids are now parentless and at least one of them is in grave condition.

How do you live with that? For a second, I have a fantasy of getting better and getting out of here and going to Mr. Dunlap's house, to relieve him of his burden, to reassure him that it's not his fault. Maybe we'd become friends.

Of course, it probably wouldn't work like that. It would be awkward and sad. Besides, I still have no idea what I will decide, still have no clue how I would determine to stay or not stay in the first place. Until I figure that out, I have to leave things up to the fates, or to the doctors, or whoever decides these matters when the decider is too confused to choose between the elevator and the stairs.

сторон. Возможно, мистер Дунлап был совершенно счастлив или абсолютно несчастен, жил с женой и детьми или по-холостяцки. Но кем и каким бы он ни проснулся этим ранним утром, он уже никогда не будет прежним. Его жизнь тоже безвозвратно изменилась. Если то, что говорит моя тетя, правда и авария случилась не по его вине, тогда он — «невезучий болванчик», как сказала бы Ким, и оказался не в то время не в том месте. Из-за его невезучести и из-за того, что он на своем грузовике направлялся сегодня утром на восток по трассе двадцать семь, двое детей остались без родителей и по меньшей мере один из них в тяжелом состоянии.

Как жить с этим? На секунду я вообразила, как выздоравливаю, выбираюсь отсюда и приезжаю в дом мистера Дунлапа, чтобы облегчить его ношу, уверить бедолагу, что это не его вина. Возможно, мы бы даже подружились.

Конечно, на самом деле все вряд ли получилось бы так. Нам было бы неловко и печально. Кроме того, я до сих пор понятия не имею, что решу, а главное, по-прежнему не представляю, как можно выбрать, оставаться или нет. Пока я этого не определю, мне придется положиться на судьбу, или на врачей, или на тех, кто ведает такими вопросами, когда сам решающий слишком растерян, чтобы выбрать между лифтом и лестницей.

I need Adam. I take a final look for him and Kim but they're not here, so I head back upstairs to the ICU.

I find them hiding out on the trauma floor, several halls away from the ICU. They're trying to look casual as they test out the doors to various supply closets. When they finally find an unlocked one, they sneak inside. They fumble around in the dark for a light switch. I hate to break it to them, but it's actually back out in the hall.

"I'm not sure this kind of thing works outside of the movies," Kim tells Adam as she feels along the wall.

"Every fiction has its base in fact," he tells her.

"You don't really look like the doctor type," she says.

"I was hoping for orderly. Or maybe janitor."

"Why would a janitor be in the ICU?" Kim asks.

She's a stickler for these kinds of details.

"Broken lightbulb. I don't know. It's all in how you pull it off."

"I still don't understand why you don't just go to her family?" asks Kim, pragmatic as ever. "I'm

Мне нужен Адам. Я бросаю последний взгляд, надеясь увидеть его и Ким, но их здесь нет, так что я направляюсь вверх по лестнице, обратно в палату.

Я нахожу их на этаже травматологии, за парой коридоров от своей палаты. Адам и Ким, стараясь выглядеть естественно и непринужденно, проверяют двери всевозможных кладовых. Обнаружив наконец незапертую, они пробираются внутрь и топчутся там в темноте, ища выключатель. Мне очень не хочется их огорчать, но на самом деле он снаружи, в коридоре.

— Такие номера проходят только в кино, — говорит Ким Адаму, шаря рукой по стене.

— Все выдумки основаны на фактах, — отвечает он.

— Ты совсем не похож на врача.

— Я собирался притвориться санитаром. Или уборщиком.

— Зачем бы уборщику заходить в палату интенсивной терапии? — спрашивает Ким.

Она ужасно придирчива к такого рода деталям.

— Лампочка перегорела. Не знаю. Все дело в том, как это проверить.

— Я все равно не понимаю, почему бы тебе просто не пойти к ее родным? — спрашивает

sure her grandparents could explain, could get you in to see Mia.”

Adam shakes his head.

“You know, when the nurse threatened to call security, my first thought was ‘I’ll just call Mia’s parents to fix this.’” Adam stops, takes a few breaths. “It just keeps walloping me over and over, and it’s like it’s the first time every time,” he says in a husky voice.

“I know,” Kim replies in a whisper.

“Anyhow,” Adam says, resuming his search for the light switch, “I can’t go to her grandparents. I can’t add anything more to their burden. This is something I have to do for myself.”

I’m sure my grandparents would actually be happy to help Adam. They’ve met him a bunch of times, and they like him a lot. On Christmas, Gran is always sure to make maple fudge for him because he once mentioned how much he liked it.

But I also know that sometimes Adam needs to do things the dramatic way. He is fond of the Grand Gesture. Like saving up two weeks of pizza-delivery tips to take me to Yo-Yo Ma instead of just asking me out on a regular date. Like decorating my windowsill with flowers every day for a week when I was contagious with the chicken pox.

прагматичная Ким. — Наверняка ее бабушка с дедушкой смогут все объяснить и провести тебя к Мие.

Адам качает головой.

— Знаешь, когда медсестра угрожала вызвать охрану, моей первой мыслью было: «Надо позвать родителей Мии уладить это». — Адам замолкает и делает несколько глубоких вдохов. — Это просто обрушивается на меня снова и снова, и каждый раз как первый, — говорит он охрипшим голосом.

— Я понимаю, — шепотом отвечает Ким.

— В любом случае, — продолжает Адам, возобновляя поиски выключателя, — я не могу пойти к ее бабушке и дедушке. Я не могу еще больше утяжелять их ношу. Я должен сделать это сам.

Я уверена, что бабушка с дедушкой были бы счастливы помочь Адаму. Они много раз встречались с ним, и он им очень нравится. На Рождество бабушка всегда старается приготовить для него сливочную помадку с кленовым сиропом, потому что Адам как-то упомянул, что очень ее любит.

Но я также знаю, что иногда Адаму просто необходимо сделать что-то эффектное. Он обожает яркие жесты. К примеру, две недели копить деньги с чаевых за развозку пиццы, чтобы повести меня на концерт Йо-Йо Ма, вместо того чтобы просто предложить встретиться. Или целую неделю украшать мой подоконник цветами, когда я заразилась ветрянкой.

Now I can see that Adam is concentrating on the new task at hand. I'm not sure what exactly he has in mind, but whatever the plan, I'm grateful for it, if only because it's pulled him out of his emotional stupor I saw in the hallway outside the ICU. I've seen him get like this before, when he's writing a new song or is trying to convince me to do something I won't want to do — like go camping with him — and nothing, not a meteorite crashing into the planet, not even a girlfriend in the ICU, can dissuade him.

Besides, it's the girlfriend in the ICU that's necessitating Adam's ruse to begin with. And from what I can guess, it's the oldest hospital trick in the book, taken straight from that movie *The Fugitive*, which Mom and I recently watched on TNT. I have my doubts about it. So does Kim.

"Don't you think that nurse might recognize you?" Kim asks. "You did yell at her."

"She won't have to recognize me if she doesn't see me. Now I get why you and Mia are such peas in a pod. A pair of Cassandras."

Adam has never met Mrs. Schein, so he doesn't get that implying that Kim is a worrywart is fighting words. Kim scowls, but then I can see her give in.

"Maybe this retarded plan of yours would work better if we could actually see what we're doing."

Теперь Адам сосредоточился на новой идее. Я не знаю, какой у него план, да это и не важно — главное, чтобы он вышел из того ужасного оцепенения, в которое погрузился за дверью моей палаты полчаса назад. Мне уже знакома эта его сосредоточенность. Таким он обычно становится, когда сочиняет новую песню или пытается убедить меня сделать то, чего я не хочу. Например, пойти с ним в палаточный поход. В такие минуты может происходить что угодно — пусть даже метеорит упадет на землю, Адам не откажется от своей затеи.

Насколько я могу судить, планирует он старейший больничный трюк, заимствованный из фильма «Беглец», который мы недавно смотрели с мамой. Мне этот план кажется сомнительным, Ким тоже.

— Ты не думаешь, что медсестра может узнать тебя? — спрашивает Ким. — Ты же на нее наорал.

— Она не сможет меня узнать, если не увидит. Теперь я понимаю, почему вы с Мией неразлейвода. Парочка Кассандр.

Адам никогда не встречался с миссис Шейн и не понимает, что намеки на мнительность Ким — повод для ссоры. Ким сердито хмурится, но потом, видимо, сдается.

— Может, этот твой дебильный план сработает лучше, если мы хотя бы будем видеть, что делаем.

She fumbles around in her bag and pulls out the cell phone her mother made her start carrying when she was ten — child LoJack, Kim called it — and turned on the monitor. A square of light softens the darkness.

“Now, that’s more like the brilliant girl Mia brags about,” Adam says. He turns on his own cell phone and now the room is illuminated by a dull glow.

Unfortunately, the glow shows that the tiny broom closet is full of brooms, a bucket, and a pair of mops, but is lacking any of the disguises that Adam was hoping for. If I could, I would inform them that the hospital has locker rooms, where the doctors and nurses can stow their street clothes and where they change into their scrubs or their lab coats. The only generic hospital garb sitting around are those embarrassing gowns that they put the patients in. Adam probably could throw on a gown and cruise the hallways in a wheelchair with no one the wiser, but such a getup would still not get him into the ICU.

“Shit,” Adam says.

“We can keep trying,” Kim says, suddenly the cheer-leader. “There are like ten floors in this place. I’m sure there are other unlocked closets.”

Adam sinks to the floor.

“Nah. You’re right. This is stupid. We need to come up with a better plan.”

Она роется в сумке, вытаскивает мобильник, который мама всучила ей лет в десять — Ким называет его «детская противоугонная сигнализация», — и включает экран. Квадрат света чуть рассеивает темноту.

— Вот это уже больше похоже на умницу, которую нахваливает Мия, — говорит Адам и включает собственный телефон. Теперь комната тускло освещена.

Увы, свет озаряет ворох веников, ведро и пару швабр, но здесь нет никакой одежды, на которую надеялся Адам. Если бы я могла, то сообщила бы им, что в больнице есть комнаты со шкафчиками, где врачи и медсестры оставляют уличную одежду и переодеваются в медицинскую форму или лабораторные халаты. Единственный общепольничный наряд, какой можно найти, — это те самые сомнительного вида сорочки, в которые тут облачают пациентов. Адам, пожалуй, мог бы нацепить такую и неузнанным проехать по коридорам в кресле-каталке, но вряд ли подобная уловка поможет ему попасть в мою палату.

— Вот черт, — вздыхает Адам.

— Мы можем попробовать еще, — вдруг решает поддержать его Ким. — Здесь не меньше десяти этажей. Наверняка есть другие незапертые кладовые.

Адам садится на пол.

— Нет, ты права. Это глупо. Нужно придумать план получше.

“You could fake a drug overdose or something so you wind up in the ICU,” Kim says.

“This is Portland. You’re lucky if a drug overdose gets you into the ER,” Adam replies. “No, I was thinking more like a distraction. You know, like making the fire alarm go off so the nurses all come running out.”

“Do you really think sprinklers and panicked nurses are good for Mia?” Kim asks.

“Well, not that exactly, but something so that they all look away for half a second and I stealthily sneak in.”

“They’ll find you out right away. They’ll throw you out on your backside.”

“I don’t care,” Adam responds. “I only need a second.”

“Why? I mean what can you do in a second?”

Adam pauses for a second. His eyes, which are normally a kind of mutt’s mixture of gray and brown and green, have gone dark.

“So I can show her that I’m here. That someone’s still here.”

Kim doesn’t ask any more questions after that. They sit there in silence, each lost in their own thoughts, and it reminds me of how Adam and I can be together but quiet and separate and I real-

— Ты мог бы изобразить передозировку наркотиков или что-нибудь еще, чтобы тебя поместили в реанимацию, — предлагает Ким.

— Это же Портленд. Тут здорово повезет, если с передозом хотя бы отвезут в пункт первой помощи, — возражает Адам. — Нет, я теперь думаю об отвлекающем маневре. Ну, устроить что-нибудь типа пожарной тревоги, чтобы все медсестры выбежали оттуда.

— Ты действительно думаешь, что огнетушители и паника среди медсестер принесут Мие пользу? — спрашивает Ким.

— Ну, не тревогу, но что-то такое, чтобы все отвернулись на полсекунды, а я бы тихонько просочился внутрь.

— Тебя тут же обнаружат. И выкинут пинком под зад.

— Не важно, — отвечает Адам. — Мне бы всего секундочку.

— Зачем? В смысле, что ты сможешь сделать за одну секунду?

Адам на мгновение умолкает. Его глаза, обычно серо-буро-зеленые, темнеют.

— Так я смогу показать ей, что я здесь. Что хоть кто-то еще здесь.

После этого Ким больше не задает вопросов. Они сидят в темноте, каждый погружен в свои мысли, и я вспоминаю, как мы с Адамом тоже можем не говорить ни слова, но прекрасно чув-

ize that they're friends now, friends for real. No matter what happens, at least I have achieved that.

After about five minutes, Adam knocks on his forehead.

"Of course," he says.

"What?"

"Time to activate the Bat Signal."

"Huh?"

"Come on. I'll show you."

When I first started playing the cello, Dad was still playing drums in his band, though that all started to taper off a couple years later when Teddy arrived. But right from the get-go, I could see that there was something different about playing my kind of music, something more than my parents' obvious bewilderment with my classical tastes. My music was solitary. I mean Dad might hammer on his drums for a few hours by himself or write songs alone at the kitchen table, plinking out the notes on his beat-up acoustic guitar, but he always said that songs really got written as you played them. That was what made it so interesting.

When I played, it was most often by myself, in my room. Even when I practiced with the rotating college students, other than during lessons, I still usually played solo. And when I gave a concert or recital, it was alone, on a stage, my cello, myself, and an audience. And unlike Dad's shows, where

ствовать друг друга. Я понимаю, что теперь они друзья, настоящие друзья. Что бы ни случилось дальше, по крайней мере этого я добилась.

Минут через пять Адам стучит себя по лбу.

— Ну конечно, — говорит он.

— Что?

— Пора послать сигнал Бэтмену.

— Чего?

— Пойдем. Я тебе покажу.

Когда я только начала играть на виолончели, папа еще барабанил в своей группе, хотя через пару лет после рождения Тедди все реже и реже. Но с самого начала я поняла: расхождения между классической музыкой и прочей не исчерпываются явным недоумением родителей по поводу моих музыкальных вкусов; есть отличия и в исполнении. Моя музыка игралась сольно. То есть папа, конечно, мог часами самостоятельно лупить по своей установке или писать в одиночку песни за кухонным столом, брэнча мотив на потрепанной гитарке, но он всегда говорил, что песни по-настоящему рождаются, когда их играют. В этом-то главный интерес.

Но я в основном играла в одиночку в своей комнате. Даже когда я занималась с постоянно сменяющимися друг друга университетскими студентами, вне уроков я все равно играла одна. И когда я давала сольный концерт или выступала в смешанной программе, то тоже выходила к публике

enthusiastic fans jumped the stage and then dive-bombed into the crowd, there was always a wall between the audience and me. After a while playing like this got lonely. It also got kind of boring.

So in the spring of eighth grade I decided to quit. I planned to trail off quietly, by cutting back my obsessive practices, not giving recitals. I figured that if I laid off gradually, by the time I entered high school in the fall, I could start fresh, no longer be known as “the cellist.” Maybe then I’d pick up a new instrument, guitar or bass, or even drums. Plus, with Mom too busy with Teddy to notice the length of my cello practice, and Dad swamped with lesson plans and grading papers at his new teaching job, I figured nobody would even realize that I’d stopped playing until it was already a done deal. At least that’s what I told myself. The truth was, I could no sooner quit cello cold turkey than I could stop breathing.

I might have quit for real, were it not for Kim. One afternoon, I invited her to go downtown with me after school.

“It’s a weekday. Don’t you have practice?” she asked as she twisted the combination on her locker.

в одиночку — только с виолончелью. И в отличие от папиных концертов, где восторженные поклонники запрыгивали на сцену и рыбкай ныряли в толпу, между мной и публикой всегда была стена. Через некоторое время мне стало одиноко и грустно так играть — и я немного заскучала.

Так что весной восьмого класса я решила все это бросить. Уходить я собиралась потихоньку: сокращать свои бесконечные занятия, не давать сольных концертов. Я рассчитала, что если буду бросать постепенно, то к осени, когда пойду в старшие классы, смогу начать новую жизнь, и меня больше не будут звать «виолончелисткой». Может быть, я бы выбрала тогда новый инструмент — гитару, бас или даже барабаны. К тому же мама была слишком занята с Тедди, чтобы отмечать продолжительность моих занятий, а папа корпел над планами уроков и составлял отчетность по успеваемости на своей новой учительской работе. Так что мне казалось, никто даже не поймет, что я перестала заниматься, пока дело уже не будет сделано. По крайней мере, так я убеждала себя. Но правда заключалась в том, что бросить виолончель для меня было все равно что перестать дышать.

Возможно, я и в самом деле бросила бы, если бы не Ким. Однажды днем я пригласила ее поехать в центр города после школы.

— Сегодня же будний день. Разве тебе не нужно заниматься? — спросила она, набирая цифровую комбинацию на своем шкафчике.

"I can skip it today," I said, pretending to search for my earth-science book.

"Have the pod people stolen Mia? First no recitals. And now you're skipping out on practice. What's going on?"

"I don't know," I said, tapping my fingers against the locker. "I'm thinking of trying a new instrument. Like drums. Dad's kit is down in the basement gathering dust."

"Yeah, right. You on drums. That's rich," Kim said with a chuckle.

"I'm serious."

Kim had looked at me, her mouth agape, like I'd just told her I planned on sautéing up a platter of slugs for dinner.

"You can't quit cello," she said after a moment of stunned silence.

"Why not?"

She looked pained as she tried to explain.

"I don't know but it just seems like your cello is part of who you are. I can't imagine you without that thing between your legs."

"It's stupid. I can't even play in the school marching band. I mean, who plays the cello anyhow? A bunch of old people. It's a dumb instrument for a girl to play. It's so dorky. And I want to have more free time, to do fun stuff."

"What kind of 'fun stuff'?" Kim challenged.

— Я сегодня могу пропустить, — ответила я, притворяясь, что ищу учебник по землеведению.

— Неужто Мию похитили инопланетяне из стручка? Сначала никаких концертов. А теперь пропускаешь занятия. Что происходит?

— Не знаю, — сказала я, постукивая пальцами по шкафчику. — Я думаю попробовать какой-нибудь новый инструмент. Например, барабаны. Папина установка до сих пор пылится в подвале.

— Ну да, ты — на барабанах. Не смейся, — ухмыльнулась Ким.

— Я серьезно.

Ким уставилась на меня с открытым ртом, как будто я заявила, что собираюсь поджарить на ужин слизняков.

— Ты не можешь бросить виолончель, — заявила она после секунды ошарашенного молчания.

— Почему это?

Ким поморщилась как от боли.

Я не знаю, как объяснить, но твоя виолончель — это часть тебя самой. Я просто не могу представить тебя без этой штуки между коленей.

— Не глупи. Я даже в школьном марширующем оркестре не могу играть. И вообще, ну кто сейчас играет на виолончели? Одни старики. Для девушки это идиотский инструмент. Он такой скучный. И потом, мне нужно больше свободного времени на развлечения.

— Какие такие «развлечения»? — с сомнением поинтересовалась Ким.

“Um, you know? Shopping. Hanging out with you...”

“Please,” Kim said. “You hate to shop. And you hang out with me plenty. But fine, skip practice today. I want to show you something.”

She took me home with her and dragged out a CD of Nirvana MTV Unplugged and played me “Something in the Way.”

“Listen to that,” she said. “Two guitar players, a drummer, and a cello player. Her name is Lori Goldston and I bet when she was younger, she practiced two hours a day like some other girl I know because if you want to play with the philharmonic, or with Nirvana, that’s what you have to do. And I don’t think anyone would dare call her a dork.”

I took the CD home and listened to it over and over for the next week, pondering what Kim said. I pulled my cello out a few times, played along. It was a different kind of music than I’d played before, challenging, and strangely invigorating. I planned to play “Something in the Way” for Kim the following week when she came over for dinner.

But before I had a chance, at the dinner table Kim casually announced to my parents that she thought I ought to go to summer camp.

— Ну ты что, не знаешь? Болтаться по магазинам, с тобой тусоваться.

— Да брось, — возразила Ким. — Ты же ненавидишь ходить по магазинам. А со мной и так кучу времени проводишь. Ладно, сегодня занятия можешь пропустить. Хочу тебе кое-что показать.

Она притащила меня к себе домой, нашла диск «Нирвана Эм-ти-ви анплагд» и поставила мне «Something in the Way».

— Послушай это, — сказала она. — Два гитариста, ударник и виолончелистка. Ее зовут Лори Голдстон, и могу спорить, она, когда была помладше, занималась по два часа в день, как одна моя знакомая девочка, потому что, если хочешь играть в симфоническом оркестре или с «Нирваной», это необходимо. И не думаю, чтобы кто-то рискнул назвать ее скучной идиоткой.

Я взяла диск с собой и слушала его снова и снова всю следующую неделю, обдумывая то, что сказала Ким. Несколько раз я вытаскивала виолончель и подыгрывала песням. Эта музыка, вызывающая и странно бодрящая, была совсем не похожа на ту, что я играла раньше. Я собиралась сыграть Ким «Something in the Way» на следующей неделе, когда она придет к нам на ужин.

Но мне не представилась такая возможность: за ужином Ким непринужденно заявила моим родителям, что, по ее мнению, мне необходимо поехать в летний лагерь.

“What, you trying to convert me so I’ll go to your Torah camp?” I asked.

“Nope. It’s music camp.” She pulled out a glossy brochure for the Franklin Valley Conservatory, a summer program in British Columbia. “It’s for serious musicians,” Kim said. “You have to send a recording of your playing to get in. I called. The deadline for applications is May first, so there’s still time.” She turned to face me head-on, as if she were daring me to get mad at her for interfering.

I wasn’t mad. My heart was pounding, as if Kim had announced that my family won a lottery and she was about to reveal how much. I looked at her, the nervous look in her eyes betraying the “you wanna piece of me?” smirk on her face, and I was overwhelmed with gratitude to be friends with someone who often seemed to understand me better than I understood myself. Dad asked me if I wanted to go, and when I protested about the money, he said never mind about that. Did I want to go? And I did. More than anything.

Three months later, when Dad dropped me off in a lonely corner of Vancouver Island, I wasn’t so sure. The place looked like a typical summer camp, log cabins in the woods, kayaks strewn on the beach. There were about fifty kids who, judging by the way they were hugging and squealing,

— Как, ты хочешь, чтобы я поехала с тобой в лагерь Торы? Пытаешься обратить меня в свою веру? — спросила я.

— Да нет же. Это музыкальный лагерь. — Она вытащила рекламный буклет с броской надписью: «Консерватория Франклин Вэлли, летняя программа в Британской Колумбии». — Это для серьезных музыкантов, — подчеркнула Ким. — Чтобы туда попасть, надо отправить запись твоей игры. Я позвонила и все выяснила. Последний срок подачи заявки — первое мая, так что время еще есть. — Она развернулась ко мне, словно предлагая разозлиться на нее за вмешательство.

Но я не злилась. Мое сердце колотилось так, будто Ким объявила, что моя семья выиграла в лотерею, и вот-вот скажет, сколько именно. Я смотрела на подругу, на ее встревоженные глаза, так предательски противоречащие бравой ухмылке, и меня переполняла благодарность за то, что я дружу с человеком, который зачастую понимает меня лучше, чем я сама. Папа спросил, хочу ли я поехать, и, когда я стала говорить о деньгах, велел не беспокоиться об этом. Хочу ли я поехать? Я хотела — больше всего на свете.

Три месяца спустя, когда папа привез меня в унылый пустынный уголок острова Ванкувер, я уже была не столь уверена в своем желании. Место выглядело как типичный летний лагерь: бревенчатые домики в лесу, байдарки на пляже. Там было около пятидесяти детей — судя по

had all known one another for years. Meanwhile, I didn't know anybody. For the first six hours, no one talked to me except for the camp's assistant director, who assigned me to a cabin, showed me my bunk bed, and pointed the way to the cafeteria, where that night, I was given a plate of something that appeared to be meat loaf.

I stared miserably at my plate, looking out at the gloomy gray evening. I already missed my parents, Kim, and especially Teddy. He was at that fun stage, wanting to try new things and constantly asking "What's that?" and saying the most hilarious things. The day before I left, he informed me that he was "nine-tenths thirsty" and I almost peed myself laughing. Homesick, I sighed and moved the mass of meat loaf around my plate.

"Don't worry, it doesn't rain every day. Just every other day."

I looked up. There was an impish kid who couldn't have been more than ten years old. He had a blond buzz cut and a constellation of freckles falling down his nose.

"I know," I said. "I'm from the Northwest, though it was sunny where I lived this morning. It's the meat loaf I'm worried about."

He laughed.

их приветственным воплям и объятиям, давно знакомых друг с другом. Я же никого не знала. В первые шесть часов со мной никто не разговаривал, кроме помощника директора лагеря, который проводил меня к домику, показал мою кровать и махнул рукой в сторону столовой, где в тот вечер мне вручили тарелку чего-то непонятного, оказавшегося мясным рулетом.

Я скорбно пялилась в тарелку, изредка поглядывая на пасмурный серый вечер за окном. Я уже скучала по родителям, по Ким и особенно по Тедди. У него как раз начался самый забавный период, он хотел пробовать все новые вещи, постоянно спрашивал: «А это что?» — и изрекал уморительнейшие сентенции. В день перед моим отъездом он сообщил мне, что хочет пить «на девять десятых», и я чуть не описалась со смеху. Тоскуя по дому, я вздохнула и начала возить сомнительный на вид рулет по тарелке.

— Не волнуйся, здесь не каждый день идет дождь. Только через день.

Я подняла глаза. Рядом стоял хитроглазый мальчишка, на вид не старше десяти лет. Бело-брысая голова его была острижена ежиком, а на носу красовалось созвездие веснушек.

— Догадываюсь, — сказала я. — Я сама с Северо-Запада, хотя когда я уезжала сегодня утром, там было солнце. Меня больше волнует этот рулет.

Мальчик рассмеялся.

“That doesn’t get better. But the peanut-butter-and-jelly is always good,” he said, gesturing to a table where a half-dozen kids were fixing themselves sandwiches. “Peter. Trombone. Ontario,” he said.

This, I would learn, was standard Franklin greeting.

“Oh, hey. I’m Mia. Cello. Oregon, I guess.”

Peter told me that he was thirteen, and this was his second summer here; almost everyone started when they were twelve, which is why they all knew one another. Of the fifty students, about half did jazz, the other half classical, so it was a small crew. There were only two other cello players, one of them a tall lanky red-haired guy named Simon who Peter waved over.

“Will you be trying for the concerto competition?” Simon asked me as soon as Peter introduced me as Mia. Cello. Oregon.

Simon was Simon. Cello. Leicester, which turned out to be a city in England. It was quite the international group.

“I don’t think so. I don’t even know what that is,” I answered.

“Well, you know how we all perform in an orchestra for the final symphony?” Peter asked me.

— Он лучше не станет. Но арахисовое масло и джем всегда хороши, — сказал он, указав на стол, где полдюжины детей мастерили себе сэндвичи. — Питер. Тромбон. Онтарио, — представился он.

Как я потом узнала, это было стандартной формулой знакомства во «ФранкLINE».

— О, привет. Я, видимо, Мия. Виолончель Орегон.

Питер сказал, что ему тринадцать и он здесь уже второе лето; почти все начали в двенадцать, поэтому и знали друг друга. Из пятидесяти учащихя около половины играли джаз, а остальные — классику, так что группа получалась небольшая. Виолончелистов кроме меня было только двое, один из них — долговязый рыжеволосый парень по имени Саймон, которого Питер подозвал, помахав ему рукой.

— Ты будешь подавать заявку на концертный конкурс? — спросил меня Саймон, как только Питер представил меня как «Мию. Виолончель. Орегон».

Саймон был «Саймон. Виолончель. Лестер», последний оказался городом в Англии. Компания собралась вполне интернациональная.

— Сомневаюсь. Я даже не знаю, что это такое, — ответила я.

— Ну, ты ведь знаешь, что мы все играем в оркестре в финальной симфонии? — спросил меня Питер.

I nodded my head, though really I had only a vague idea. Dad had spent the spring reading out loud from the camp's literature, but the only thing I'd cared about was that I was going to camp with other classical musicians. I hadn't paid too much attention to the details.

"It's the summer's end symphony. People from all over come to it. It's a quite a big deal. We, the youngster musicians, play as a sort of cute side-show," Simon explained. "However, one musician from the camp is chosen to play with the professional orchestra and to perform a solo movement. I came close last year but it went to a flutist. This is my second-to-last chance before I graduate. It hasn't gone to strings in a while, and Tracy, the third of our little trio here, isn't trying out. She's more of a hobby player. Good but not terribly serious. I heard you were serious."

Was I? Not so serious that I hadn't been on the verge of quitting.

"How'd you hear that?" I asked.

"The teachers hear all the application reels and word gets around. Your audition tape was apparently quite good. It's unusual to admit someone in year two. So I was hoping for some bloody good competition, to up my game, as it were."

Я кивнула, хотя на самом деле имела об этом весьма смутное представление. Папа всю весну зачитывал вслух какие-то сведения об устройстве лагеря, но мне было важно только то, что я встречусь там с другими классическими музыкантами. На подробности я особенного внимания не обращала.

— Это симфония конца лета. На нее приезжают отовсюду, это довольно большое событие. Мы, самые младшие, участвуем во всяких забавных вставных номерах, — пояснил Саймон. — Но еще выбирают одного музыканта из лагеря, и он играет с профессиональным оркестром и выступает с сольным номером. В прошлом году я почти выиграл, но потом победа досталась одному флейтисту. Это мой предпоследний шанс перед выпуском. Струнным уже давненько не удавалось выиграть, а Трейси, третья из нашего маленького трио, не будет пытаться. Она больше для удовольствия играет, хорошо, но не слишком серьезно. А ты, я слышал, такая серьезная.

Я серьезная? Уж не настолько, если чуть не бросила.

— Где ты это услышал? — спросила я.

— Учителя прослушивают все заявочные записи, вот слухи и просочились. Твоя запись точно была очень хорошая. На второй год обычно уже не берут. Так что я надеялся на сильного соперника, чтобы тянуться за лидером, так сказать.

“Whoa, give the girl a chance,” Peter said. “She’s only just tasted the meat loaf.”

Simon shriveled his nose.

“Beg pardon. But if you want to put heads together about audition choices, let’s have a little chat about that,” he said, and disappeared off in the direction of the sundae bar.

“Forgive Simon. We haven’t had high-quality cellists for a couple years, so he’s excited about new blood. In a purely aesthetic way. He’s queer, though it may be hard to tell because he’s English.”

“Oh. I see. But what did he say? I mean it sounds like he wants me to compete against him.”

“Of course he does. That’s the fun. That’s why we’re all at camp in the middle of a flipping rain forest,” he said, gesturing outside. “That and the amazing cuisine.” Peter looked at me. “Isn’t that why you’re here?”

I shrugged.

“I don’t know. I haven’t played with that many people, at least that many serious people.”

Peter scratched his ears.

“Really? You said you’re from Oregon. Ever done anything with the Portland Cello Project?”

“The what?”

“Avant-garde cello collective, eh. Very interesting work.”

— Эй, дай девушке шанс, — запротестовал Питер. — Она еще только попробовала мясной рулет.

Саймон сморщил нос.

— Прошу прощения. Но если ты захочешь пошептаться насчет прослушивания, я готов, — и он удалился в направлении кафе-мороженого.

— Извини Саймона. У нас года два не было классных виолончелистов, так что он в восторге от свежей крови. Чисто эстетически. Он голубой, хотя, может, и нет — с ними, англичанами, не поймешь.

— А, понятно. Но что он такое сказал? В смысле, он что, хочет, чтобы я с ним соревновалась?

— Конечно, хочет. В этом же весь кайф. Ради этого мы все здесь, в лагере посреди мерзкого мокрого леса, — сказал Питер, указывая за окно. — И ради изумительной кухни, конечно. — Он посмотрел на меня: — Разве ты здесь не для этого?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Я никогда не играла с такой кучей народа, да еще такого серьезного народа.

Питер почесал ухо.

— Правда? Ты же сказала, что приехала из Орегона. А с «Портленд челло проджект» ты когда-нибудь играла?

— С кем, с кем?

— Ну, такой авангардный виолончельный коллектив. Очень интересные работы.

"I don't live in Portland," I mumbled, embarrassed that I'd never even heard of any Cello Project.

"Well then, who do you play with?"

"Other people. College students mostly."

"No orchestra? No chamber-music ensemble? String quartet?"

I shook my head, remembering a time when one of my student teachers invited me to play in a quartet. I'd turned her down because playing one-on-one with her was one thing; playing with complete strangers was another. I'd always believed that the cello was a solitary instrument, but now I was starting to wonder if maybe I was the solitary one.

"Hmm. How are you any good?" Peter asked. "I don't mean to sound like an asshole, but isn't that how you get good? It's like tennis. If you play someone crappy, you end up missing shots or serving all sloppy, but if you play with an ace player, suddenly you're all at the net, lobbing good volleys."

"I wouldn't know," I told Peter, feeling like the most boring, sheltered person ever. "I don't play tennis, either."

The next few days went by in a blur. I had no idea why they put out the kayaks. There was no time for playing. Not that kind, anyway. The days were totally grueling. Up at six-thirty, breakfast

— Я живу не в Портленде, — буркнула я, смущенная тем, что даже не слышала ни о каком «Челло проджект».

— Ладно, а с кем ты тогда играешь?

— С другими людьми. В основном со студентами из университета.

— А в оркестре? Или в ансамбле камерной музыки? В струнном квартете?

Я покачала головой, припомнив, что как-то раз одна из моих учительниц-студенток приглашала меня поиграть в квартете. Я отказалась, потому что играть вдвоем с ней было одно, а с совершенно незнакомыми людьми — другое. Я всегда полагала, что виолончель — одиночный инструмент, но теперь вдруг задумалась: может, это я одиночка?

— Хм. А как ты вообще можешь хорошо играть? — удивился Питер. — То есть я не хочу показаться хамом и козлом, но разве не так становятся хорошими музыкантами? Это как теннис. С неумехой в конце концов начинаешь пропускать удары или играть расхлябанно, но с асом вдруг оказываешься у сетки и подаешь отличные мячи.

— Я и не знала, — сказала я Питеру, чувствуя себя ужасно замшелой и скучной. — В теннис я тоже не играю.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Я так и не поняла, зачем на пляже лежали байдарки, — времени на развлечения здесь не было. За день я совершенно выматывалась.

by seven, private study time for three hours in the morning and in the afternoon, and orchestra rehearsal before dinner.

I'd never played with more than a handful of musicians before, so the first few days in orchestra were chaotic. The camp's musical director, who was also the conductor, scrambled to get us situated and then it was everything he could do to get us playing the most basic of movements in any semblance of time. On the third day, he trotted out some Brahms lullabies. The first time we played, it was painful. The instruments didn't blend so much as collide, like rocks caught in a lawn mower.

"Terrible!" he screamed. "How can any of you ever expect to play in a professional orchestra if you cannot keep time on a lullaby? Now again!"

After about a week, it started to gel and I got my first taste of being a cog in the machine. It made me hear the cello in an entirely new way, how its low tones worked in concert with the viola's higher notes, how it provided a foundation for the woodwinds on the other side of the orchestra pit. And even though you might think that being part of a group would make you relax a little, not care so much how you sounded blended among everyone else, if anything, the opposite was true.

I sat behind a seventeen-year-old viola player named Elizabeth. She was one of the most accomplished musicians in the camp — she'd been ac-

Подъем в шесть тридцать, завтрак в семь, по три часа утром и днем на самостоятельные занятия, и репетиция оркестра перед ужином.

Раньше я никогда не играла больше чем с одним или двумя музыкантами, так что первые дни в оркестре для меня были сплошным хаосом. Музыкальный директор лагеря, он же и дирижер, с огромным трудом всех рассадил, а потом из кожи вон лез, чтобы заставить нас сыграть простейшие пьесы более-менее в такт. На третий день он принес колыбельные Брамса. В первый раз они прозвучали отвратительно. Инструменты не столько сочетались, сколько сталкивались, словно камешки, попавшие в газонокосилку.

«Ужасно! — завопил дирижер. — Как вы надеетесь играть в профессиональном оркестре, если не можете удержать ритм в колыбельной? Еще раз!»

Примерно через неделю все начало приобретать форму, и я впервые почувствовала себя винтиком в машине. Это помогло мне услышать виолончель совершенно по-новому: как ее низкие ноты согласуются с высокими нотами альты, как она создает опору для деревянных духовых на другой стороне оркестровой ямы. И хотя можно подумать, что, будучи частью группы, позволительно немного расслабиться, меньше заботиться о своем звучании в общем потоке, все ровно наоборот.

Я сидела за семнадцатилетней альтисткой по имени Элизабет. Она была одним из самых опытных музыкантов в лагере — ее уже приня-

cepted into the Royal Conservatory of Music in Toronto — and she was also model-gorgeous: tall, regal, with skin the color of coffee, and cheekbones that could carve ice. I would've been tempted to hate her were it not for her playing. If you're not careful, the viola can make the most awful screech, even in the hands of practiced musicians. But with Elizabeth the sound rang out clean and pure and light. Hearing her play, and watching how deeply she lost herself in the music, I wanted to play like that. Better even. It wasn't just that I wanted to beat her, but also that I felt like I owed it to her, to the group, to myself, to play at her level.

"That's sounding quite beautiful," Simon said toward the end of camp as he listened to me practice a movement from Hayden's Cello Concerto no. 2, a piece that had given me no end of trouble when I'd first attempted it last spring. "Are you using that for the concerto competition?"

I nodded. Then I couldn't help myself, I grinned. After dinner and before lights-out every night, Simon and I had been bringing our cellos outside to hold impromptu concerts in the long twilight. We took turns challenging each other to cello duels, each trying to out-crazy-play the other. We were always competing, always trying to see who could play something better, faster, from memory. It had been so much fun, and was probably one reason why I was feeling so good about the Hayden.

ли в Королевскую консерваторию в Торонто — и к тому же красива как супермодель: высокая, с царственной осанкой, с кожей кофейного цвета и острыми, точеными скулами. Я бы поддалась искушению возненавидеть ее, если бы не ее игра. При невнимательности алыт может издавать совершенно чудовищный скрежет, даже в руках опытных музыкантов. Но у Элизабет он звенел чисто, ясно и легко. Слушая ее и глядя, как глубоко она погружается в музыку, я сама захотела играть так. И даже лучше. Я захотела не только переплюнуть ее, но также ощутила, что должна — ей, всей группе, себе — играть на ее уровне.

— Звучит очень красиво, — сказал Саймон ближе к концу смены, послушав, как я репетирую отрывок из Второго виолончельного концерта Гайдна — тот самый, с которым у меня были огромные сложности, когда я впервые попробовала его прошлой весной. — Ты будешь это играть на концертном конкурсе?

Я кивнула. Потом не выдержала и ухмыльнулась. Каждый вечер после ужина и до отбоя мы с Саймоном выносили свои виолончели на улицу и устраивали импровизированные концерты в долгих сумерках. Мы по очереди вызывали друг друга на виолончельные дуэли, где каждый в исступлении старался переиграть другого. Мы постоянно соревновались, постоянно пытались узнать, кто может сыграть лучше, быстрее, на память. Это было невероятно увлекательно, за-

“Ahh, someone’s awfully confident. Think you can beat me?” Simon asked.

“At soccer. Definitely,” I joked.

Simon often told us that he was the black sheep in his family not because he was gay, or a musician, but because he was such a “shitey footballer.”

Simon pretended that I’d shot him in the heart. Then he laughed.

“Amazing things happen when you stop hiding behind that hulking beast,” he said, gesturing to my cello. I nodded. Simon smiled at me. “Well, don’t go getting quite so cocky. You should hear my Mozart. It sounds like the bloody angels singing.”

Neither one of us won the solo spot that year. Elizabeth did. And though it would take me four more years, eventually I’d nab the solo.

9:06 P.M.

“I’ve got exactly twenty minutes before our manager has a total shit fit.” Brooke Vega’s raspy voice booms in the hospital’s now-quiet lobby.

So this is Adam’s idea: Brooke Vega, the indie-music goddess and lead singer of Bikini. In a trade-

хватывающе, и, пожалуй, еще и поэтому я так гордилась своим Гайдном.

— Ах, кто-то чрезвычайно уверен в себе. Думаешь, сможешь меня переиграть? — спросил Саймон.

— В футбол — точно, — пошутила я.

Саймон часто рассказывал нам, что всю жизнь в семье он белая ворона — не потому, что гей или музыкант, а потому, что «хреновый футболист».

Саймон притворился, что я ранила его в самое сердце, а потом расхохотался.

— Удивительные штуки случаются, когда ты перестаешь прятаться за этим громоздким чудовищем, — сказал он, указывая на мою виолончель. Я кивнула. Саймон улыбнулся мне: — Ладно-ладно, только не надо так нос задирать. Послушала бы ты моего Моцарта. Он звучит словно хор чертовых ангелов.

Ни один из нас не выиграл в тот год сольный номер. Победила Элизабет. И пусть бы это заняло у меня еще четыре года, в конце концов я бы обязательно получила соло.

21:06

— У меня есть ровно двадцать минут, прежде чем наш менеджер изойдет дерьмом от злости. — В притихшем больничном вестибюле гремит хриплый резкий голос Брук Веги.

Так вот в чем идея Адама: Брук Вега, богиня инди-музыки и солистка группы «Бикини».

mark punky glam outfit — tonight it's a short bubble skirt, fishnets, high black leather boots, an artfully ripped-up Shooting Star T-shirt, topped off with a vintage fur shrug and a pair of black Jackie O glasses — she stands out in the hospital lobby like an ostrich in a chicken coop. She's surrounded by people: Liz and Sarah; Mike and Fitzzy, Shooting Star's rhythm guitarist and bass player, respectively, plus a handful of Portland hipsters who I vaguely recognize. With her magenta hair, she's like the sun, around which her admiring planets revolve. Adam is like a moon, standing off to the side, stroking his chin. Meanwhile, Kim looks shell-shocked, like a bunch of Martians just entered the building. Or maybe it's because Kim worships Brooke Vega. In fact, so does Adam. Aside from me, this was one of the few things they had in common.

"I'll have you out of here in fifteen," Adam promises, stepping into her galaxy.

She strides toward him.

"Adam, baby," she croons. "How you holding up?"

Brooke encircles him in a hug as if they are old friends, though I know that they only met for the first time today; just yesterday Adam was saying how nervous he was about it. But now she's here acting like his best friend. That's the power of the

В шикарном панковском прикиде — сегодня это короткая юбка-пузырь, сетчатые чулки, высокие черные кожаные сапоги, с фантазией изорванная футболка «Звездопада», поверх нее винтажный меховой жакетик-болеро, на глазах черные очки в стиле Жаклин Онассис — она выглядит в больничном вестибюле так же неуместно, как устрица посреди курятника. Вокруг нее толпятся люди: Лиз и Сара; Майк и Фитци — ритм-гитарист и басист «Звездопада» соответственно — плюс группка портлендских хипстеров, смутно мне знакомых. Со своими ярко-розовыми волосами Брук подобна солнцу, вокруг которого вращаются восхищенные планеты. Адам, словно луна, стоит поодаль, поглаживая подбородок. А вот Ким выглядит настолько ошеломленной, будто в здание только что вошла толпа марсиан. Возможно, это потому, что Ким обожает Брук Вегу. Да и Адам на самом деле тоже. Помимо меня она — одно из немногих общих для них увлечений.

— Мы уложимся за пятнадцать, — обещает Адам, вступая в ее галактику.

Дива шагает к нему.

— Адам, дорогой, — тихо и с чувством говорит она, — ты как, держишься?

Брук заключает его в объятия, будто старого друга, хотя я знаю, что они сегодня впервые встретились: только вчера Адам рассказывал мне, как волнуется на этот счет. Но теперь она ведет себя как его лучшая подруга. Видимо, та-

scene, I guess. As she embraces Adam, I see every guy and girl in that lobby watch hungrily, wishing, I imagine, that their own significant other were upstairs in grave condition so that they might be the ones getting the consolatory cuddle from Brooke.

“Okay, kids. Time to rock-and-roll. Adam, what’s the plan?” Brooke asks.

“You are the plan. I hadn’t really thought beyond you going up to the ICU and making a ruckus.”

Brooke licks her bee-stung lips.

“Making a ruckus is one of my favorite things to do. What do you think we should do? Let out a primal scream? Strip? Smash a guitar? Wait, I didn’t bring my guitar. Damn.”

“You could sing something?” someone suggests.

“How about that old Smiths song ‘Girlfriend in a Coma’?” someone calls.

Adam blanches at this sudden reality check and Brooke raises her eyebrows in a stern rebuke. Everyone goes serious.

Kim clears her throat.

“Um, it doesn’t do us any good if Brooke is a diversion in the lobby. We need to go upstairs to the ICU and then maybe someone could shout that Brooke Vega is here. That might do it. If it doesn’t,

кова власть сцены. Когда она обнимает Адама, я вижу, как каждый парень и девушка в вестибюле с жадностью смотрят на них, мечтая, наверное, чтобы их близкий человек лежал сейчас наверху в тяжелом состоянии, — тогда они смогли бы получить утешительное объятие от Брук.

— Ладно, ребятки, время рок-н-ролла. Адам, какой у нас план? — спрашивает Брук.

— Ты — наш план. Я, признаться, придумал только, что ты идешь в интенсивную терапию и устраиваешь там шумиху.

Брук облизывает пухлые красные губы.

— Устраивать шумиху — одно из моих любимых занятий. Как думаешь, что стоит сделать? Испустить сценический вопль? Раздеться? Разбить гитару? Погоди, я же не принесла свою гитару. Черт.

— Может, споешь что-нибудь? — спрашивает кто-то.

— Как насчет той старой песни «Смитс», «Girlfriend in a Coma»? — предлагает другой.

Адам белеет от такого внезапного напоминания о действительности, и Брук резко и осуждающе вздергивает брови. Все становятся серьезными.

Ким покашливает.

— Кхм, нам ничего не даст, если Брук устроит шоу в вестибюле. Нужно пойти наверх, и кто-нибудь крикнет, что здесь Брук Вега. Это может помочь. Если нет, тогда петь. Все, чего мы на

then sing. All we really want is to lure a couple of curious nurses out, and that grouchy head nurse after them. Once she comes out of the ICU and sees all of us in the hall, she'll be too busy dealing with us to notice that Adam has slipped inside."

Brooke appraises Kim. Kim in her rumpled black pants and unflattering sweater. Then Brooke smiles and links arms with my best friend.

"Sounds like a plan. Let's motor, kids."

I lag behind, watching this procession of hipsters barrel through the lobby. The sheer noisiness of them, of their heavy boots, and loud voices, buzzed on by their sense of urgency, ricochets through the quiet hush of the hospital and breathes some life into the place. I remember watching a TV program once about old-age homes that brought in cats and dogs to cheer the elderly and dying patients. Maybe all hospitals should import groups of rabble-rousing punk rockers to kick-start the languishing patients' hearts.

They stop in front of the elevator, waiting endlessly for one empty enough to ferry them up as a group. I decide that I want to be next to my body when Adam makes it to the ICU. I wonder if I will be able to feel his touch on me. While they wait at the elevator banks, I scramble up the stairs.

самом деле хотим, — это выманить пару любопытных медсестер, а за ними и ту вредную старшую. Как только она выйдет из палаты и увидит в коридоре всех нас, она будет слишком занята, чтобы заметить, что Адам пробрался внутрь.

Брук оценивающе разглядывает Ким, в ее потрепанных черных штанах и растянутом свитере. Потом звезда улыбается и протягивает руку моей лучшей подруге.

— Похоже на план. Давайте живенько, ребятки.

Я отстаю, наблюдая, как процессия хипстеров несется через холл. Беззастенчивый шум их тяжелых ботинок и громких голосов, опьяненных ощущением срочности и важности, рикошетом отдается в тишине больницы и вдыхает немного жизни в это унылое место. Помню, я смотрела по телевизору передачу о домах престарелых, в которых разрешается заводить собак и кошек, чтобы взбодрить пожилых и умирающих людей. Возможно, всем больницам стоит приглашать хулиганистых панк-рокеров, чтобы придать живой импульс сердцам чахнувших пациентов.

Группа останавливается перед лифтом, бесконечно ожидая достаточно пустого, чтобы увезти всех сразу. Я решаю, что хочу быть рядом со своим телом, когда Адам проберется в палату. Интересно, смогу я почувствовать его прикосновение? Пока они ждут у лифтов, я тороплюсь к лестнице.

I've been gone from the ICU for more than two hours, and a lot has changed. There is a new patient in one of the empty beds, a middle-aged man whose face looks like one of those surrealist paintings: half of it looks normal, handsome even, the other half is a mess of blood, gauze, and stitching, like someone just blew it off. Maybe a gunshot wound. We get a lot of hunting accidents around here. One of the other patients, one who was so swaddled in gauze and bandages that I couldn't see if he/she was a man or woman, is gone. In his/her place is a woman whose neck is immobilized in one of those collar things.

As for me, I'm off my ventilator now. I remember the social worker telling my grandparents and Aunt Diane that this was a positive step. I stop to check if I feel any different, but I don't feel anything, not physically anyhow. I haven't since I was in the car this morning, listening to Beethoven's Cello Sonata no. 3. Now that I'm breathing on my own, my wall of machines bleeps far less, so I get fewer visits from the nurses. Nurse Ramirez, the one with the nails, looks over at me every now and again, but she's busy with the new guy with the half face.

"Holy crud. Is that Brooke Vega?" I hear someone ask in a totally fake dramatic voice from outside the ICU's automatic doors.

Я отсутствовала в палате интенсивной терапии больше двух часов, и здесь многое изменилось. На одной из пустовавших коек теперь новый пациент — мужчина средних лет. Его лицо напоминает картину сюрреалиста: половина выглядит нормальной, даже красивой, а вторая — месиво крови, марли и швов, как будто кто-то просто-напросто оторвал ее. Возможно, это огнестрельная рана. У нас здесь бывает множество несчастных случаев на охоте. Другой пациент, который был так плотно забинтован, что я не могла разобрать, какого он пола, исчез. На его (или ее) месте лежит женщина, чью шею фиксирует специальная штуковина вроде воротника.

А я теперь отключена от респиратора. Вспоминаю, как соцработница говорила моим бабушке, дедушке и тете Диане, что это положительный сдвиг. Я останавливаюсь, пытаюсь уловить в себе какие-то новые ощущения, но ничего не чувствую — по крайней мере, физически. Так продолжается с утра, с тех пор, как я в машине слушала Третью виолончельную сонату Бетховена. Теперь, когда я дышу сама, моя стена машин пищит гораздо меньше, так что и медсестры ко мне подходят реже. Сестра Рамирес, единственная здесь с маникюром, то и дело поглядывает на меня, но она занята новым парнем с половиной лица.

— Опухнуть! Это что, Брук Вега? — вопрошает кто-то невозможно фальшивым тоном за автоматическими дверями палаты.

I've never heard any of Adam's friends talk so PG-13 before. It's their sanitized hospital version of "holy fucking shit."

"You mean Brooke Vega of Bikini? Brooke Vega who was on the cover of Spin magazine last month? Here in this very hospital?"

This time it's Kim talking. She sounds like a six-year-old reciting lines from a school play about the food groups: You mean you're supposed to eat five servings of fruit and vegetables a day?

"Yeah, that's right," says Brooke's raspy voice. "I'm here to offer some rock-and-roll succor to all the people of Portland."

A couple of the younger nurses, the ones who probably listen to pop radio or watch MTV and have heard of Bikini, look up, their faces excited question marks. I hear them whispering, eager to see if it's really Brooke, or maybe just happy for the break in the routine.

"Yeah. That's right. So I thought I might sing a little song. One of my favorites. It's called 'Eraser,'" Brooke says. "One of you guys want to count me in?"

"I need something to tap with," Liz answers. "Anyone got some pens or something?"

Я никогда раньше не слышала, чтобы друзья Адама говорили как в дурацких подростковых фильмах. Видимо, это у них больничная, подвергнутая санитарной обработке версия «охренеть».

— В смысле, Брук Вега из «Бикини»? Брук Вега, которая была на обложке «Спин» в прошлом месяце? Здесь, в этой самой больнице?

На этот раз говорит Ким. Она произносит слова как шестилетняя девочка, зачитывающая строчки из школьной пьесы о группах пищевых продуктов: «Значит, надо есть по пять порций фруктов и овощей в день?»

— Да, это я, — звучит хриплый голос Брук. — Я здесь, чтобы протянуть руку рок-н-рольной помощи всем людям Портленда.

Пара молоденьких медсестер — те, которые, возможно, слушают популярное радио или смотрят канал «Эм-ти-ви» и слышали о «Бикини», — поднимают головы, на их лицах читается взволнованный вопрос. Я слышу, как они шепчутся, желая посмотреть, правда ли это Брук, или, может быть, просто радуются перерыву в рутине.

— Да, это правда я. Я решила спеть маленькую песенку, одну из моих любимых. Она называется «Ластик», — говорит Брук. — Кто-нибудь из вас, ребята, хочет мне подстучать?

— Мне нужно что-нибудь, чем можно стучать, — отвечает Лиз. — У кого-нибудь есть ручки или что-то в этом роде?

Now the nurses and orderlies in the ICU are very curious and heading toward the doors. I'm watching it all play out, like a movie on the screen. I stand next to my bed, my eyes trained on the double doors, waiting for them to open. I'm itching with suspense. I think of Adam, of how calming it feels when he touches me, how when he absentmindedly strokes the nape of my neck or blows warm air on my cold hands, I could melt into a puddle.

"What's going on?" the older nurse demands.

Suddenly every nurse on the floor is looking at her, not out toward Brooke anymore. No one is going to try to explain to her that a famous pop star is outside. The moment has broken. I feel the tension ease into disappointment. The door isn't going to open.

Outside, I hear Brooke start belting out the lyrics to "Eraser." Even a cappella, even through the automatic double doors, she sounds good.

"Somebody call security now," the nurse growls.

"Adam, you better just go for it," Liz yells. "Now or never. Full-court press."

"Go!" screams Kim, suddenly an army general. "We'll cover you."

The door opens. In tumble more than a half-dozen punkers, Adam, Liz, Fitzy, some people I don't know, and then Kim. Outside, Brooke is still sing-

Теперь медсестры и санитары в палате уже всерьез заинтригованы и движутся к двери. Все разворачивается передо мной, словно в кино. Я стою рядом со своей кроватью, глядя на двойные двери, и жду, когда они откроются. От нетерпения я едва сдерживаюсь. Я думаю об Адаме, о том, как успокаивают его прикосновения, когда он рассеянно гладит мне шею сзади или дует горячим воздухом на мои холодные руки, — тогда я просто лужицей растекаюсь.

— Что происходит? — вопрошает старшая медсестра.

Внезапно все сестры поворачиваются к ней, они больше не торопятся увидеть Брук. Никто не пытается объяснить, что там, снаружи, известная поп-звезда. Момент упущен. Я чувствую, как напряжение сменяется разочарованием. Дверь не откроется.

Брук начинает громко распевать «Ластик». Даже а капелла, даже сквозь двойные автоматические двери ее прекрасно слышно.

— Кто-нибудь вызовите охрану. Сейчас же, — рычит старшая медсестра.

— Адам, лучше просто иди туда! — кричит Лиз. — Сейчас или никогда. В атаку!

— Иди! — орет вдруг Ким, как армейский командир. — Мы тебя прикроем.

Дверь открывается. Внутрь вваливаются больше полудюжины панков, Адам, Лиз, Фитци, еще какие-то незнакомые мне люди и наконец Ким.

ing, as though this were the concert she'd come to Portland to give.

As Adam and Kim charge through the door, they both look determined, happy even. I'm amazed by their resilience, by their hidden pockets of strength. I want to jump up and down and root for them like I used to do at Teddy's T-ball games when he'd be rounding third and heading for home. It's hard to believe, but watching Kim and Adam in action, I almost feel happy, too.

"Where is she?" Adam yells. "Where's Mia?"

"In the corner, next to the supply closet!" someone shouts. It takes me a minute to realize it's Nurse Ramirez.

"Security! Get him! Get him!" the grumpy nurse shouts.

She has spotted Adam through all the other invaders and her face has gone pink with anger. Two hospital security guards and two orderlies run inside.

"Dude, was that Brooke Vega?" one asks as he snags Fitzy and flings him toward the exit.

"Think so," the other answers, grabbing Sarah and steering her out.

Kim has spotted me.

"Adam, she's here!" she screams, and then turns to look at me, the scream dying in her throat. "She's here," she says again, only this time it's a whimper.

Снаружи Брук по-прежнему поет, как будто это концерт, ради которого она и приехала в Портленд.

Когда Адам и Ким врываются в палату, они выглядят решительно, даже радостно. Я поражена их стойкостью, скрытыми в них силами. Мне хочется запрыгать, болея за них, как я обычно делала на детском бейсболе Тедди, когда он добегал до третьей базы и направлялся «домой». Трудно поверить, но, глядя на Ким и Адама в действии, я тоже почти чувствую себя счастливой.

— Где она? — кричит Адам. — Где Мия?

— В углу, рядом с кладовкой! — кричит кто-то. Только через секунду я понимаю, что это сестра Рамирес.

— Охрана! Взять его! Взять! — вопит сердитая медсестра.

Она выделила Адама из всех прочих пришельцев, и ее лицо розовеет от злости. В палату вбегают два больничных охранника и два санитар.

— Слышь, это что, Брук Вега была? — спрашивает один, налетая на Фитци и толкая его к выходу.

— Кажись, да, — отвечает второй, хватая Сару и выставляя ее за дверь.

Ким заметила меня и кричит:

— Адам, она здесь! — Потом поворачивается посмотреть на меня, и крик застревает у нее в горле. — Она здесь, — повторяет Ким, только уже дрожащим от слез голосом.

Adam hears her and he is dodging nurses and making his way to me. And then he's there at the foot of my bed, his hand reaching out to touch me. His hand about to be on me. Suddenly I think of our first kiss after the Yo-Yo Ma concert, how I didn't know how badly I'd wanted his lips on mine until the kiss was imminent. I didn't realize just how much I was craving his touch, until now that I can almost feel it on me.

Almost. But suddenly he's moving away from me. Two guards have him by the shoulders and have yanked him back. One of the same guards grabs Kim's elbow and leads her out. She's limp now, offering no resistance.

Brooke's still singing in the hallway. When she sees Adam, she stops.

"Sorry, honey," she says. "I gotta jet before I miss my show. Or get arrested." And then she's off down the hall, trailed by a couple of orderlies begging for her autograph.

"Call the police," the old nurse yells. "Have him arrested."

"We're taking him down to security. That's protocol," one guard says.

"Not up to us to arrest," the other adds.

"Just get him off my ward." She harrumphs and turns around. "Miss Ramirez, that had better not have been you abetting these hoodlums."

Адам слышит ее и, увернувшись от медсестер, пробирается ко мне. И вот он здесь, в изножье моей кровати, тянет руку, чтобы коснуться меня. Его рука все ближе. Неожиданно я вспоминаю о нашем первом поцелуе после концерта Йо-Йо Ма — я тогда не представляла, как сильно хочу ощутить его губы на своих, пока поцелуй не стал неизбежен. Я и сейчас не понимала, до какой степени жажду его прикосновения, пока его руки почти не дотянулись до меня.

Почти. Но внезапно он отодвигается от меня. Двое охранников держат его за плечи и волокут назад. Один также хватает за локоть Ким и выпроваживает ее. Теперь она сникла и не оказывает сопротивления.

Брук все еще поет в коридоре. Увидев Адама, она замолкает.

— Прости, дорогой, — говорит она. — Мне надо валить, пока я не пропустила концерт. Или пока меня не арестовали. — И она уходит по коридору, а за ней бегут два санитары, моля об автографе.

— Вызовите полицию, — надсадно кричит старшая медсестра. — Пусть его арестуют.

— Мы уведем его вниз, в службу безопасности. Такой порядок, — говорит один охранник.

— Мы не можем арестовывать, — добавляет другой.

— Просто уберите его из моей палаты. — Она фыркает и отворачивается. — Мисс Рамирес, я очень надеюсь, что не вы подстрекали это хулиганье.

“Of course not. I was in the supply closet. I missed all the hubbub,” she replies.

She’s such a good liar that her face gives nothing away.

The old nurse claps her hands.

“Okay. Show’s over. Back to work.”

I chase after Adam and Kim, who are being led into the elevators. I jump in with them. Kim looks dazed, like someone flipped her reset button and she’s still booting up. Adam’s lips are set in a grim line. I can’t tell if he’s about to cry or about to punch the guard. For his sake, I hope it’s the former. For my own, I hope the latter.

Downstairs, the guards hustle Adam and Kim toward a hallway filled with darkened offices. They’re about to go inside one of the few offices with lights on when I hear someone scream Adam’s name.

“Adam. Stop. Is that you?”

“Willow?” Adam yells.

“Willow?” Kim mumbles.

“Excuse me, where are you taking them?” Willow yells at the guards as she runs toward them.

“I’m sorry but these two were caught trying to break into the ICU,” one guard explains.

“Only because they wouldn’t let us in,” Kim explains weakly.

— Конечно нет. Я была в кладовой и пропустила весь тарарам, — отвечает та.

Она превосходно умеет врать, так что ее лицо ничего не выдает.

Старшая медсестра хлопает в ладоши.

— Все, шоу закончилось. Возвращайтесь к работе.

Я иду следом за Адамом и Ким, которых ведут к лифтам, и запрыгиваю с ними. Ким выглядит ошеломленной и заторможенной, как будто кто-то нажал ей кнопку перезагрузки и теперь она медленно приходит в себя. Губы Адама сжаты в тонкую линию. То ли он собирается заплакать, то ли кинуться на охранника с кулаками. Для его блага, я надеюсь, что первое. Для себя — что второе.

Внизу охранники подталкивают Ким и Адама к коридору, по сторонам которого тянутся темные кабинеты. Они уже собираются войти в одну из немногих освещенных комнат, и тут я слышу, как кто-то громко зовет:

— Адам! Стой. Это ты?

— Уиллоу? — кричит Адам.

— Уиллоу? — бормочет Ким.

— Простите, куда вы их ведете? — кричит Уиллоу охранникам, бегом направляясь к ним.

— Извините, но этих двоих поймали, когда они пытались вломиться в палату интенсивной терапии, — объясняет один охранник.

— Только потому, что они нас не впускали, — вяло поясняет Ким.

Willow catches up to them. She's still wearing her nursing clothes, which is strange, because she normally changes out of what she calls "orthopedic couture" as soon as she can. Her long, curly auburn hair looks lank and greasy, like she's forgotten to wash it these past few weeks. And her cheeks, normally rosy like apples, have been repainted beige.

"Excuse me. I'm an RN over at Cedar Creek. I did my training here, so if you like we can go straighten this out with Richard Caruthers."

"Who's he?" one guard asks.

"Director of community affairs," the other replies. Then he turns to Willow. "He's not here. It's not business hours."

"Well, I have his home number," Willow says, brandishing her cell phone like a weapon. "I doubt he'd be pleased if I were to call him now and tell him how his hospital was treating someone trying to visit his critically wounded girlfriend. You know that the director values compassion as much as efficiency, and this is not the way to treat a concerned loved one."

"We're just doing our job, ma'am. Following orders."

"How about I save you two the trouble and take it from here. The patient's family is all assembled

Уиллоу догоняет их. На ней все еще форма медсестры, и это странно: обычно она снимает то, что называет «высокой модой для ортопедии», как можно скорее. Ее длинные темно-рыжие кудри выглядят неопрятными и сальными, как будто она забывала их мыть последние несколько недель, а щеки, обычно розовые, как яблочки, теперь бледны.

— Извините. Я дипломированная медсестра из Сидар-Крик. Я здесь стажировалась, так что, если хотите, мы можем пойти прямо к Ричарду Карутерсу.

— Это кто? — спрашивает один охранник.

— Директор по связям с общественностью, — поясняет другой, потом поворачивается к Уиллоу. — Его нет, его рабочий день давно закончился.

— У меня есть его домашний телефон, — говорит Уиллоу, размахивая своим сотовым, словно оружием. — Сомневаюсь, что он будет доволен, если я позвоню ему и расскажу, как в его больнице обращаются с человеком, который пытается навестить свою тяжело раненную девушку. Вы знаете, что директор ценит сострадание так же высоко, как и эффективность, и что так не стоит поступать с влюбленными.

— Мы просто выполняем свою работу, мэм. Нам велели.

— Как насчет того, что я спасу вас двоих от нагоняя и уведу их? Семья пациентки вся со-

upstairs. They're waiting for these two to join them. Here, if you have any problems, you tell Mr. Caruthers to get in touch with me." She reaches into her bag and pulls out a card and hands it over. One of the guards looks at it, hands it to the other, who stares at it and shrugs.

"Might as well save ourselves the paperwork," he says. He lets go of Adam, whose body slumps like a scarecrow taken off his pole. "Sorry, kid," he says to Adam, brushing off his shoulders.

"I hope your girlfriend's okay," the other mumbles. And then they disappear toward the glow of some vending machines.

Kim, who has met Willow all of twice, flings herself into her arms.

"Thank you!" she murmurs into her neck.

Willow hugs her back, pats her on the shoulders before letting go. She rubs her eyes and winces out a brittle laugh.

"What in the hell were you two thinking?" she asks.

"I want to see Mia," Adam says.

Willow turns to look at Adam and it's like someone has unscrewed her valve, letting all her air escape. She deflates. She reaches out and touches Adam's cheek.

"Of course you do." She wipes her eyes with the heel of her hand.

бралась наверху. Они ждут, что эти двое к ним присоединятся. А если у вас возникнут проблемы, попросите мистера Карутерса связаться со мной. — Она вытаскивает из сумочки визитку и протягивает охранникам. Один из них смотрит на карточку, потом передает другому, который тоже разглядывает ее и пожимает плечами.

— Заодно и от бумажной работы избавимся, — говорит он и отпускает Адама, чье тело обмякает, будто пугало, снятое со столба. — Прости, парень, — говорит он Адаму, отряхивая его плечи.

— Надеюсь, с твоей девушкой все будет в порядке, — мямлит второй, и они исчезают в направлении каких-то светящихся автоматов.

Ким, до этого видевшая Уиллоу всего дважды, бросается ей на шею.

— Спасибо, — бормочет она в плечо Уиллоу.

Та обнимает ее в ответ и гладит по плечам, прежде чем отпустить. Потом вытирает глаза и выдает ломкий нервный смешок.

— О чем, блин, вы только думали?

— Я хочу видеть Мию, — говорит Адам.

Уиллоу поворачивается к нему и вдруг съезжывается, как будто кто-то открыл внутри ее клапан, выпустив весь воздух. Она протягивает руку и касается щеки Адама.

— Конечно, ты хочешь. — Она вытирает глаза тыльной стороной ладони.

“Are you okay?” Kim asks.

Willow ignores the question.

“Let’s see about getting you in to Mia.”

Adam perks up when he hears this.

“You think you can? That old nurse has it in for me.”

“If that old nurse is who I think she is, it doesn’t matter if she has it in for you. It’s not up to her. Let’s check in with Mia’s grandparents and then I’ll find out who’s in charge of breaking the rules around here and get you in to see your girl. She needs you now. More than ever.”

Adam swivels around and hugs Willow with such force that her feet lift up off the ground.

Willow to the rescue. Just the way she rescued Henry, Dad’s best friend and bandmate, who, once upon a time, was a total drunk playboy. When he and Willow had been dating a few weeks, she told him to straighten out and dry out or say good-bye. Dad said that lots of girls had given Henry ultimatums, tried to force him to settle down, and lots of girls had been left crying on the sidewalk. But when Willow packed her toothbrush and told Henry to grow up, Henry was the one who cried. Then he dried his tears, grew up, got sober and monogamous. Eight years later, here they are, with a baby, no less. Willow is formidable that way. Probably why after she and Henry got together she became

— С вами все в порядке? — спрашивает Ким. Уиллоу игнорирует вопрос.

— Пойдем посмотрим, как можно провести тебя к Мие.

При этих словах Адам оживляется.

— Думаете, у вас получится? У той старой медсестры на меня зуб.

— Если эта старая медсестра — та, о ком я думаю, то не имеет значения, есть ли у нее на тебя зуб. Это не ее дело. Давайте пойдем к родственникам Мии, а потом я выясню, кто здесь отвечает за нарушения правил, и проведу тебя к твоей девушке. Ты ей нужен сейчас. Больше чем когда-либо.

Адам кружится на месте и обнимает Уиллоу с такой силой, что ее ноги отрываются от земли.

Уиллоу всегда приходит на помощь. Точно так же она спасла Генри, папиного лучшего друга из его группы, который раньше был безнадежным пьяницей и гулякой. Когда они с Уиллоу встречались уже несколько недель, она велела ему завязать и привести себя в порядок — или до свидания. Папа утверждал, что куча девиц предьявляли Генри ультиматумы, пытаясь заставить его остепениться, и все они остались рыдать на обочине. Но когда Уиллоу упаковала свою зубную щетку и посоветовала Генри повзрослеть, рыдал уже Генри. Потом он осушил слезы, повзрослел и стал трезвым и моногамным. И вот прошло уже восемь лет, у них есть ребенок. Уил-

Mom's best friend; she was another tough-as-nails, tender-as-kittens, feminist bitch. And probably why she was one of Dad's favorite people, even though she hated the Ramones and thought baseball was boring, while Dad lived for the Ramones and thought baseball was a religious institution.

Now Willow is here. Willow the nurse. Willow who doesn't take no for an answer is here. She'll get Adam in to see me. She'll take care of everything.

Hooray! I want to shout. Willow is here!

I'm so busy celebrating Willow's arrival that the implication of her being here takes a few moments to sink in, but when it does, it hits me like a jolt of electricity.

Willow is here. And if she's here, if she's in my hospital, it means that there isn't any reason for her to be in her hospital. I know her well enough to know that she never would have left him there. Even with me here, she would've stayed with him. He was broken, and brought to her for fixing. He was her patient. Her priority.

I think about the fact that Gran and Gramps are in Portland with me. And that all anyone in that waiting room is talking about is me, how they are avoiding mentioning Mom or Dad or Teddy. I think about Willow's face, which looks like it has been

лоу в этом плане просто волшебница. Возможно, поэтому, после того как они с Генри сошлись, она стала маминой лучшей подругой — она такая же жесткая, как гвоздь, мягкая, как котенок, феминистская стерва. И возможно, поэтому она была одной из любимиц папы, хотя ненавидела «Рамонз» и считала бейсбол тоской зеленой, в то время как папа жил ради «Рамонз» и почитал бейсбол религиозным орденом.

Теперь Уиллоу здесь. Уиллоу медсестра. Уиллоу, которая не считает «нет» ответом, — здесь. Она проведет Адама ко мне. Она позаботится обо всем.

«Ура! — хочу я прокричать. — Уиллоу здесь!»

Я так бурно радуюсь ее приезду, что только через несколько минут понимаю, почему она здесь. А когда понимаю, меня будто электрическим разрядом поражает.

Уиллоу здесь. Если она в моей больнице, значит, у нее больше нет никаких причин оставаться в своей. Я знаю ее достаточно хорошо и понимаю, что она никогда не оставила бы Тедди там. Пусть даже я здесь — Уиллоу осталась бы с ним. Он был ранен и привезен к ней на лечение. Он был ее пациентом, ее главной заботой.

Я думаю о том, что и бабушка с дедушкой в Портленде, со мной. И все в комнате ожидания говорят обо мне, никто из них не упоминает папу, маму или Тедди. Я думаю о лице Уиллоу — с него словно стерли всю радость — и о том, что

scrubbed clean of all joy. And I think about what she told Adam, that I need him now. More than ever.

And that's how I know. Teddy. He's gone, too.

Mom went into labor three days before Christmas, and she insisted we go holiday shopping together.

"Shouldn't you like lie down or go to the birthing center or something?" I asked.

Mom grimaced through a cramp.

"Nah. The contractions aren't that bad and are still like twenty minutes apart. I cleaned our entire house, from top to bottom, while I was in early labor with you."

"Putting the labor in labor," I joked.

"You're a smart-ass, you know that?" Mom said. She took a few breaths. "I've got a ways to go. Now come on. Let's take the bus to the mall. I'm not up to driving."

"Shouldn't we call Dad?" I asked.

Mom laughed at that.

"Please, it's enough for me to have to birth this baby. I don't need to deal with him, too. We'll call him when I'm ready to pop. I'd much rather have you around."

So Mom and I wandered around the mall, stopping every couple minutes so she could sit down and take deep breaths and squeeze my wrist so hard it left angry red marks. Still, it was a weirdly fun

она сказала Адаму, будто теперь он нужен мне больше, чем когда-либо.

Вот так я и понимаю: Тедди тоже умер.

Схватки у мамы начались за три дня до Рождества, и она настояла, чтобы мы пошли за подарками к празднику вместе.

— Разве тебе не надо лежать, или ехать в родильный центр, или что-нибудь еще в этом духе? — спросила я.

Мама скорчила рожу сквозь спазм.

— Не-а. Схватки еще не настолько сильны и пока идут только через каждые двадцать минут. Когда у меня начались схватки с тобой, я вычистила весь наш дом, сверху донизу.

— Схватилаась со схватками, — пошутила я.

— Ты нахалка, ты это знаешь? — сообщила мама. Она сделала несколько вдохов-выдохов. — Еще не скоро. Пойдем же, доедем до торгового центра на автобусе. Я сейчас не расположена садиться за руль.

— Может, стоит позвать папу? — спросила я.

Мама рассмеялась.

— Мне вполне хватит этого ребенка, не хватает еще только с ним возиться. Мы позвоним ему, когда я буду готова рожать. Лучше уж со мной будешь ты.

Так что мы с мамой бродили по торговому центру, останавливаясь каждые две минуты, чтобы она могла присесть, перевести дух и стиснуть мое запястье так крепко, что оставались яркие крас-

and productive morning. We bought presents for Gran and Gramps (a sweater with an angel on it and a new book about Abraham Lincoln) and toys for the baby and a new pair of rain boots for me. Usually we waited for the holiday sales to buy stuff like that, but Mom said that this year we'd be too busy changing diapers.

“Now’s not the time to be cheap. Ow, fuck. Sorry, Mia. Come on. Let’s go get pie.”

We went to Marie Callender’s. Mom had a slice of pumpkin and of banana cream. I had blueberry. When she was done, she pushed her plate away and announced she was ready to go to the midwife.

We’d never really talked about my being there or not being there. I went everywhere with Mom and Dad at that point, so it was just kind of assumed. We met a nerve-racked Dad at the birthing center, which was nothing like a doctor’s office. It was the ground floor of a house, the inside decked out with beds and Jacuzzi tubs, the medical equipment discreetly tucked away. The hippie midwife led Mom inside and Dad asked me if I wanted to come, too. By now, I could hear Mom screaming profanities.

ные следы. И все же это было странно веселое и плодотворное утро. Мы купили подарки для бабушки с дедушкой (свитер с ангелом и новую книгу об Аврааме Линкольне), и игрушки для ребенка, и новые резиновые сапоги для меня. Обычно мы ждали праздничных распродаж, чтобы покупать такие вещи, но мама сказала, что в этом году мы будем слишком заняты беготней с подгузниками.

— Сейчас не время быть прижимистыми. Ох! Вот черт! Извини, Мия. Пойдем съедим по пирожку.

Мы пошли в кафе. Мама взяла себе ломтик тыквы с банановым кремом. Я выбрала чернику. Когда мама доела, она оттолкнула тарелку и объявила, что готова ехать к акушерке.

По правде говоря, мы никогда не обсуждали, буду ли я присутствовать при родах. Я всюду ходила с мамой и папой, так что это как бы подразумевалось. Мы встретились со взвинченным папой в родильном центре, который был совсем не похож на лечебное учреждение. Он располагался на первом этаже какого-то дома и внутри был заставлен кроватями и ваннами «джакузи», медицинское оборудование благоразумно убрали с глаз подальше. Акушерка-хиппи ввела маму внутрь, а папа спросил меня, хочу ли я тоже пойти. К этому моменту я уже слышала, как мама выкрикивает ругательства.

“I can call Gran and she’ll pick you up,” Dad said, wincing at Mom’s barrage. “This might take a while.”

I shook my head. Mom needed me. She’d said so. I sat down on one of the floral couches and picked up a magazine with a goofy-looking bald baby on the cover. Dad disappeared into the room with the bed.

“Music! Goddammit! Music!” Mom screamed.

“We have some lovely Enya. Very soothing,” the midwife said.

“Fuck Enya!” Mom screamed. “Melvins. Earth. Now!”

“I’ve got it covered,” Dad said. Then he popped a CD of the loudest, churningest, guitar-heaviest music I’d ever heard.

It made all the fast-paced punk songs Dad normally listened to sound like harp music. This music was primal and that seemed to make Mom feel better. She started making these low guttural noises. I just sat there quietly. Every so often she’d scream my name and I’d scamper inside. Mom would look up at me, her face plastered with sweat.

Don’t be scared, she’d whisper. Women can handle the worst kind of pain. You’ll find out one day. Then she’d scream fuck again.

— Я могу позвонить бабушке, и она заберет тебя, — сказал папа, отшатываясь от маминой ширмы. — Это может занять некоторое время.

Я покачала головой: я нужна маме, она так сказала. Потом присела на одну из кушеток в цветочках и взяла журнал с лысым младенцем на обложке, вид у младенца был довольно глупый. Папа убежал в комнатку с кроватью.

— Музыки, черт подери! Музыки! — завопила мама.

— У нас есть прекрасная Эния. Очень успокаивает и расслабляет, — предложила акушерка.

— В жопу Энию! — взвизгнула мама. — «Мелвинз»! «Ерс»! Сейчас же!

— Я все взял, — сказал папа и врубил диск с самой громкой, буйной, перегруженной гитарными аккордами музыкой, какую я когда-либо слышала.

По сравнению с ней все быстрые энергичные песни, которые папа слушал обычно, казались воздушными, словно переборы арфы. Эта музыка была первобытной, и от нее мама, кажется, почувствовала себя лучше. Она начала издавать низкое утробное кряхтение. Я просто сидела молча. Иногда она выкрикивала мое имя, и я вбежала к ней. Мама поднимала на меня глаза, по ее лицу градом лил пот.

— Не бойся, — шептала она, — женщины могут вынести самую адскую боль. Когда-нибудь ты это узнаешь. — И снова кричала: — Твою мать!

I'd seen a couple of births on that cable-TV show, and people usually yelled for a while; sometimes they swore and it had to be bleeped, but it never took longer than half an hour. After three hours, Mom and the Melvins were still screaming along. The whole birthing center felt tropically humid, even though it was forty degrees outside.

Henry dropped by. When he came inside and heard the noise, he froze in his tracks. I knew that the whole kid-thing freaked him out. I'd overheard Mom and Dad talking about that, and Henry's refusal to grow up. He'd apparently been shocked when Mom and Dad had me, and now was completely bewildered that they chose to have a second. They'd both been relieved when he and Willow had gotten back together.

"Finally, a grown-up in Henry's life," Mom had said.

Henry looked at me; his face was pale and sweaty.

"Holy shit, Mee. Should you be hearing this? Should I be hearing this?"

I shrugged. Henry sat down next to me.

"I've got the flu or something, but your Dad just called asking me to bring some food. So here I am," he said, proffering a Taco Bell bag reeking

Я уже два раза видела роды в одной программе по кабельному телевидению, и женщины там обычно некоторое время кричали — иногда ругались, и их заглушали пиканьем, — но это никогда не продолжалось дольше получаса. Через три часа мама и «Мелвинз» орали по-прежнему. Во всем родильном центре стояла тропическая влажная духота, хотя на улице было всего около пяти градусов тепла.

Приехал Генри. Войдя и услышав шум, он застыл как вкопанный. Я знала: все, что касалось детей, приводило его в состояние паники. Я подслушала, как мама с папой говорили об этом и о том, что Генри отказывается взрослеть. Он явно испытал шок, когда у мамы с папой появилась я, а теперь был совершенно обескуражен тем, что они решили завести второго ребенка. Мои родители вздохнули с облегчением, когда Генри и Уиллоу снова сошлись.

«Наконец-то в жизни Генри появился взрослый человек», — сказала тогда мама.

Генри посмотрел на меня; его лицо было бледным и мокрым от пота.

— Черт, Ми. Может, тебе не стоит это слышать? Да и мне, пожалуй, тоже.

Я пожала плечами. Генри плюхнулся рядом со мной.

— У меня грипп или что-то в этом роде, но твой папа позвонил и попросил привезти какой-нибудь еды. И вот я здесь. — Он протянул мне

of onions. Mom let out another moan. "I should go. Don't want me spreading germs or anything." Mom screamed even louder and Henry practically jumped in his seat. "You sure you wanna hang around for this? You can come back to my place. Willow's there, taking care of me." He grinned when he mentioned her name. "She can take care of you, too."

He stood up to leave.

"No. I'm fine. Mom needs me. Dad's kind of freaking out, though."

"Did he puke yet?" Henry asked, sitting back down on the couch.

I laughed, but then saw from his face that he was serious.

"He threw up when you were coming. Almost fainted on the floor. Not that I can blame him. But the dude was a mess, the doctors wanted to kick him out... said they were going to if you didn't come out within a half hour. That got your mom so pissed off she pushed you out five minutes later." Henry smiled, leaning back into the sofa. "So the story goes. But I'll tell you this: He cried like a motherfucking baby when you were born."

"I've heard that part."

"Heard what part?" Dad asked breathlessly. He grabbed the bag from Henry. "Taco Bell, Henry?"

"Dinner of champions," Henry said.

воняющий луком пакет из «Тако белл». Мама испустила еще один стон. — Мне надо идти. Не хочу распространять заразу и все такое. — Мама закричала громче, и Генри прямо подпрыгнул на месте. — Ты уверена, что хочешь здесь тусоваться? Можешь поехать ко мне. Там Уиллоу, она обо мне заботится. — Он улыбнулся, назвав ее имя. — Она и о тебе тоже может позаботиться.

Он встал, собираясь уходить.

— Не надо. Я в порядке. Я нужна маме. Вот только папа, кажется, не в себе.

— Его уже тошнило? — спросил Генри, усаживаясь обратно на кушетку.

Я рассмеялась, но по его лицу поняла, что он не шутит.

— Его вырвало, когда ты рождалась. Он чуть в обморок не грохнулся, прямо на пол, — и я не могу его винить. Парень был совсем никакой, и врачи хотели вытолкать его взащей... сказали, что так и сделают, если ты не выйдешь через полчаса. Твоя мама от этого так перепугалась, что освободилась от тебя через пять минут. — Генри улыбнулся, облокачиваясь на кушетку. — Такие дела. Но я тебе вот что скажу: когда ты родилась, он рыдал, как младенец.

— Эту часть я уже слышала.

— Какую часть слышала? — сдавленным голосом спросил папа, забирая пакет у Генри. — «Тако белл», Генри?

— Обед чемпионов, — ответил тот.

“It’ll do. I’m starving. It’s intense in there. Got to keep up my strength.”

Henry winked at me. Dad pulled out a burrito and offered one to me. I shook my head. Dad had started unwrapping his meal when Mom let out a growl and then started screaming at the midwife that she was ready to push.

The midwife poked her head out the door.

“I think we’re getting close, so maybe you should save dinner for later,” she said. “Come on back.”

Henry practically bolted out the front door. I followed Dad into the bedroom where Mom was sitting now, panting like a sick dog.

“Would you like to watch?” the midwife asked Dad, but he just swayed and turned a pale shade of green.

“I’m probably better up here,” he said, grasping Mom’s hand,

which she violently shook off.

No one asked me if I wanted to watch. I just automatically went to stand next to the midwife. It was pretty gross, I’ll admit. Lots of blood. And I’d certainly never seen my mom so full-on frontal before. But it felt strangely normal for me to be there. The midwife was telling Mom to push, then hold, then push.

“Go baby, go baby, go baby go,” she chanted. “You’re almost there!” she cheered.

— Сойдет. Умираю с голоду. Тут у нас все серьезно. Мне надо поддерживать силы.

Генри подмигнул. Папа вытащил буррито и предложил мне. Я покачала головой. Он начал разворачивать еду, когда мама зарычала и заорала акушерке, что готова тужиться.

Акушерка просунула голову в дверь.

— Похоже, мы уже близко, так что, наверное, вам стоит поесть позже, — сказала она. — Идите обратно.

Генри пулей вылетел из дверей родильного центра. Я пошла вслед за папой в комнату, мама теперь сидела и тяжело дышала, как больная собака.

— Вы хотите посмотреть? — спросила акушерка папу, но он только покачнулся и стал бледно-зеленым.

— Я лучше здесь посижу, — сказал он, хватая маму за руку.

Она яростно отпихнула его.

Меня никто не спросил, хочу ли я посмотреть. Я просто автоматически подошла и встала рядом с акушеркой. Должна признаться, это было довольно отвратительно. Море крови. И я точно раньше никогда не видела свою маму в такой ситуации. Акушерка велела маме тужиться, потом перестать, потом снова тужиться.

«Иди, малютка, иди, малютка, иди, малютка, иди, — распевно тянула она и подбадривала: — Ты уже почти здесь!»

Mom looked like she wanted to smack her.

When Teddy slid out, he was head up, facing the ceiling, so that the first thing he saw was me. He didn't come out squalling like you see on TV. He was just quiet. His eyes were open, staring straight at me. He held my gaze as the midwife suctioned out his nose.

"It's a boy," she shouted. The midwife put Teddy on Mom's belly.

"Do you want to cut the cord?" she asked Dad.

Dad waved his hands no, too overcome or nauseous to speak.

"I'll do it," I offered.

The midwife held the cord taut and told me where to cut. Teddy lay still, his gray eyes wide open, still staring at me.

Mom always said that it was because Teddy saw me first, and because I cut his cord, that somewhere deep down he thought I was his mother.

"It's like those goslings," Mom joked. "Imprinting on a zoologist, not the mama goose, because he was the first one they saw when they hatched."

She exaggerated. Teddy didn't really think I was his mother, but there were certain things that only I could do for him. When he was a baby and going through his nightly fussy period, he'd only calm down after I played him a lullaby on my cello.

Маме, похоже, очень хотелось ей врезать.

Тедди вышел головой вверх, глядя на потолок, так что я оказалась первой, кого он увидел. Он не вопил, как показывают по телевизору. Он просто лежал и молчал. Его открытые глаза смотрели прямо на меня. Он не сводил с меня взгляда, пока акушерка обтирала и прочищала ему нос.

— Мальчик! — воскликнула она и положила Тедди маме на живот.

— Хотите перерезать пуповину? — спросила она папу.

Папа только отмахнулся: ему было слишком трудно что-либо говорить, его тошнило.

— Я это сделаю, — предложила я.

Акушерка натянула пуповину и показала мне, где резать. Тедди лежал спокойно, широко раскрыв серые глаза и по-прежнему глядя на меня.

Мама всегда говорила, будто именно потому, что Тедди первой увидел меня и я перерезала пуповину, он где-то в глубине души считал своей мамой меня.

— Это как у гусят, — шутила мама. — У них происходит импринтинг на зоолога, а не на маму-гусыню, потому что они его первого увидели, когда вылупились.

Она преувеличивала. На самом деле Тедди не считал меня своей мамой, но некоторые вещи для него могла сделать только я. Когда братишка был совсем маленьким и проходил этап вечерних капризов, он успокаивался, только если я игра-

When he started getting into Harry Potter, only I was allowed to read a chapter to him every night. And when he'd skin a knee or bump his head, if I was around he would not stop crying until I bestowed a magic kiss on the injury, after which he'd miraculously recover.

I know that all the magic kisses in the world probably couldn't have helped him today. But I would do anything to have been able to give him one.

10:40 P.M.

I run away.

I leave Adam, Kim, and Willow in the lobby and I just start careening through the hospital. I don't realize I'm looking for the pediatric ward until I get there. I tear through the halls, past rooms with nervous four-year-olds sleeping restlessly before tomorrow's tonsillectomies, past the neonatal ICU with babies the size of fists, hooked up to more tubes than I am, past the pediatric oncology unit where bald cancer patients sleep under cheerful murals of rainbows and balloons. I'm looking for him, even though I know I won't find him. Still, I have to keep looking.

ла ему колыбельную на виолончели. Когда он начал знакомиться с Гарри Поттером, только мне позволялось читать ему новую главу перед сном. И если он обдирал коленку или ушибался головой, а я была поблизости, он не успокаивался, пока я не закрывала ранку волшебным поцелуем, после которого она должна была чудесным образом исцелиться.

Я понимаю, что все волшебные поцелуи мира, наверное, не смогли бы помочь ему сегодня. Но я бы сделала все, что только возможно, чтобы подарить ему этот поцелуй.

22:40

Я убегаяю.

Я оставляю Адама, Ким и Уиллоу в вестибюле и начинаю нарезать круги по больнице. Я не осознаю, что ищу педиатрическое отделение, пока не добираюсь туда. Я бегу по коридорам, мимо палат с капризными четырехлетками, беспокойно спящими перед завтрашней тонзилэктомией; мимо палаты интенсивной терапии для новорожденных, с младенцами размером с кулак, подключенными к еще большему количеству трубок, чем я; мимо педиатрической онкологии, где лысые раковые пациенты спят под жизнерадостными радугами и воздушными шариками, нарисованными на стенах. Я ищу его, пусть даже знаю, что не найду. И все равно мне нужно продолжать искать.

I picture his head, his tight blond curls. I love to nuzzle my face in those curls, have done since he was a baby. I kept waiting for the day when he'd swat me away, say "You're embarrassing me," the way he does to Dad when Dad cheers too loudly at T-ball games. But so far, that hadn't happened. So far, I've been allowed constant access to that head of his. So far. Now there is no more so far. It's over.

I picture myself nuzzling his head one last time, and I can't even imagine it without seeing myself crying, my tears turning his blond curlicues straight.

Teddy is never going to graduate from T-ball to baseball. He's never going to grow a mustache. Never going to get into a fistfight or shoot a deer or kiss a girl or have sex or fall in love or get married or father his own curly-haired child.

I'm only ten years older than him, but it's like I've already had so much more life. It is unfair. If one of us should have been left behind, if one of us should be given the opportunity for more life, it should be him.

I race through the hospital like a trapped wild animal.

Teddy? I call. Where are you? Come back to me!

But he won't. I know it's fruitless. I give up and drag myself back to my ICU. I want to break

Я представляю его головенку, густые светлые кудряшки. Я люблю тыкаться носом в эти кудряшки с тех пор, как братишка был еще младенцем. Я все жду того дня, когда он отпихнет меня и скажет: «Ты меня смущаешь», как говорит папе, когда тот слишком громко болеет за него на детском бейсболе. Но до сих пор этого не случилось, до сих пор у меня был постоянный доступ к его голове. До сих пор. Теперь этого «до сих пор» больше нет. Все кончено.

Я воображаю, как в последний раз зарываюсь носом в его кудри, и даже в воображении не могу не плакать; мои слезы распрямляют светлые завитки.

Тедди никогда не перейдет из детского бейсбола во взрослый. Он никогда не отрастит усы. Никогда не вяжется в драку, не убьет оленя, не поцелует девушку, не займется сексом, не влюбится и не женится, и не станет отцом собственного кудрявого сына.

Я всего на десять лет старше его, но мне как будто уже досталось куда больше жизни. Это нечестно. Если кто-то из нас двоих должен остаться, если кому-то одному дадут возможность пожить подольше — это должен быть он.

Я мечусь по больнице, словно загнанное дикое животное.

«Тедди! — зову я. — Где ты? Вернись ко мне!»

Но он не вернется. Я знаю, что все бесполезно. Я сдаюсь и плетусь обратно к своей палате. Мне

the double doors. I want to smash the nurses' station. I want it all to go away. I want to go away. I don't want to be here. I don't want to be in this hospital. I don't want to be in this suspended state where I can see what's happening, where I'm aware of what I'm feeling without being able to actually feel it. I cannot scream until my throat hurts or break a window with my fist until my hand bleeds, or pull my hair out in clumps until the pain in my scalp overcomes the one in my heart.

I'm staring at myself, at the "live" Mia now, lying in her hospital bed. I feel a burst of fury. If I could slap my own lifeless face, I would.

Instead, I sit down in the chair and close my eyes, wishing it all away. Except I can't. I can't concentrate because there's suddenly so much noise. My monitors are blipping and chirping and two nurses are racing toward me.

"Her BP and pulse ox are dropping," one yells.

"She's tachycardic," the other yells. "What happened?"

"Code blue, code blue in Trauma," blares the PA.

Soon the nurses are joined by a bleary-eyed doctor, rubbing the sleep out of his eyes, which are ringed by deep circles. He yanks down the covers and lifts my hospital gown. I'm naked from the

хочется разбить двойные двери, разнести стол медсестер. Я хочу, чтобы все исчезло. Я не хочу оставаться здесь, в больнице. Я не хочу оставаться в этом подвешенном состоянии, где могу видеть происходящее и осознавать свои ощущения, но не способна по-настоящему их прочувствовать. У меня не получится наораться до хрипоты, или разбить окно кулаком, чтобы из руки потекла кровь, или пучками выдергивать волосы, пока боль в голове не станет сильнее боли в моем сердце.

Сейчас я смотрю на себя, на «живую» Мию, лежащую на больничной кровати, и во мне бужется ярость. Я бы врезала по собственному безжизненному лицу, если бы могла.

Но вместо этого я сажусь на стул и закрываю глаза, желая, чтобы все исчезло. Только не выходит — я не могу сосредоточиться из-за внезапного шума. Мои мониторы пищат и стрекочут, и ко мне бегут две медсестры.

— Давление и кислород в крови падают! — кричит одна.

— Пульс зашкаливает! — вторит другая. — Что случилось?

— Внимание! Срочная реанимация в травме! — ревет громкая связь.

Вскоре к медсестрам присоединяется заспанный врач, под глазами у него темные круги. Он сдергивает простыни и поднимает мою больничную сорочку. Я обнажена ниже пояса, но здесь до

waist down, but no one notices these things here. He puts his hands on my belly, which is swollen and hard. His eyes widen and then narrow into slits.

“Abdomen’s rigid,” he says angrily. “We need to do an ultrasound.”

Nurse Ramirez runs to a back room and then wheels out what looks like a portable laptop with a long white attachment. She squirts some jelly on my stomach, and the doctor runs the attachment over my stomach.

“Damn. Full of fluid,” he says. “Patient had surgery this afternoon?”

“A splenectomy,” Nurse Ramirez replies.

“Could be a missed blood vessel that wasn’t cauterized,” the doctor says. “Or a slow leak from a perforated bowel. Car accident, right?”

“Yes. Patient was medevaced in this morning.”

The doctor flips through my chart.

“Doctor Sorensen was her surgeon. He’s still on call. Page him, get her to the OR. We need to get inside and find out what’s leaking, and why, before she drops any further. Jesus, brain contusions, collapsed lung. This kid’s a train wreck.”

Nurse Ramirez shoots the doctor a dirty look, as if he had just insulted me.

“Miss Ramirez,” the grumpy nurse at the desk scolds. “You have patients of your own to deal with. Let’s get this young woman intubated and

этого никому нет дела. Врач кладет руки мне на живот, раздутый и твердый. Его глаза расширяются, затем сужаются в щелочки.

— Живот твердый, — со злостью говорит он. — Нужно делать УЗИ.

Сестра Рамирес бежит в дальнюю комнату и выкатывает нечто похожее на ноутбук с подсоединенной к нему длинной белой шнуровиной. Она выдавливает немного геля на мой живот, и врач начинает водить по нему этой штукой.

— Черт. Полно жидкости, — говорит он. — У пациентки была операция сегодня днем?

— Спленэктомия, — отвечает сестра Рамирес.

— Может, сосуд не прижгли, — предполагает врач. — Или медленное просачивание из пробитой кишки. Авария?

— Да. Пациентку привезли сегодня утром.

Врач пролистывает мою карту.

— Хирургом был доктор Соренсен. Он еще на дежурстве. Вызовите его и отвезите ее в операционную. Нужно заглянуть внутрь и посмотреть, что там течет и почему, пока ей не стало хуже. Господи боже, контузии мозга, открытый пневмоторакс. Эта девочка — просто тридцать три несчастья.

Мисс Рамирес бросает на врача злобный взгляд, как будто тот оскорбил меня.

— Мисс Рамирес, — брюзжит ворчливая медсестра из-за стола. — У вас есть собственные пациенты, о которых надо заботиться. Помогите

transferred to the OR. That will do her more good than all this dillydallying around!”

The nurses work rapidly to detach the monitors and catheters and run another tube down my throat. A pair of orderlies rush in with a gurney and heave me onto it. I’m still naked from the waist down as they hustle me out, but right before I reach the back door, Nurse Ramirez calls, “Wait!” and then gently closes the hospital gown around my legs. She taps me three times on the forehead with her fingers, like it’s some kind of Morse code message. And then I’m gone into the maze of hallways leading toward the OR for another round of cutting, but this time I don’t follow myself. This time I stay behind in the ICU.

I am starting to get it now. I mean, I don’t totally fully understand. It’s not like I somehow commanded a blood vessel to pop open and start leaking into my stomach. It’s not like I wished for another surgery. But Teddy is gone. Mom and Dad are gone. This morning I went for a drive with my family. And now I am here, as alone as I’ve ever been. I am seventeen years old. This is not how it’s supposed to be. This is not how my life is supposed to turn out.

In the quiet corner of the ICU I start to really think about the bitter things I’ve managed to ignore so far today. What would it be like if I stay?

интубировать девушку и перевезти в операционную. Это ей больше поможет, чем ваше мельтешение!

Медсестры работают быстро: отключают мониторы, отсоединяют катетеры и опять вставляют трубку мне в горло. Вбегают два санитар и перегружают меня на каталку. Я все еще обнажена ниже пояса, когда они поспешно вывозят меня, но не успеваю я доехать до задней двери, как сестра Рамирес кричит: «Подождите!» — и мягко прикрывает мои ноги больничной сорочкой. Она трижды легонько стучит по моему лбу кончиками пальцев, словно это какое-то послание азбукой Морзе. И я уезжаю в лабиринт коридоров, ведущих к операционной. Меня снова будут резать, только на этот раз я не иду за собой. На этот раз я остаюсь в палате интенсивной терапии.

Теперь я начинаю что-то понимать, хотя еще и не все. Вряд ли я скомандовала кровеносному сосуду открыться и начать протекать мне в живот. И вряд ли я хотела еще одного хирургического вмешательства. Но Тедди умер. Мама и папа умерли. Сегодня утром я поехала прокатиться со своей семьей. А теперь я здесь, одинокая как никогда. Мне семнадцать лет. Все должно быть не так. Моя жизнь должна была быть совсем, совсем не такой.

В тихом уголке палаты я начинаю по-настоящему обдумывать горькую правду, которую умудрялась игнорировать весь этот день. Каково

What would it feel like to wake up an orphan? To never smell Dad smoke a pipe? To never stand next to Mom quietly talking as we do the dishes? To never read Teddy another chapter of Harry Potter? To stay without them?

I'm not sure this is a world I belong in anymore. I'm not sure that I want to wake up.

I've only ever been to one funeral in my life and it was for someone I hardly knew.

I might have gone to Great-Aunt Glo's funeral after she died of acute pancreatitis. Except her will was very specific about her final wishes. No traditional service, no burial in the family plot. Instead, she wanted to be cremated and have her ashes scattered in a sacred Native American ceremony somewhere in the Sierra Nevada Mountains. Gran was pretty annoyed by that, by Aunt Glo in general, who Gran said was always trying to call attention to how different she was, even after she was dead. Gran ended up boycotting the ash scattering, and if she wasn't going, there was no reason for the rest of us to.

Peter Hellman, my trombonist friend from conservatory camp, he died two years ago, but I didn't find out until I returned to camp and he wasn't

мне будет, если я останусь? Каково будет очнуться сиротой? Никогда не почувствовать запах папиной трубки? Никогда не встать рядом с мамой, чтобы тихо разговаривать за мытьем посуды? Никогда не прочитать Тедди новую главу «Гарри Поттера»? Остаться без них?

Я не уверена, что это все еще мой мир. Я не уверена, что хочу приходить в себя.

Единственный раз в жизни я была на похоронах, и это были похороны человека, которого я едва знала.

Я могла поехать на похороны двоюродной бабушки Гло, когда она умерла от острого панкреатита. Однако в завещании она весьма своеобразно изложила свою последнюю волю. Никакой традиционной службы, никаких похорон на семейном участке кладбища. Вместо этого она хотела, чтобы ее кремировали, а пепел развеяли в священной индейской церемонии где-то в горах Сьерра-Невада. Бабушку изрядно взбесило и это завещание, и сама тетя Гло — по бабушкиным словам, она всегда старалась привлечь внимание к своей непохожести на других, даже после смерти. В конце концов бабушка решила бойкотировать рассеивание пепла, а раз она не собиралась ехать, то нам, остальным, тем более не было смысла.

Питер Хеллман, мой друг-тромбонист из музыкального лагеря, умер два года назад, но я узнала об этом, только когда вернулась в лагерь

there. Few of us had known that he'd had lymphoma. That was the funny thing about conservatory camp; you got so close with the people over the summer, but it was some unwritten rule that you didn't keep in touch during the rest of the year. We were summer friends. Anyhow, we had a memorial concert at camp in Peter's honor, but it wasn't really a funeral.

Kerry Gifford was a musician in town, one of Mom and Dad's people. Unlike Dad and Henry, who as they got older and had families became less music performers than music connoisseurs, Kerry stayed single and stayed faithful to his first love: playing music. He was in three bands and he earned his living doing the sound at a local club, an ideal setup because at least one of his bands seemed to play there every week, so he just had to hop up on the stage and let someone take the controls for his set, though sometimes you'd see him jumping down in the middle of a set to adjust the monitors himself. I had known Kerry when I was little and would go to shows with Mom and Dad and then I sort of remet him when Adam and I got together and I started going to shows again.

He was at work one night, doing the sound for a Portland band called Clod, when he just keeled over on the soundboard. He was dead by the

и не нашла его там. Мало кто знал, что у него лимфома. Забавно: в музыкальном лагере ты очень сильно сближался с людьми за лето, но по какому-то неписаному правилу никто не поддерживал связь в остальное время. Мы были летними друзьями. Конечно, у нас в лагере устроили мемориальный концерт в честь Питера, но это не были настоящие похороны.

Керри Гиффорд был музыкантом из нашего городка, одним из родительских приятелей. В отличие от папы и Генри, которые, став старше и обзаведясь семьями, начали меньше играть и больше слушать, Керри оставался одиночкой, верным своей первой любви: музицированию. Он играл в трех группах и зарабатывал на жизнь, отстраивая звук в местном клубе. Идеальный расклад: ведь каждую неделю там играла хотя бы одна из его команд — так что во время своего выступления ему нужно было только выскочить на сцену и поручить кому-нибудь последить за пультом, хотя частенько случалось, что он соскакивал со сцены в перерыве между песнями, чтобы самому подкрутить мониторы. Я знала Керри с раннего детства и ходила на его концерты с родителями, а потом как бы познакомилась заново, когда мы стали встречаться с Адамом, и снова начала приходить его слушать.

Однажды вечером он был на работе — настраивал звук для портлендской группы «Клод» — и просто повалился грудью на пульт. К приезду

time the ambulance got there. A freak brain aneurysm.

Kerry's death caused an uproar in our town. He was kind of fixture around here, an outspoken guy with a big personality and this mass of wild white-boy dreadlocks. And he was young, only thirty-two. Everyone we knew was planning on going to his funeral, which was being held in the town where he grew up, in the mountains a couple of hours' drive away. Mom and Dad were going, of course, and so was Adam. So even though I felt a little bit like an impostor crashing someone's death day, I decided to go along. Teddy stayed with Gran and Gramps.

We caravanned to Kerry's hometown with a bunch of people, squeezing into a car with Henry and Willow, who was so pregnant the seat belt wouldn't fit over her bump. Everyone took turns telling funny stories about Kerry. Kerry the avowed left-winger who decided to protest the Iraq war by getting a bunch of guys to dress up in drag and go down to the local army recruiting office to enlist. Kerry the atheist curmudgeon, who hated how commercialized Christmas had become and so threw an annual Merry Anti-Christmas Celebration at the club, where he held a contest for which band could play the most distorted versions of Christmas carols. Then he invited everyone to throw all their crappy presents into a big pile in the middle of the club. And contrary to local lore, Kerry did

«Скорой» он уже был мертв. Дурацкая аневризма мозга.

Смерть Керри всколыхнула весь наш город. Он был здесь своего рода постоянной величиной: яркая личность, искренний, открытый, энергичный парень, всеобщий любимчик с копной белобрысых дредов. И он был молод, всего тридцать два. Все наши знакомые собирались на его похороны, которые проводились в его родном горном городке, в двух часах езды. Мама с папой, конечно, ехали, и Адам тоже. Так что, хотя я чувствовала себя самозванкой, без спросу влезающей в чужой смертный день, я решила тоже поехать. Тедди остался с бабушкой и дедушкой.

В родной город Керри отправился целый караван машин. Мы четверо втиснулись к Генри и Уиллоу, у которой был такой срок беременности, что на ее животе не застегивался ремень безопасности. Все по очереди рассказывали смешные истории об усопшем. Про то, как Керри, известный левый радикал, решил протестовать против войны в Ираке. Он собрал группу парней, и все они, вырядившись в женские платья, отправились на местный вербовочный пункт, чтобы записаться в армию. Или про то, как Керри, брюзгу-атеиста, бесил тот факт, что Рождество превратилось в источник наживы, и потому он ежегодно проводил Веселый антирождественский праздник у себя в клубе и устраивал конкурс на исполнение самых извращенных версий

not burn the stuff in a bonfire; Dad told me that he donated it to St. Vincent de Paul.

As everyone talked about Kerry, the mood in the car was fizzy and fun, like we were going to the circus, not a funeral. But it seemed right, it seemed true to Kerry, who was always overflowing with frenetic energy.

The funeral, though, was the opposite. It was horribly depressing — and not just because it was for someone who'd died tragically young and for no particular reason aside from some bad arterial luck. It was held in a huge church, which seemed strange considering Kerry was an outspoken atheist, but that part I could understand. I mean where else do you have a funeral? The problem was the service itself. It was obvious that the pastor had never even met Kerry because when he talked about him, it was generic, about what a kind heart Kerry had and how even though it was sad that he was gone, he was getting his “heavenly reward.”

And instead of having eulogies from his bandmates or the people in town who he'd spent the last fifteen years with, some uncle from Boise got up and talked about teaching Kerry how to ride a bike

рождественских гимнов. Затем он предлагал всем сбросить их дрянные подарки в большую кучу посреди клуба. Но вопреки местному обычаю Керри не сжигал их на костре — папа рассказал, что он отвозил все это в благотворительную организацию имени святого Венсана де Поля в качестве пожертвования.

Пока все говорили о Керри, атмосфера в машине была легкой и веселой, как будто мы ехали в цирк, а не на похороны. Но это казалось правильным, в самый раз для Керри, в котором всегда бурлила неистовая энергия.

Однако сами похороны получились совсем иными. Церемония была ужасно тоскливой — и не потому, что хоронили человека, трагически умершего молодым из-за какой-то артериальной ерунды. Прощание проходило в огромной церкви, что казалось странным, ведь Керри был убежденным атеистом, но это я еще могла понять. В общем-то, где же еще устраивать прощание? Меня больше удивила сама служба. Пастор, очевидно, никогда даже не встречался с Керри, потому что в своей речи произносил одни только общие фразы — о добром сердце усопшего и о том, что, несмотря на его печальный уход, он получает сейчас свою «небесную награду».

Никто не дал слова ни друзьям-музыкантам покойного, ни жителям города, где Керри провел последние пятнадцать лет. Вместо этого встал какой-то дядя из Бойсе и начал рассказывать, как

when he was six, like learning to ride a bike was the defining moment in Kerry's life. He concluded by reassuring us that Kerry was walking with Jesus now. I could see my mom getting red when he said that, and I started to get a little worried that she might say something. We went to church sometimes, so it's not like Mom had anything against religion, but Kerry totally did and Mom was ferociously protective of the people she loved, so much that she took insults upon them personally. Her friends sometimes called her Mama Bear for this reason. Steam was practically blowing out of Mom's ears by the time the service ended with a rousing rendition of Bette Midler's "Wind Beneath My Wings."

"It's a good thing Kerry's dead, because that funeral would've sent him over the edge," Henry said. After the church service, we'd decided to skip the formal luncheon and had gone to a diner.

"'Wind Beneath My Wings'?" Adam asked, absentmindedly taking my hand into his and blowing on it, which is what he did to warm my perpetually cold fingers. "What's wrong with 'Amazing Grace'? It's still traditional—"

"But doesn't make you want to puke," Henry interjected. "Or better yet, 'Three Little Birds' by Bob Marley. That would have been a more Kerry-worthy song. Something to toast the guy he was."

учил шестилетнего Керри ездить на велосипеде, как будто овладение велосипедом стало решающим моментом в жизни его племянника. Закончил он уверениями, что Керри сейчас шествует с Иисусом. Я заметила, как моя мама налилась краской при этих словах, и немного забеспокоилась, как бы она чего не сказала. Мы иногда ходили в церковь, так что мама вроде бы не имела ничего против религии. Зато имел Керри, причем по полной программе, а мама яростно защищала людей, которых любила, и оскорбления в их адрес принимала близко к сердцу. Друзья иногда называли ее за это «Мать-медведица». У мамы уже практически шел пар из ушей к тому времени, как служба окончилась тошнотворным переложением песни Бетт Мидлер «Wind Beneath My Wings».

— Хорошо, что Керри умер, потому что эти похороны его уж точно добили бы, — высказался Генри. После церковной службы мы решили пропустить официальный обед и отправились в недорогой ресторанчик.

— «Wind Beneath My Wings»? — удивился Адам, рассеянно взяв мою руку и дуя на нее. Он часто так делал, чтобы согреть мои вечно холодные пальцы. — А почему не «Amazing Grace»? Она все-таки традиционная...

— Но не вызывает тошноту, — перебил Генри. — А лучше бы сыграли «Three Little Birds» Боба Марли. Вот это было бы более достойно Керри и показало бы, каким парнем он был.

“That funeral wasn’t about celebrating Kerry’s life,” Mom growled, yanking at her scarf. “It was about repudiating it. It was like they killed him all over again.”

Dad put a calming hand over Mom’s clenched fist.

“Now come on. It was just a song.”

“It wasn’t just a song,” Mom said, snatching her hand away. “It was what it represented. That whole charade back there. You of all people should understand.”

Dad shrugged and smiled sadly.

“Maybe I should. But I can’t be angry with his family. I imagine this funeral was their way of reclaiming their son.”

“Please,” Mom said, shaking her head. “If they wanted to claim their son, why didn’t they respect the life he chose to live? How come they never came to visit? Or supported his music?”

“We don’t know what they thought about all that,” Dad replied. “Let’s not judge too harshly. It has to be heart-breaking to bury your child.”

“I can’t believe you’re making excuses for them,” Mom exclaimed.

“I’m not. I just think you might be reading too much into a musical selection.”

“And I think you’re confusing being empathetic with being a pushover!”

— Эти похороны вовсе не восхваляли жизнь Керри, — прорычала мама, дергая свой шарф. — Они отвергали ее. Как будто убивали его снова.

Папа мягко положил руку на мамин сжатый кулак.

— Ну, успокойся. Это была всего лишь песня.

— Это была не всего лишь песня, — возразила мама, отдергивая руку, — а то, что она олицетворяла: весь этот фарс. Ты-то должен это понимать.

Папа пожал плечами и печально улыбнулся.

— Может, и должен. Но я не могу злиться на его родных. Думаю, эти похороны были их попыткой вернуть сына.

— Не надо, — сказала мама, качая головой. — Если они хотели вернуть сына, почему им было не уважить жизнь, которую он выбрал? Почему они никогда не приезжали его навестить? Не поддерживали его музыку?

— Мы не знаем, что они думали обо всем этом, — ответил папа. — Давай не будем судить слишком резко. Наверное, ужасно тяжело хоронить своего ребенка.

— Поверить не могу, что ты ищешь им оправдание, — возмутилась мама.

— Я и не ищу. Просто думаю, что выбор музыки не может служить основанием для таких выводов.

— А я думаю, сочувствовать и быть размазней — это разные вещи!

Dad's wince was barely visible, but it was enough to make Adam squeeze my hand and Henry and Willow exchange a look. Henry jumped in, to Dad's rescue, I think.

"It's different for you, with your parents," he told Dad. "I mean they're old-fashioned but they always were into what you did, and even in your wildest days, you were always a good son, a good father. Always home for Sunday dinner."

Mom guffawed, as if Henry's statement had proven her point. We all turned to her, and our shocked expressions seemed to snap her out of her rant.

"Clearly I'm just emotional right now," she said.

Dad seemed to understand that was as much an apology as he was going to get right now. He covered her hand with his and this time she didn't snatch it away.

Dad paused, hesitating before speaking. "I just think that funerals are a lot like death itself. You can have your wishes, your plans, but at the end of the day, it's out of your control."

"No way," Henry said. "Not if you make your wishes known to the right people." He turned to Willow and spoke to the bump in her belly. "So listen up, family. At my funeral no one is allowed to wear black. And for music, I want something poppy

Папина гримаса была едва заметна, но этого хватило, чтобы Адам сжал мою руку, а Генри с Уиллоу обменялись взглядами. Генри тогда пришел папе на выручку.

— У него с родителями не так, как у тебя, — сказал он. — То есть твои, конечно, старомодны, но они всегда поддерживали то, что ты делал, и даже в самые сумасбродные годы ты был хорошим сыном и хорошим отцом. Всегда дома, на воскресном обеде.

Мама заржала, как будто слова Генри подтвердили ее точку зрения. Мы все повернулись к ней, и наши ошарашенные лица, похоже, привели ее в чувство.

— Просто я здорово расстроилась, — сказала она.

Папа, видимо, понял, что других извинений прямо сейчас не дождется. Он накрыл ее ладонь своей, и на этот раз мама его не оттолкнула.

— Я просто думаю, — неуверенно заговорил он после короткого молчания, — что похороны очень похожи на саму смерть. У тебя могут быть какие-то пожелания, какие-то планы, но в конце концов ты уже ничего не контролируешь.

— Еще чего! — возразил Генри. — Просто надо сообщить о своих пожеланиях правильным людям. — Он повернулся к Уиллоу и заговорил в ее огромный живот: — Итак, слушайте, семья. На моих похоронах никому нельзя быть в чер-

and old-school, like Mr. T Experience.” He looked up at Willow. “Got that?”

“Mr. T Experience. I’ll make sure of it.”

“Thanks, and what about you, honey?” he asked her.

Without missing a beat, Willow said:

“Play ‘P.S. You Rock My World’ by the Eels. And I want one of those green funerals where they bury you in the ground under a tree. So the funeral itself would be in nature. And no flowers. I mean, give me all the peonies you want when I’m alive, but once I’m dead, better to give donations on my behalf to a good charity like Doctors Without Borders.”

“You’ve got all the details figured out,” Adam said. “Is that a nurse thing?”

Willow shrugged.

“According to Kim, that means you’re deep,” I said. “She says that the world is divided into the people who imagine their own funerals and the people who don’t, and that smart and artistic people naturally fall into the former category.”

“So which are you?” Adam asked me.

“I’d want Mozart’s Requiem,” I said. I turned to Mom and Dad. “Don’t worry, I’m not suicidal or anything.”

ном. А музыку я хочу какую-нибудь веселенькую и старомодную. Например, «Мистер Ти Экспириенс». — Он поднял глаза на Уиллоу. — Поняли?

— «Мистер Ти Экспириенс». Я позабочусь об этом.

— Спасибо, а чего хочешь ты, дорогая? — спросил ее Генри.

Не медля ни секунды, Уиллоу ответила:

— Поставь «Илз», песню «P. S. You Rock My World». И я хочу такую зеленую церемонию, когда хоронят под деревом. Так что сами похороны должны быть на природе. И никаких цветов. То есть тащи мне сколько угодно пионов, пока я жива, но когда умру, лучше отправь от моего имени пожертвование в какую-нибудь хорошую благотворительную организацию вроде «Врачей без границ».

— Вы уже все продумали, — восхитился Адам. — Все медсестры так делают?

Уиллоу пожала плечами.

— Если верить Ким, это означает, что ты очень глубокий человек, — сказала я. — Она говорит, мир делится на тех, кто представляет собственные похороны, и тех, кто нет, а умные и художественно одаренные люди естественным образом попадают в первую категорию.

— А ты в какой? — спросил меня Адам.

— Я хочу «Реквием» Моцарта, — сказала я и повернулась к родителям: — Не волнуйтесь, я не самоубийца, ничего такого.

“Please,” Mom said, her mood lightening as she stirred her coffee. “When I was growing up I’d have elaborate fantasies about my funeral. My deadbeat father and all the friends who’d wronged me would weep over my casket, which would be red, naturally, and they’d play James Taylor.”

“Let me guess,” Willow said. “‘Fire and Rain’?”

Mom nodded and she and Willow started laughing and soon everyone at the table was cracking up so hard that tears ran down our faces. And then we were crying, even me, who didn’t know Kerry all that well. Crying and laughing, laughing and crying.

“So what now?” Adam asked Mom when we’d calmed down. “Still harbor a soft spot for Mr. Taylor?”

Mom stopped and blinked hard, which is what she does when she’s thinking about something. Then she reached over to stroke Dad’s cheek, a rare demonstration of PDA.

“In my ideal scenario, my bighearted push-over husband and I die quickly and simultaneously when we’re ninety-two years old. I’m not sure how. Maybe we’re on a safari in Africa—’cause in the future, we’re rich; hey, it’s my fantasy — and we come down with some exotic sickness and go to sleep one night feeling fine and then never wake up. And no James Taylor. Mia plays at our funeral.

— Ой, да ладно, — сказала мама, помещивая свой кофе. Ее настроение улучшалось на глазах. — Пока я росла, я много фантазировала о своих похоронах. Мой лодырь-папаша и приятели, которые плохо со мной обращались, будут рыдать над моим гробом — естественно, красным, — а играть будет Джеймс Тейлор.

— Дай-ка угадаю, — вмешалась Уиллоу. — «Fire and Rain»?

Мама кивнула, они с Уиллоу рассмеялись, и скоро все за столиком покатывались со смеху, да так, что слезы текли по щекам. А потом мы плакали, даже я, зная Керри не слишком хорошо. Плакали и смеялись, смеялись и плакали.

— А что теперь? — спросил Адам маму, когда мы успокоились. — Все еще приберегаете теплое местечко для мистера Тейлора?

Мама заморгала, как всегда делала, раздумывая о чем-то. Потом повернулась к папе и погладила его по щеке. Они редко проявляли свои чувства на людях.

— В моем идеальном сценарии мы с моим добрым глупым мужем умираем одновременно и быстро, когда нам по девятисто два года. Я не знаю, точно как. Может быть, в Африке, на сафари — потому что в будущем мы богаты; а что такого, это же моя фантазия. Так вот, нас подкашивает какая-нибудь экзотическая болезнь, и однажды вечером мы засыпаем, прекрасно се-

If, that is, we can tear her away from the New York Philharmonic.”

Dad was wrong. It's true you might not get to control your funeral, but sometimes you do get to choose your death. And I can't help thinking that part of Mom's wish did come true. She went with Dad. But I won't be playing at her funeral. It's possible that her funeral will also be mine. There's something comforting in that. To go down as a family. No one left behind. That said, I can't help thinking Mom would not be happy about this. In fact, Mama Bear would be absolutely furious with the way events are unfolding today.

2:48 A.M.

I'm back where I started. Back in the ICU. My body, that is. I've been sitting here all along, too tired to move. I wish I could go to sleep. I wish there was some kind of anesthesia for me, or at least something to make the world shut up. I want to be like my body, quiet and lifeless, putty in someone else's hands. I don't have the energy for this decision. I don't want this anymore. I say it out loud. I don't want this. I look around the ICU, feeling kind of ridiculous. I doubt all the other messed-up people in the ward are exactly thrilled to be here, either.

бя чувствуя, но уже не просыпаемся. И никакого Джеймса Тейлора. На наших похоронах будет играть Мия. Если, конечно, удастся вытащить ее из нью-йоркской филармонии.

Папа ошибся. Да, нельзя контролировать собственные похороны, но иногда можно выбирать смерть. И я невольно признаю, что часть маминого желания и вправду сбылась: она ушла вместе с папой. Но я не буду играть на ее похоронах. Возможно, ее похороны также будут и моими. В этом есть что-то умиротворяющее: уйти всей семьей, никого не оставить. Однако меня не покидает мысль, что мама не обрадовалась бы такому исходу. По правде говоря, Мать-медведица пришла бы в дикую ярость от того, как сегодня разворачиваются события.

02.48

Я вернулась туда, где все началось: в палату интенсивной терапии. Точнее, мое тело. Я-то все время сидела здесь, слишком уставшая, чтобы двигаться. Мне очень хотелось бы заснуть. А еще лучше — чтобы нашелся какой-нибудь наркоз или другое средство, отгородившее меня от этого мира. Я хочу стать такой же, как мое тело, тихой и безжизненной, послушной куклой в чьих-то руках. У меня нет сил решать. Я больше не хочу всего этого. Я говорю вслух: «Я этого не хочу». Потом оглядываю палату и понимаю всю нелепость

My body wasn't gone from the ICU for too long. A few hours for surgery. Some time in the recovery room. I don't know exactly what's happened to me, and for the first time today, I don't really care. I shouldn't have to care. I shouldn't have to work this hard. I realize now that dying is easy. Living is hard.

I'm back on the ventilator, and once again there's tape over my eyes. I still don't understand the tape. Are the doctors afraid that I'll wake up mid-surgery and be horrified by the scalpels or blood? As if those things could faze me now. Two nurses, the one assigned to me and Nurse Ramirez, come over to my bed and check all my monitors. They call out a chorus of numbers that are as familiar to me now as my own name: BP, pulse ox, respiratory rate. Nurse Ramirez looks like an entirely different person from the one who arrived here yesterday afternoon. The makeup has all rubbed off and her hair is flat. She looks like she could sleep standing up. Her shift must be over soon. I'll miss her but I'm glad she'll be able to get away from me, from this place. I'd like to get away, too. I think I will. I think it's just a matter of time — of figuring out how to let go.

своих слов. Неужели кто-нибудь из этих изуверченных людей в восторге от пребывания здесь?

Мое тело отсутствовало в палате не так уж долго: два часа операции плюс некоторое время в послеоперационной. Я не знаю точно, что со мной было, и впервые сегодня меня это абсолютно не волнует. И не обязано волновать. Мне не должно быть так тяжело. Теперь я понимаю: умирать легко. Жить трудно.

Меня опять подключили к аппарату искусственного дыхания, и на моих глазах новая лента пластыря. Я никак не могу понять, зачем. Неужели врачи опасаются, что я очнусь посреди операции и приду в ужас от скальпелей и крови? Как будто такие вещи могут расстроить меня теперь. К моей кровати подходят две медсестры — приписанная ко мне и сестра Рамирес. Они проверяют все мониторы. Нескончаемым рефреном звучат в их устах показатели, уже знакомые мне, как собственное имя: артериальное давление, кислород в крови, частота дыхательных движений. Сестра Рамирес теперь совершенно не похожа на ту женщину, которая вошла сюда вчера днем. Макияж весь стерся, волосы опали. Ее смена, должно быть, скоро закончится. Я буду скучать по ней, но хорошо, что она сможет уйти подальше от меня и этого места. Я бы тоже хотела уйти. Думаю, я и уйду. Наверняка это только вопрос времени — нужно понять, как отпустить саму себя.

I haven't been back in my bed fifteen minutes when Willow shows up. She marches through the double doors and goes to speak to the one nurse behind the desk. I don't hear what she says, but I hear her tone: it's polite, soft-spoken, but leaving no room for questions. When she leaves the room a few minutes later, there's a change in the air. Willow's in charge now. The grumpy nurse at first looks pissed off, like Who is this woman to tell me what to do? But then she seems to resign, to throw her hands up in surrender. It's been a crazy night. The shift is almost over. Why bother? Soon, me and all of my noisy, pushy visitors will be somebody else's problem.

Five minutes later, Willow is back, bringing Gran and Gramps with her. Willow has worked all day and now she is here all night. I know she doesn't get enough sleep on a good day. I used to hear Mom give her tips for getting the baby to sleep through the night.

I'm not sure who looks worse, me or Gramps. His cheeks are sallow, his skin looks gray and papery, and his eyes are bloodshot. Gran, on the other hand, looks just like Gran. No sign of wear and tear on her. It's like exhaustion wouldn't dare mess with her. She bustles right over to my bed.

"You've sure got us on a roller-coaster ride today," Gran says lightly. "Your mom always said she couldn't believe what an easy girl you were and

Я и пятнадцати минут не провела в своей кровати, когда в дверях возникает Уиллоу. Она решительно входит в палату и направляется к медсестре за столом. Я не слышу ее слов, только тон: вежливый, мягкий, но не допускающий вопросов и сомнений. Когда через несколько минут она уходит, в атмосфере что-то меняется. Теперь за меня отвечает Уиллоу. Ворчливая медсестра сначала возмущается: мол, да кто она такая, чтобы указывать мне, что делать? — но потом подчиняется и покорно поднимает руки. Ночь была безумно тяжелая. Смена почти закончилась. Зачем же беспокоиться? Скоро я и все мои шумные наглые посетители перестанут быть ее проблемой.

Через пять минут Уиллоу возвращается, с ней бабушка и дедушка. Уиллоу проработала весь день и провела здесь всю ночь. Я знаю, она и так редко высыпается. Помню, мне приходилось слышать, как мама давала ей советы, что нужно сделать, чтобы ребенок не просыпался до утра.

Не знаю, кто выглядит хуже — я или дедушка. Его щеки приобрели землистый оттенок, кожа кажется серой и сухой, как пергамент. А вот бабушка ничуть не изменилась. По ее лицу невозможно сказать, что она плакала и провела бессонную ночь. Усталость словно боится коснуться ее. Бабушка спешит напрямик к моей кровати.

— Ну и натерпелись мы с тобой страху сегодня, — беззаботно щебечет она. — Будто на русских горках прокатились. Твоя мама всегда удив-

I remember telling her, ‘Just wait until she hits puberty.’ But you proved me wrong. Even then you were such a breeze. Never gave us any trouble. Never the kind of girl to make my heart race in fear. You made up for a lifetime of that today.”

“Now, now,” Gramps says, putting a hand on her shoulder.

“Oh, I’m only kidding. Mia would appreciate it. She’s got a sense of humor, no matter how serious she sometimes seems. A wicked sense of humor, this one.”

Gran pulls the chair up next to my bed and starts combing through my hair with her fingers. Someone has rinsed it out, so, while it’s not exactly clean, it’s not caked with blood, either. Gran starts untangling my bangs, which are about chin length. I’m forever cutting bangs, then growing them. It’s about as radical a makeover as I can give myself. She works her way down, pulling the hair out from under the pillow so it streams down my chest, hiding some of the lines and tubes connected to me.

“There, much better,” she says. “You know, I went outside for a walk today and you’ll never guess what I saw. A crossbill. In Portland in February. Now, that’s unusual. I think it’s Glo. She always had a soft spot for you. Said you reminded

лялась — мол, какой спокойный ребенок растет, а я ей отвечала: «Вот подожди, пока она в подростковый возраст войдет». Но я ошибалась — даже и тогда с тобой было легко. Никогда ты не причиняла нам хлопот. Никогда мое сердце не болело от страха за тебя. Но уж сегодня ты за всю жизнь отыгралась.

— Ну, ну, — говорит бабушка, кладя руку бабушке на плечо.

— Ой, да я же шучу. Мие бы понравилось. Хотя иногда она и кажется чересчур серьезной, у нее есть чувство юмора. Причем превосходное.

Бабушка придвигает стул к моей кровати и начинает пальцами расчесывать мне волосы. Кто-то их промыл, так что теперь они хоть и не совсем чистые, но уже не слипшиеся от крови. Бабушка распутывает мою челку, сейчас она длиной до подбородка. Я все время то отрачиваю челку, то стригу ее. Это чуть ли не самое радикальное изменение внешности, какое я себе позволяю. Бабушка продолжает свою работу, вытаскивая волосы из-под подушки, так что они ложатся мне на грудь, скрывая часть проводов и трубочек, подсоединенных ко мне.

— Вот так-то лучше, — говорит бабушка. — Знаешь, вышла я сегодня прогуляться, и в жизни не угадаешь, что увидела. Клеста. В Портленде, в феврале. Вот уж это необычно. Я думаю, это Гло. Сестрица всегда питала к тебе слабость.

her of your father, and she adored him. When he cut his first crazy Mohawk hairdo, she practically threw him a party. She loved that he was rebellious, so different. Little did she know your father couldn't stand her. She came to visit us once when your dad was around five or six, and she had this ratty mink coat with her. This was before she got all into the animal rights and crystals and the like. The coat smelled terrible, like mothballs, like the old linens we kept in a trunk in the attic, and your father took to calling her 'Auntie Trunk Smell.' She never knew that. But she loved that he'd rebelled against us, or so she thought, and she thought it was something that you rebelled all over again by becoming a classical musician. Though much as I tried to tell her that it wasn't the way it was, she didn't care. She had her own ideas about things; I suppose we all do."

Gran twitters on for another five minutes, filling me in on mundane news: Heather has decided she wants to become a librarian. My cousin Matthew bought a motorcycle and my aunt Patricia is not pleased about that. I've heard her keep up a running stream of commentary like this for hours while she's cooking dinner or potting orchids. And listening to her now, I can almost picture us in her greenhouse, where even in winter, the air is always

Говорила, ты напоминаешь ей твоего отца, а его она обожала. Когда он сделал себе первый безумный ирокез, Гло ему чуть ли не вечеринку закатила. Ей нравилось, что он бунтарь, что он так не похож на всех. И она знать не знала, что твой папа ее терпеть не мог. Гло как-то приехала нас навестить, когда твоему папе было лет пять-шесть, и приволокла с собой свою древнюю норковую шубу. Это было еще до того, как она занялась защитой прав животных, хрустальными безделушками и всем таким. Шуба ужасно воняла шариками от моли, словно старые простыни, которые мы держали в сундуке на антресолях; и твой папа стал называть ее «Тетя из сундука». Она-то никогда об этом не узнала. Но ей нравилось, что он бунтует против нас, — так Гло думала, она решила, что и ты тоже бунтуешь, раз занялась классической музыкой. И как я ни старалась переубедить ее, она и слушать не хотела. У нее были собственные представления обо всем — наверное, как и у всех нас.

Бабушка продолжает щебетать еще минут пять, вводя меня в курс последних семейных новостей. Хедер решила стать библиотекарем. Мой двоюродный брат Мэтью купил мотоцикл, и тетя Патрисия этому не рада. Я вспоминаю, как бабушка могла часами без умолку выдавать подобные тирады, когда готовила обед или пересаживала орхидеи. И, слушая ее родной голос сейчас, я почти вижу ее в оранжерее, где даже зимой воз-

warm and humid and smells musty and earthy like soil with the slightest tinge of manure. Gran hand-collects cowshit, “cow patties,” she calls them, and mixes them in with mulch to make her own fertilizer. Gramps thinks she should patent the recipe and sell it because she uses it on her orchids, which are always winning awards.

I try to meditate on the sound of Gran’s voice, to be carried away by her happy babble. Sometimes I can almost fall asleep while sitting on the bar stool at her kitchen counter and listening to her, and I wonder if I could do that here today. Sleep would be so welcome. A warm blanket of black to erase everything else. Sleep without dreams. I’ve heard people talk about the sleep of the dead. Is that what death would feel like? The nicest, warmest, heaviest never-ending nap? If that’s what it’s like, I wouldn’t mind. If that’s what dying is like, I wouldn’t mind that at all.

I jerk myself up, a panic destroying whatever calm listening to Gran had offered. I am still not entirely clear on the particulars here, but I do know that once I fully commit to going, I’ll go. But I’m not ready. Not yet. I don’t know why, but I’m not. And I’m a little scared that if I accidentally think, I wouldn’t mind an endless nap, it will happen and be irreversible, like the way my grandparents used to warn me that if I made a funny

дух всегда теплый и влажный, а запахи землистые и гниловатые, как почва с легким оттенком перегноя. Бабушка собирает навоз — «коровьи пирожки», как она их называет — и смешивает его с соломой, делая собственное удобрение. Дедушка полагает, что ей следует запатентовать рецепт и продавать его, потому что она удобряет своим изобретением орхидеи и те всегда побеждают на выставках.

Я пытаюсь медитировать под звук бабушкиного голоса, чтобы меня унесло потоком ее веселой болтовни. Иногда я почти засыпаю под этот аккомпанемент, сидя на высоком стуле за стойкой у нее на кухне, — интересно, получится ли сегодня. Я была бы так рада уснуть. Теплое одеяло черноты, стирающее все остальное. Сон без сновидений. Я не раз слышала выражение «мертвый сон». Не такой ли будет смерть? Прекраснейшая, теплейшая, глубочайшая, нескончаемая дрема? Если это так, то я не против. Если умирание похоже на засыпание, я совсем не буду против.

Я вздрагиваю — страх вмиг рушит зыбкий покой, навешанный бабушкиным щебетанием. Я еще не во всем разобралась, но знаю одно: когда я твердо решу уйти, я уйду. Но пока я не готова. Не знаю почему, но не готова. И мне немного страшно даже случайно подумать: «Я не против заснуть навечно». Когда-то в детстве бабушка с дедушкой сказали мне: если скорчить рожу, когда часы бьют полдень, останешься таким на-

face as the clock struck noon, it would remain like that forever.

I wonder if every dying person gets to decide whether they stay or go. It seems unlikely. After all, this hospital is full of people having poisonous chemicals pumped into their veins or submitting to horrible operations all so they can stay, but some of them will die anyway.

Did Mom and Dad decide? It hardly seems like there would have been time for them to make such a momentous decision, and I can't imagine them choosing to leave me behind. And what about Teddy? Did he want to go with Mom and Dad? Did he know that I was still here? Even if he did, I wouldn't blame him for choosing to go without me. He's little. He was probably scared. I suddenly picture him alone and frightened, and for the first time in my life, I hope that Gran is right about the angels. I pray they were all too busy comforting Teddy to worry about me.

Why can't someone else decide this for me? Why can't I get a death proxy? Or do what baseball teams do when it's late in the game and they need a solid batter to bring the guys on base home? Can't I have a pinch hitter to take me home?

всегда. А что, если и теперь уже ничего нельзя будет исправить?

Неужели каждому умирающему человеку приходится решать, остаться или уйти? Как-то сомнительно. В конце концов, в этой больнице полно людей, которых подвергают ужасным операциям, закачивают им в вены ядовитые химикаты — и все для того, чтобы они смогли остаться, но некоторые из них все равно умрут.

Выбирали ли мама и папа? Вряд ли у них было время на такое важное решение, и я не могу себе представить, чтобы они выбрали уйти и бросить меня. А как же Тедди? Хотел ли он уйти с мамой и папой? Знал ли он, что я все еще здесь? Даже если знал, я бы не стала винить его, что он решил уйти без меня. Он маленький. Наверное, ему было страшно. Я внезапно представляю его одиноким, перепуганным — и впервые в жизни надеюсь, что бабушкины ангелы существуют. Я молюсь, чтобы все они занялись утешением Тедди и не беспокоились обо мне.

Почему кто-то другой не может решить за меня? Почему мне нельзя поручить это кому-нибудь, выдать доверенность на смерть? Или поступить так, как в бейсбольных командах, когда игра уже близка к финалу и нужен мощный отбивающий, чтобы вернуть игроков «домой»? Не могу ли я провести замену подающего, чтобы он вернул меня домой?

Gran is gone. Willow is gone. The ICU is tranquil. I close my eyes. When I open them again, Gramps is there. He's crying. He's not making any noise, but tears are cascading down his cheeks, wetting his entire face. I've never seen anyone cry like this. Quiet but gushing, a faucet behind his eyes mysteriously turned on. The tears fall onto my blanket, onto my freshly combed hair. Plink. Plink. Plink.

Gramps doesn't wipe his face or blow his nose. He just lets the tears fall where they may. And when the well of grief is momentarily dry, he steps forward and kisses me on the forehead. He looks like he's about to leave, but then he doubles back to my bedside, bends so his face is level with my ear, and whispers into it.

"It's okay," he tells me. "If you want to go. Everyone wants you to stay. I want you to stay more than I've ever wanted anything in my life." His voice cracks with emotion. He stops, clears his throat, takes a breath, and continues. "But that's what I want and I could see why it might not be what you want. So I just wanted to tell you that I understand if you go. It's okay if you have to leave us. It's okay if you want to stop fighting."

For the first time since I realized that Teddy was gone, too, I feel something unclench. I feel myself breathe. I know that Gramps can't be that late-inning pinch hitter I'd hoped for. He won't unplug

Бабушка ушла. Уиллоу ушла. В палате тихо и покойно. Я закрываю глаза. Когда я снова их открываю, рядом со мной стоит дедушка. Он плачет. Он не издает ни звука, но слезы текут водопадом, заливая все его лицо. Я никогда не видела, чтобы человек так плакал: молча, но бурно, словно в его глазах сам собою открылся кран. Слезы падают на одеяло, на мои только что расчесанные волосы: «Кап. Кап. Кап».

Дедушка не вытирает лицо и не прочищает нос. Он просто позволяет слезам литься, как им угодно. И когда источник горя на секунду пересыхает, он делает шаг вперед и целует меня в лоб. Кажется, он собирается уйти, но потом подходит еще ближе к кровати, наклоняет лицо на уровень моего уха и шепчет:

— Ничего, если ты хочешь уйти. Все хотят, чтобы ты осталась. Я хочу, чтобы ты осталась. Никогда в жизни я ничего так не хотел. — Его голос срывается. Дедушка умолкает, откашливается, делает глубокий вдох и продолжает: — Но этого хочу я, и я понимаю, почему ты можешь захотеть иного. Так вот, я просто скажу тебе, что пойму, если ты уйдешь. Это ничего, если тебе нужно покинуть нас. Ничего, если ты захочешь перестать бороться.

Впервые с тех пор, как я поняла, что Тедди тоже умер, я ощущаю, как что-то разжалось во мне. Я чувствую, что дышу. Знаю, дедушка не может быть той заменой подающего, на которую

my breathing tube or overdose me with morphine or anything like that. But this is the first time today that anyone has acknowledged what I have lost. I know that the social worker warned Gran and Gramps not to upset me, but Gramps's recognition, and the permission he just offered me — it feels like a gift.

Gramps doesn't leave me. He slumps back into the chair. It's quiet now. So quiet that you can almost hear other people's dreams. So quiet that you can almost hear me tell Gramps, "Thank you."

When Mom had Teddy, Dad was still playing drums in the same band he'd been in since college. They'd released a couple of CDs; they'd gone on a tour every summer. The band was by no means big, but they had a following in the Northwest and in various college towns between here and Chicago. And, weirdly, they had a bunch of fans in Japan. The band was always getting letters from Japanese teenagers begging them to come play, and offering up their homes as crash pads. Dad was always saying that if they went, he'd take me and Mom. Mom and I even learned a few words of Japanese just in case. Konnichiwa. Arigatou. It never panned out, though.

я надеялась. Он не станет отключать мою дыхательную трубку, давать мне смертельную дозу морфия или делать что-нибудь еще в этом роде. Но сейчас, первый раз за день, кто-то признал, что я очень многое потеряла. Я помню, соцработница предупреждала бабушку и дедушку, чтобы они не огорчали меня, но дедушкино признание и разрешение, которое он только что мне дал, для меня как подарок.

Дедушка не уходит от меня. Он опускается обратно на стул. Становится тихо — так тихо, что почти слышны сны других людей. Так тихо, что почти слышно, как я говорю дедушке: «Спасибо».

Когда мама забеременела Тедди, папа все еще барабанил в той же команде, в какой играл с университета. Они выпустили пару альбомов, каждое лето ездили в турне. Группа не стала широко известной, но у них были поклонники на Северо-Западе и в разных университетских городках отсюда до Чикаго. И даже, как ни странно, обнаружилась куча фанатов в Японии. Группа все время получала письма от японских подростков, умоляющих приехать и предлагающих свои дома в качестве места для проживания. Папа всегда говорил, что если бы они поехали, то он бы непременно взял нас. Мы с мамой даже выучили несколько слов на японском, просто на всякий случай: «конничива», «аригато». Однако это дело так и не выгорело.

After Mom announced she was pregnant with Teddy, the first sign that changes were afoot was when Dad went and got himself a learner's permit. At age thirty-three. He tried letting Mom teach him to drive, but she was too impatient, he said. Dad was too sensitive to criticism, Mom said. So Gramps took Dad out along the empty country lanes in his pickup truck, just like he'd done with the rest of Dad's siblings — except they'd all learned to drive when they were sixteen.

Next up was the wardrobe change, but it wasn't something any of us noticed right away. It wasn't like one day he stripped off the tight black jeans and band tees in exchange for suits. It was more subtle. First the band tees went out in the window in favor of button-up 1950s rayon numbers, which he dug up at the Goodwill until they started getting trendy and he had to buy them from the fancy vintage-clothing shop. Then the jeans went in the bin, except for one pair of impeccable, dark blue Levi's, which Dad ironed and wore on weekends. Most days he wore neat, flat-front cuffed trousers. But when, a few weeks after Teddy was born, Dad gave away his leather jacket — his prized beat-up motorcycle jacket with the fuzzy leopard belt — we finally realized that a major transformation was under way.

После того как мама объявила о своей беременности, первым знаком грядущих перемен стало получение папой ученических прав — в возрасте тридцати трех лет. Он попытался пристроить маму учить его водить машину, но она, по его словам, оказалась слишком нетерпелива. Мама же утверждала, что папа слишком резко реагирует на критику. Так что дедушка гонял папу на своем пикапе по пустым проселкам, как поступал и с остальными своими детьми, — только они все научились водить в шестнадцать.

Затем последовала смена гардероба, правда, этого никто из нас сразу не заметил. Папа не в одночасье перелез из узких черных джинсов и фирменных футболок группы в костюмы. Все происходило более тонко и постепенно. Сначала футболки сменились застегнутыми на все пуговицы трикотажными рубашками из пятидесятих: папа откапывал их на благотворительных распродажах, пока они не вошли в моду и ему не пришлось покупать их в магазинах винтажной одежды. Затем в помойку отправились джинсы — кроме одних, безупречных темно-синих «Левайсов», их папа отглаживал и надевал по выходным. В остальные дни он носил элегантные брюки с отворотами. Но когда через несколько недель после рождения Тедди папа отдал свою кожаную куртку — любимую, изрядно поношенную мотоциклетную куртку с пушистым леопар-

“Dude, you cannot be serious,” Henry said when Dad handed him the jacket. “You’ve been wearing this thing since you were a kid. It even smells like you.”

Dad shrugged, ending the conversation. Then he went to pick up Teddy, who was squalling from his bassinet.

A few months later, Dad announced he was leaving the band. Mom told him not to do it for her sake. She said it was okay to keep playing as long as he didn’t take off on monthlong tours, leaving her alone with two kids. Dad said not to worry, he wasn’t quitting for her.

Dad’s other bandmates took his decision in stride, but Henry was devastated. He tried to talk him out of it. Promised they’d only play in town. Wouldn’t have to tour. Ever be gone overnight.

“We can even start playing shows in suits. We’ll look like the Rat Pack. Do Sinatra covers. Come on, man,” Henry reasoned.

When Dad refused to reconsider, he and Henry had a huge blowout. Henry was furious with Dad for unilaterally quitting the band, especially since Mom had said he could still play shows. Dad told Henry that he was sorry, but he’d made his decision. By this time, he’d already filled out his ap-

довым поясом, — мы наконец осознали, что идет куда более значительная трансформация.

— Чувак, ты же это не всерьез, — поразился Генри, когда папа вручил ему куртку. — Ты же носил ее, когда еще мальчишкой был. Она даже пахнет тобой.

Папа пожал плечами, закончив беседу, и пошел взять на руки Тедди, вопившего в своей кроватке.

Через несколько месяцев папа объявил, что уходит из группы. Мама убеждала его не делать этого только ради нее. Сказала, что он вполне может продолжать играть, если не собирается уезжать с концертами на месяц и оставлять ее одну с двумя детьми. Папа ответил, что на этот счет можно не волноваться: он уходит не ради нее.

Все музыканты из группы приняли его решение как должное, один Генри был безутешен. Он пытался отговорить папу. Обещал, что они будут играть только в городе: не придется ездить, уходить на всю ночь.

«Мы можем даже начать выступать в костюмах. Будем как “Рэт пэк”. Будем делать каверы Синатры. Соглашайся, чувак», — убеждал Генри.

Когда папа отказался менять свое решение, они с Генри крупно поссорились. Генри был в ярости на папу за самовольный уход из группы, тем более если на этом не настаивала мама. Папа отвечал другу, что ему очень жаль, но решение принято. К этому времени он уже подал заявление

plications for grad school. He was going to be a teacher now. No more fucking around.

“One day you’ll understand,” Dad told Henry.

“The fuck I will,” Henry shot back.

Henry didn’t speak to Dad for a few months after that. Willow would drop by from time to time, to play peace-maker. She’d explain to Dad that Henry was just sorting some stuff out. “Give him time,” she said, and Dad would pretend to not be hurt. Then she and Mom would drink coffee in the kitchen and exchange knowing smiles that seemed to say: Men are such boys.

Henry eventually resurfaced, but he didn’t apologize to Dad, not right away, anyhow. Years later, shortly after his daughter was born, Henry called our house one night in tears.

“I get it now,” he told Dad.

Strangely enough, in some ways Gramps seemed as upset with Dad’s metamorphosis as Henry had been. You would have thought he would love the new Dad. On the surface, he and Gran seem so old-school, it’s like a time warp. They don’t use computers or watch cable TV, and they never curse and have this thing about them that makes you want to be polite. Mom, who swore like a prison guard, never cursed around Gran and Gramps. It was like no one wanted to disappoint them.

в магистратуру. Теперь он собирался стать учителем — больше никакой траты времени впустую.

— Когда-нибудь ты поймешь, — сказал папа Генри.

— Хрена с два я пойму, — огрызнулся тот.

После этого Генри не разговаривал с папой несколько месяцев. Уиллоу то и дело заглядывала к нам, чтобы выступить в роли миротворца. Она объясняла папе, что Генри просто решает, что ему важнее. «Дай ему время», — говорила она, и папа притворялся, что ничуть не обижается. Потом Уиллоу с мамой пили кофе на кухне и обменивались понимающими улыбками, будто говорившими: «Мужики такие мальчишки».

В конце концов Генри снова объявился на горизонте. Но он не извинился перед папой — по крайней мере, сразу. Несколько лет спустя, вскоре после рождения дочери, Генри однажды вечером приехал к нам в слезах.

«Теперь я понял», — сказал он папе.

Довольно странно, но другим человеком, которого преображение папы огорчило так же, как и Генри, был дедушка. Казалось бы, ему-то новый папа должен был понравиться. Они с бабушкой — люди старой закваски и не спешат угнаться за быстрым течением времени. Они не пользуются компьютером, не смотрят кабельное телевидение, никогда не сквернословят. Вообще, в них есть нечто такое, отчего с ними хочется вести себя прилично. Мама, которая материлась

Gran got a kick out of Dad's stylistic transformation.

"Had I known that all that stuff was going to come back in style, I would've saved Gramps's old suits," Gran said one Sunday afternoon when we'd stopped by for lunch and Dad pulled off a trench coat to reveal a pair of wool gabardine trousers and a 1950s cardigan.

"It hasn't come back into style. Punk has come into style, so I think this is your son's way of rebelling all over again," Mom said with a smirk. "Whose daddy's a rebel? Is your daddy a rebel?" Mom baby-talked as Teddy gurgled in delight.

"Well, he sure does look dapper," Gran said. "Don't you think?" she said, turning to Gramps.

Gramps shrugged.

"He always looks good to me. All my children and grandchildren do." But he looked pained as he said it.

Later that afternoon, I went outside with Gramps to help him collect firewood. He needed to split some more logs, so I watched him take an ax to a bunch of dried alder.

как тюремщик, никогда не ругалась при бабушке с дедушкой. Как будто никто не хотел их разочаровывать.

Бабушка пришла в невообразимый восторг от папиного стилистического преображения.

— Если б я знала, что все это снова войдет в моду, я бы сохранила старые дедушкины костюмы, — посетовала она в один воскресный день, когда мы заехали к ним на обед и папа снял плащ, открыв взорам шерстяные габардиновые брюки и кардиган по моде пятидесятых.

— Это не вошло снова в моду. Сейчас в моде панк, так что я полагаю, это новый способ вашего сына бунтовать, — широко улыбаясь, возразила мама. — Чей папа бунтарь? Твой папа бунтарь? — заворковала она над Тедди. Тот радостно забулькал.

— Ну что ж, он выглядит как настоящий щеголь, — признала бабушка и повернулась к дедушке: — Ты так не думаешь?

Дедушка пожал плечами.

— По мне, так он всегда хорошо выглядит. И все мои дети и внуки тоже. — Но мне показалось, ему больно об этом говорить.

Позже тем днем я вышла с дедушкой, чтобы помочь ему принести дрова. Ему понадобилось расколоть еще несколько поленьев, так что я стала смотреть, как он берет топор, чтобы порубить сухую ольху.

“Gramps, don’t you like Dad’s new clothes?”
I asked.

Gramps halted the ax in midair. Then he set it down gently next to the bench I was sitting on.

“I like his clothes just fine, Mia,” he said.

“But you looked so sad in there when Gran was talking about it.”

Gramps shook his head.

“Don’t miss a thing, do you? Even at ten years old.”

“It’s not easy to miss. When you feel sad, you look sad.”

“I’m not sad. Your father seems happy and I think he’ll make a good teacher. Those are some lucky kids who get to read *The Great Gatsby* with your dad. I’ll just miss the music.”

“Music? You never go to Dad’s shows.”

“I’ve got bad ears. From the war. The noise hurts.”

“You should wear headphones. Mom makes me do that. Earplugs just fall out.”

“Maybe I’ll try that. But I’ve always listened to your dad’s music. At low volume. I’ll admit, I don’t much care for all that electric guitar. Not my cup of tea. But I still admired the music. The words,

— Дедушка, разве тебе не нравится папина новая одежда? — спросила я.

Дедушка остановился с занесенным топором. Потом мягко опустил его на землю рядом со скамейкой, на которой я сидела.

— Мне очень даже нравится его одежда, Мия, — ответил он.

— Но ты выглядел таким печальным, когда бабушка об этом говорила.

Дедушка покачал головой.

— Все-то ты замечаешь. И это в десять лет.

— Это трудно не заметить. Когда ты печальный, ты и выглядишь печальным.

— Я не печальный. Твой папа, похоже, счастлив, и я думаю, из него получится хороший учитель. Вот повезет детям, которые прочтут «Великого Гэтсби» с твоим папой. Я только буду скучать по музыке.

— По музыке? Ты же никогда не ходил на папины концерты.

— У меня слабые уши. После войны. Болят от шума.

— Можно надевать наушники. Меня мама заставляет. Те, что вкладываются в уши, просто выпадают.

— Может быть, я попробую. Но я всегда слушал музыку твоего папы. Только на малой громкости. Признаюсь, я не слишком люблю все эти электрогитары — не в моем они вкусе. Но песни-

especially. When he was about your age, your father used to come up with these great stories. He'd sit down at his little table and write them down, then give them to Gran to type up, then he'd draw pictures. Funny stories about animals, but real and smart. Always reminded me of that book about the spider and the pig — what's it called?"

"Charlotte's Web?"

"That's the one. I always thought your dad would grow up to be a writer. And in a way, I always felt like he did. The words he writes to his music, they're poetry. You ever listen carefully to the things he says?"

I shook my head, suddenly ashamed. I hadn't even realized that Dad wrote lyrics. He didn't sing so I just assumed that the people in front of the microphones wrote the words. But I had seen him sit at the kitchen table with a guitar and a notepad a hundred times. I'd just never put it together.

That night when we got home, I went up to my room with Dad's CDs and a Discman. I checked the liner notes to see which songs Dad had written and then I painstakingly copied down all the lyrics. It was only after I saw them scrawled in my science lab book that I saw what Gramps meant. Dad's lyrics were not just rhymes. They were something

то мне очень нравились, особенно слова. Примерно в твоём возрасте твой папа часто придумывал всякие увлекательные истории. Он садился за маленький стол и записывал их, потом давал бабушке перепечатать, а потом рисовал к ним картинки. Просто смешные истории про зверюшек, однако живые и остроумные. Это всегда напоминало мне ту книгу о паучихе и поросёнке — как она называлась?

— «Паутинка Шарлотты»?

— Точно, она. Я всегда думал, что твой папа станет писателем, когда вырастет. И в некотором смысле ощущал, что так и получилось. Тексты, которые он пишет для своей музыки, — это поэзия. Ты когда-нибудь слушала внимательно, что он там говорит?

Я покачала головой, внезапно устыдившись. Я даже не осознавала, что папа писал тексты для песен. Сам он не пел, и я попросту решила, что те люди, которые стоят перед микрофонами, и написали эти слова. Но я же сотни раз видела, как он сидит за кухонным столом с гитарой и блокнотом. Просто я никогда не связывала эти вещи.

Тем вечером, когда мы приехали домой, я поднялась в свою комнату с папиными альбомами и плеером. Я просмотрела вкладыш со списком песен, чтобы узнать, какие песни написал папа, а потом тщательно выписала все тексты. Только увидев их нацарапанными в тетрадке для лабораторных работ, я поняла, что имел в виду дедушка.

else. There was one song in particular called “Waiting for Vengeance” that I listened to and read over and over until I had it memorized. It was on the second album, and it was the only slow song they ever did; it sounded almost country, probably from Henry’s brief infatuation with hillbilly punk. I listened to it so much that I started singing it to myself without even realizing it.

Well, what is this?
What am I coming to?
And beyond that, what am I gonna do?
Now there’s blankness
Where once your eyes held the light
But that was so long ago
That was last night
Well, what was that?
What’s that sound that I hear?

It’s just my lifetime
It’s whistling past my ear
And when I look back
Everything seems smaller than life
The way it’s been for so long
Since last night

Now I’m leaving
Any moment I’ll be gone
I think you’ll notice
I think you’ll wonder what went wrong

Папины стихи были не просто зарифмованными текстами. Одну песню, называвшуюся «В ожидании возмездия», я прослушивала и перечитывала, пока не выучила наизусть. Она была на втором альбоме — единственная медленная песня, которую они сделали за все время своего существования. Звучала она почти как кантри, возможно, из-за кратковременного увлечения Генри «народным» панком. Я слушала ее так много, что начала напевать вслух, даже не замечая этого.

Что это, не пойму?
Я иду — но к чему, куда?
И если дойду к нему,
Что буду делать тогда?
Пусто там теперь и темно,
Где от глаз твоих таял мрак.
Но так оно
Было слишком давно —
Ночью, вчера.

Ну а это-то что уже?
Что за звук слышу я?

Так со свистом мимо ушей
Проносится жизнь моя.
Оглянусь — за моей спиной
Все меньше, чем жизнь, стократ.
И это со мной
Уже очень давно —
С ночи, вчера.

Я ухожу — что ждать?
Миг — и за двери шаг.

I'm not choosing
But I'm running out of fight
And this was decided so long ago
It was last night

"What are you singing, Mia?" Dad asked me, catching me serenading Teddy as I pushed him around the kitchen in his stroller in a vain attempt to get him to nap.

"Your song," I said sheepishly, suddenly feeling like I'd maybe illegally trespassed into Dad's private territory. Was it wrong to go around singing other people's music without their permission?

But Dad looked delighted.

"My Mia's singing 'Waiting for Vengeance' to my Teddy. What do you think about that?" He leaned over to muss my hair and to tickle Teddy on his chubby cheek. "Well, don't let me stop you. Keep going. I'll take over this part," he said, taking the stroller.

I felt embarrassed to sing in front of him now, so I just sort of mumbled along, but then Dad joined in and we sang softly together until Teddy fell asleep. Then he put a finger over his lips and gestured for me to follow him into the living room.

"Want to play some chess?" he asked.

Ты, верно, будешь гадать,
Что же пошло не так.
Я не выбираю, но
Я устал от борьбы и драк.
И все решено
Невозможно давно —
Ночью, вчера.

— Что это ты поешь, Мия? — спросил папа, застав меня за серенадой Тедди: я катала его в коляске по кухне в тщетных попытках усыпить.

— Твою песню, — смущенно ответила я, внезапно ощутив, будто вторглась на какую-то личную папину территорию. Может быть, нехорошо вот так ходить, распевая музыку других людей без их разрешения?

Но папа, похоже, умилился.

— Моя Мия поет «В ожидании возмездия» моему Тедди. Как вам это нравится? — Он наклонился, чтобы взъерошить мне волосы и потрепать Тедди по пухлой щеке. — Что ж, не буду тебе мешать. Продолжай. А я исполню эту партию. — И он перехватил у меня коляску.

Теперь мне было неловко петь перед ним, так что я просто мычала дальше, но потом папа запел сам, и дальше мы тихонько вели мелодию вдвоем, пока Тедди не заснул. Потом папа приложил палец к губам и жестом позвал меня за собой в гостиную.

— Хочешь сыграть в шахматы? — спросил он.

He was always trying to teach me to play, but I thought it was too much work for a supposed game.

“How about checkers?” I asked.

“Sure.”

We played in silence. When it was Dad’s move, I’d steal looks at him in his button-down shirt, trying to remember the fast-fading picture of the guy with peroxided hair and a leather jacket.

“Dad?”

“Hmm.”

“Can I ask you a question?”

“Always.”

“Are you sad that you aren’t in a band anymore?”

“Nope,” he said.

“Not even a little bit?”

Dad’s gray eyes met mine.

“What brought this all on?”

“I was talking to Gramps.”

“Oh, I see.”

“You do?”

Dad nodded.

“Gramps thinks that he somehow exerted pressure on me to change my life.”

“Well, did he?”

“I suppose in an indirect way he did. By being who he is, by showing me what a father is.”

Он все время пытался научить меня играть, но мне казалось, что эта так называемая игра требует слишком много труда.

— Как насчет шашек? — предложила я.

— А давай.

Мы играли молча. Во время папиного хода я украдкой смотрела на него, на застегнутую на все пуговицы рубашку, стараясь вызвать в памяти быстро тающий образ парня с обесцвеченными волосами, в кожаной куртке.

— Пап?

— Хм?

— Можно тебя спросить?

— Всегда.

— Тебе грустно, что ты больше не играешь в группе?

— Не-а, — ответил он.

— Совсем-совсем?

Папины серые глаза встретились с моими.

— С чего это ты вдруг?

— Я говорила с дедушкой.

— А, понятно.

— Да?

Папа кивнул.

— Дедушка думает, что как-то надавил на меня, чтобы изменить мою жизнь.

— И что, это правда?

— Пожалуй, неким косвенным образом — да. Он просто был самим собой и показывал мне, что значит «отец».

“But you were a good dad when you played in a band. The best dad. I wouldn’t want you to give that up for me,” I said, feeling suddenly choked up. “And I don’t think Teddy would, either.”

Dad smiled and patted my hand.

“Mia Oh-My-Uh. I’m not giving anything up. It’s not an either-or proposition. Teaching or music. Jeans or suits. Music will always be a part of my life.”

“But you quit the band! Gave up dressing punk!”

Dad sighed.

“It wasn’t hard to do. I’d played that part of my life out. It was time. I didn’t even think twice about it, in spite of what Gramps or Henry might think. Sometimes you make choices in life and sometimes choices make you. Does that make any sense?”

I thought about the cello. How sometimes I didn’t understand why I’d been drawn to it, how some days it seemed as if the instrument had chosen me. I nodded, smiled, and returned my attention to the game.

“King me,” I said.

4:57 A.M.

I can’t stop thinking about “Waiting for Vengeance.” It’s been years since I’ve listened to or thought of that song, but after Gramps left my

— Но ты был хорошим папой, когда играл в группе. Самым лучшим папой. Я бы не хотела, чтобы ты это бросил ради меня. — Мне вдруг сдавило горло. — Сомневаюсь, что и Тедди бы захотел.

Папа улыбнулся и похлопал меня по руке.

— Мия-вот-те-на. Я ничего не бросаю. Тут нет расклада «или-или». Учительство или музыка. Джинсы или костюмы. Музыка всегда будет частью моей жизни.

— Но ты же ушел из группы! Перестал одеваться как панк!

Папа вздохнул.

— Это было нетрудно сделать. Я уже отыграл эту роль. Просто ушло то время. Я даже не раздумывал об этом, что бы там ни представлялось дедушке или Генри. Иногда в жизни выбираешь ты, а иногда выбирают тебя. Ты что-нибудь понимаешь?

Мне пришла на ум виолончель: ведь я порой не понимала, почему меня потянуло к ней, и даже казалось, будто это она выбрала меня. Я кивнула, улыбнулась и вернулась к игре.

— Я в дамках.

04:57

Я не перестаю думать об этой песне, «В ожидании возмездия». С тех пор как я ее слушала или даже просто вспоминала о ней, прошли го-

bedside, I've been singing it to myself over and over. Dad wrote the song ages ago, but now it feels like he wrote it yesterday. Like he wrote it from wherever he is. Like there's a secret message in it for me. How else to explain those lyrics? I'm not choosing. But I'm running out of fight.

What does it mean? Is it supposed to be some kind of instruction? Some clue about what my parents would choose for me if they could? I try to think about it from their perspectives. I know they'd want to be with me, for us all to be together again eventually. But I have no idea if that even happens after you die, and if it does, it'll happen whether I go this morning or in seventy years. What would they want for me now? As soon as I pose the question, I can see Mom's pissed-off expression. She'd be livid with me for even contemplating anything but staying. But Dad, he understood what it meant to run out of fight. Maybe, like Gramps, he'd understand why I don't think I can stay.

I'm singing the song, as if buried within its lyrics are instructions, a musical road map to where I'm supposed to go and how to get there.

I'm singing and concentrating and singing and thinking so hard that I barely register Willow's return to the ICU, barely notice that she's talking to the grumpy nurse, barely recognize the steely determination in her tone.

ды, и вот теперь, после ухода бабушки, я снова и снова пою ее про себя. Папа сочинил эту песню давным-давно, но теперь мне кажется, что она написана вчера. Она словно пришла оттуда, где он сейчас. Словно он отправил для меня тайную весточку. Как еще объяснить эти строки: «Я не выбираю, но я устал от борьбы и драк»?

Что же они означают? Может, это какое-то указание? Какой-то намек на то, что выбрали бы для меня родители, если бы могли? Я пробую посмотреть на себя их глазами. Знаю, они хотели бы быть со мной, чтобы все мы в конце концов оказались вместе. Только я понятия не имею, что вообще происходит после смерти. Если мы и так будем вместе, разве так важно, умру я сегодня или лет через семьдесят? Чего бы родители хотели для меня сейчас? Едва задав себе этот вопрос, я вижу мамино гневное лицо. Она бы разозлилась на меня даже за мысль о чем-либо, кроме «остаться». Но папа понимал, что значит устать от борьбы. Наверное, он бы, как и бабушка, понял мои сомнения.

Я пою папину песню, будто в ее строках заключены точные указания, музыкальная карта дороги: куда мне следует идти и как туда попасть.

Я пою и думаю так сосредоточенно, что едва замечаю, как в палату возвращается Уиллоу, едва слышу, как она говорит с ворчливой медсестрой, едва узнаю стальную решимость в ее голосе.

Had I been paying attention, I might have realized that Willow was lobbying for Adam to be able to visit me. Had I been paying attention, I might have somehow got away before Willow was — as always — successful.

I don't want to see him now. I mean, of course I do. I ache to. But I know that if I see him, I'm going to lose the last wisp of peacefulness that Gramps gave me when he told me that it was okay to go. I'm trying to summon the courage to do what I have to do. And Adam will complicate things. I try to stand up to get away, but something has happened to me since I went back into surgery. I no longer have the strength to move. It takes all my effort to sit upright in my chair. I can't run away; all I can do is hide. I curl my knees into my chest and close my eyes.

I hear Nurse Ramirez talking to Willow.

"I'll take him over," she says.

And for once, the grumpy nurse doesn't order her back to her own patients.

"That was a pretty boneheaded move you pulled earlier," I hear her tell Adam.

"I know," Adam answers. His voice is a throaty whisper, the way it gets after a particularly screaming concert. "I was desperate."

Если бы я заметила все это вовремя, то, может, поняла бы, что Уиллоу пытается протащить ко мне Адама. Если бы я обратила внимание на происходящее рядом со мной, то смогла бы куда-нибудь сбежать, прежде чем Уиллоу, как обычно, добилась успеха.

Я не хочу его видеть сейчас. Ну, то есть, конечно же, хочу — прямо-таки до смерти хочу. Но знаю, что если увижу его, то потеряю те последние остатки душевного мира и покоя, которые мне подарил дедушка, сказав, что я вполне могу захотеть уйти. Я пытаюсь собраться с духом, чтобы сделать то, что нужно, а Адам все усложнит. Я пробую встать, чтобы убраться подальше, но что-то изменилось во мне с тех пор, как меня снова увезли в операционную. У меня больше нет сил двигаться, даже сидение на стуле требует огромного напряжения. Я не могу убежать — могу только спрятаться. Я прижимаю колени к груди и закрываю глаза.

С Уиллоу сейчас разговаривает сестра Рамирес.

— Я пригляжу за ним, — говорит она.

И в этот раз ворчливая медсестра не велит ей вернуться к ее собственным пациентам.

— То, что ты тут устроил, было ужасно глупо, — обращается она к Адаму.

— Я знаю, — отвечает Адам. Его голос звучит придушенно и тихо, таким он становится после особенно громких концертов. — Я был в отчаянии.

“No, you were romantic,” she tells him.

“I was idiotic. They said she was doing better before. That she’d come off the ventilator. That she was getting stronger. But after I came in here that she got worse. They said her heart stopped on the operating table...” Adam trails off.

“And they got it started. She had a perforated bowel that was slowly leaking bile into her abdomen and it threw her organs out of whack. This kind of thing happens all the time, and it had nothing to do with you. We caught it and fixed it and that’s what matters.”

“But she was doing better,” Adam whispers. He sounds so young and vulnerable, like Teddy used to sound when he got the stomach flu. “And then I came in and she almost died.”

His voice chokes into a sob. The sound of it wakes me up like a bucket of ice water dropped down my shirt. Adam thinks that he did this to me? No! That’s beyond absurd. He’s so wrong.

“And I almost stayed in Puerto Rico to marry a fat SOB,” the nurse snaps. “But I didn’t. And I have a different life now. Almost don’t matter. You got to deal with the situation at hand. And she’s still here.” She whips the privacy curtain around my bed. “In you go,” she tells Adam.

— Нет, ты просто романтик, — возражает сестра.

— Я идиот, вот я кто. Говорили, что ей уже лучше, что ее отключили от респиратора. Но после того как я пришел, ей стало хуже. Сказали, ее сердце остановилось на операционном столе... — Адам умолкает.

— И его завели снова. У нее оказалась пробита кишка, оттуда в брюшную полость медленно вытекала желчь, и от этого прочие органы вышли из строя. Такое случается очень часто, и уж от тебя никак не зависело. Мы вовремя все отловили и исправили, и это главное.

— Но ей же становилось лучше, — шепчет Адам. У него сейчас такой же юный и беззащитный голос, как у Тедди, когда тот подхватил желудочный грипп. — А потом я вошел, и она чуть не умерла.

Его голос прерывается всхлипыванием. Этот звук встряхивает меня, будто мне на рубашку опрокинули ведро ледяной воды. Адам думает, что это он виноват? Нет! Такой абсурд уже ни в какие ворота не лезет. Он же все неправильно понял.

— А я чуть не осталась в Пуэрто-Рико и не вышла замуж за старого жирного сукина сына, — рывкает в ответ медсестра. — Но не осталась. И теперь у меня совсем другая жизнь. «Чуть» ничего не значит. Нужно иметь дело с тем, что есть сейчас. А сейчас она снова здесь. — Сестра

I force my head up and my eyes open. Adam. God, even in this state, he is beautiful. His eyes are dipping with fatigue. He's sprouting stubble, enough of it that if we were to make out, it would make my chin raw. He is wearing his typical band uniform of a T-shirt, skinny pegged pants, and Converse, with Gramps's plaid scarf draped over his shoulders.

When he first sees me, he blanches, like I'm some hideous Creature from the Black Lagoon. I do look pretty bad, hooked back up to the ventilator and a dozen other tubes, the dressing from my latest surgery seeping blood. But after a moment, Adam exhales loudly and then he's just Adam again. He searches around, like he's dropped something and then finds what he's looking for: my hand.

"Jesus, Mia, your hands are freezing." He squats down, takes my right hand into his, and careful to not bump into my tubes and wires, draws his mouth to them, blowing warm air into the shelter he's created. "You and your crazy hands." Adam is always amazed at how even in middle of summer, even after the sweatiest of encounters, my hands stay cold. I tell him it's bad circulation but he doesn't buy it because my feet are usually warm. He says I have bionic hands, that this is why I'm such a good cello player.

задергивает разделительную штору вокруг моей кровати и велит Адаму: — Заходи.

Я заставляю себя поднять голову и открыть глаза. Адам. Боже, даже в таком состоянии он красив. Его глаза запали от усталости. На лице отросла щетина — достаточная, чтобы ободрать мне подбородок при поцелуе. На нем обычная концертная одежда — футболка, обтягивающие рваные штаны и «конверсы», с плеч свисает клетчатый дедушкин шарф.

Увидев меня, он резко бледнеет — как будто перед ним какая-нибудь чудовищная тварь из «Черной лагуны». Я выгляжу довольно плохо, снова подключена к респиратору и дюжине других трубочек; сквозь повязки, наложенные в последней операции, проступает кровь. Однако через секунду Адам громко выдыхает и опять становится самим собой. Он шарит по кровати, словно что-то уронил, и наконец нащупывает то, что искал: мою руку.

— Господи, Мия, у тебя же руки совсем замерзли. — Он опускается на корточки, берет мою правую ладонь в свои, осторожно, чтобы не задеть трубки и провода, наклоняется и дует теплым воздухом в сложенный шалашик. — Ты и твои невозможные руки. — Адам всегда поражается тому, как даже посреди лета, даже после самых жарких объятий мои руки остаются холодными. Я говорю ему, что все дело в плохой циркуляции крови, а он не верит: ведь ноги у меня обычно теплые. Он утверждает, что мне придела-

I watch him warm my hands as he has done a thousand times before. I think of the first time he did it, at school, sitting on the lawn, as if it were the most natural thing in the world. I also remember the first time he did it in front of my parents. We were all sitting on the porch on Christmas Eve, drinking cider. It was freezing outside. Adam grabbed my hands and blew on them. Teddy giggled. Mom and Dad didn't say anything, just exchanged a quick look, something private that passed between them and then Mom smiled ruefully at us.

I wonder if I tried, if I could feel him touching me. If I were to lie down on top of myself in the bed, would I become one with my body again? Would I feel him then? If I reached out my ghostly hand to his, would he feel me? Would he warm the hands he cannot see?

Adam drops my hand and steps forward to look at me. He is standing so close that I can almost smell him and I'm overpowered by the need to touch him. It's basic, primal, and all-consuming the way a baby needs its mother's breast. Even though I know, if we touch, a new tug-of-war — one that will be even more painful than the quiet

ли биомеханические руки, поэтому-то я так здорово играю на виолончели.

Я смотрю, как он согревает мою ладонь, — точно так же, как тысячу раз до этого. В памяти всплывает, как он сделал это в первый раз: на школьном газоне, как будто это была самая естественная вещь на свете. Я также помню, как он впервые проделал это перед моими родителями. Был канун Рождества, мы все сидели на террасе, попивая сидр. Снаружи подмораживало. Адам сгреб мои ладони и стал дуть на них. Тедди захихикал. Родители ничего не сказали, только обменялись быстрым взглядом — чем-то личным, только своим, — а потом мама понимающе нам улыбнулась.

Интересно, смогла бы я, если бы постаралась, почувствовать его прикосновения? Если бы я легла сверху на ту себя, которая на кровати, стала бы я снова одним целым со своим телом? Почувствовала бы я его тогда? Если бы я коснулась призрачной рукой его руки, ощутил бы он это? Стал бы согревать ладони, которых не видит?

Адам отпускает мою руку, придвигается ближе и смотрит на меня. Он стоит так близко, что я почти чувствую его запах, и меня охватывает непреодолимое желание дотронуться до него. Это что-то глубинное, первобытное и всепоглощающее — как тяга ребенка к материнской груди. И ведь я знаю: если мы коснемся друг друга, нач-

one Adam and I have been waging these past few months — will begin.

Adam is mumbling something now. In a low voice. Over and over he is saying:

please. Please. Please. Please. Please. Please. Please. Please. Please. Please. Finally, he stops and looks at my face. “Please, Mia,” he implores. “Don’t make me write a song.”

I’d never expected to fall in love. I was never the kind of girl who had crushes on rock stars or fantasies about marrying Brad Pitt. I sort of vaguely knew that one day I’d probably have boyfriends (in college, if Kim’s prediction was anything to go by) and get married. I wasn’t totally immune to the charms of the opposite sex, but I wasn’t one of those romantic, swoony girls who had pink fluffy daydreams about falling in love.

Even as I was falling in love — full throttle, intense, can’t-erase-that-goofy-smile love — I didn’t really register what was happening. When I was with Adam, at least after those first few awkward weeks, I felt so good that I didn’t bother thinking about what was going on with me, with us. It just felt normal and right, like slipping into a hot bubble bath. Which isn’t to say we didn’t fight. We ar-

нется новое перетягивание каната — и оно будет еще болезненнее той тихой борьбы, которую мы вели в последние несколько месяцев.

Теперь он что-то бормочет, тихо-тихо. Снова и снова повторяет:

— Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. — Наконец Адам замолкает и смотрит мне в лицо: — Пожалуйста, Мия, — умоляет он, — не вынуждай меня писать песню.

Я никогда не предполагала, что так влюблюсь. Никогда, как некоторые девчонки, я не теряла голову от рок-звезд и не фантазировала, что выйду замуж за Брэда Питта. Я смутно предполагала, что когда-нибудь, наверное, у меня появится парень (в университете, если верить предсказанию Ким) и мне захочется выйти замуж. Не то чтобы я была совершенно невосприимчива к чарам противоположного пола, но розовые грезы любви меня не мучили, как многих романтичных, восторженных девиц.

Даже когда я уже влюблялась — той самой стремительной, пылкой любовью, когда не можешь стереть с лица глупую улыбку, — я не понимала, что происходит. Когда мы с Адамом были вместе (по крайней мере, после тех первых неловких недель), мне становилось так хорошо, что я и не думала размышлять о происходящем со мной — с нами. Все казалось таким же есте-

gued over lots of stuff: him not being nice enough to Kim, me being antisocial at shows, how fast he drove, how I stole the covers. I got upset because he never wrote any songs about me. He claimed he wasn't good with sappy love songs:

"If you want a song, you'll have to cheat on me or something," he said, knowing full well that wasn't going to happen.

This past fall, though, Adam and I started to have a different kind of fight. It wasn't even a fight, really. We didn't shout. We barely even argued, but a snake of tension quietly slithered into our lives. And it seemed like it all started with my Juilliard audition.

"So did you knock them dead?" Adam asked me when I got back. "They gonna let you in with a full scholarship?"

I had a feeling that they were going to let me in, at least — even before I told Professor Christie about the one judge's "long time since we've had an Oregon country girl" comment, even before she hyperventilated because she was so convinced this was a tacit promise of admission. Something had happened to my playing in that audition; I had broken through some invisible barrier and could fi-

ственным и правильным, как погружение в горячую ванну с пеной. Это не значит, будто мы не ссорились и не боролись друг с другом. Мы спорили по куче поводов: он недостаточно мил с Ким, я жмусь по углам на концертах, он слишком быстро водит, я во сне стаскиваю с него одеяло. Я огорчалась, что он не пишет про меня песни. Адам заявлял, что ему не слишком хорошо удается слюнявая любовная лирика.

«Если хочешь песню, то тебе придется мне изменить или обмануть, в общем, отмочить что-нибудь этакое», — говорил он, прекрасно зная, что такого не случится.

Прошлой осенью мы с Адамом начали другую борьбу. На самом деле это даже не было борьбой: мы не ругались и не орали друг на друга. Мы даже почти не спорили, но в нашу жизнь тихо вползла змейка напряженности. Казалось, все началось с моего прослушивания в Джульярде.

— Ну как, ты сразила их наповал? — спросил меня Адам, когда я вернулась. — Тебя принимают на полную стипендию?

У меня сложилось ощущение, что меня и правда примут даже раньше, чем я рассказала профессору Кристи о замечании одного из членов комиссии насчет давно не виденных «деревенских девочек из Орегона», даже прежде, чем моя учительница чуть не задохнулась от восторга, убежденная, что это завуалированное обещание поступления. Что-то случилось с моей игрой

nally play the pieces like I heard them being played in my head, and the result had been something transcendent: the mental and physical, the technical and emotional sides of my abilities all finally blending. Then, on the drive home, as Gramps and I were approaching the California-Oregon border, I just had this sudden flash — a vision of me lugging a cello through New York City. And it was like I knew, and that certainty planted itself in my belly like a warm secret. I'm not the kind of person who's prone to premonitions or overconfidence, so I suspected that there was more to my flash than magical thinking.

"I did okay," I told Adam, and as I said it, I realized that I'd just straight-out lied to him for the first time, and that this was different from all the lying by omission I'd been doing before.

I had neglected to tell Adam that I was applying to Juilliard in the first place, which was actually harder than it sounded. Before I sent in my application, I had to practice every spare moment with Professor Christie to fine-tune the Shostakovich concerto and the two Bach suites. When Adam asked me why I was so busy, I gave purposely vague excuses about learning tough new pieces. I justified this to myself because it was technically true. And then Professor Christie arranged for me to have a

перед той публикой — я пробилась через какой-то невидимый барьер и смогла наконец сыграть пьесы так, как слышала их у себя в голове, и результат получился волшебным: умственные и физические, технические и эмоциональные грани моих способностей наконец сошлись вместе и слились воедино. Потом, по пути домой, когда мы с дедушкой приближались к границе Калифорния — Орегон, у меня внезапно возникло видение: я волоку виолончель по Нью-Йорку. Я как будто точно узнала будущее, и эта уверенность пустила корни в моей душе, словно теплая сердечная тайна. Поскольку обычно я не склонна к предчувствиям или чрезмерной самоуверенности, я предположила, что мое видение родилось не только из магического мышления.

— Я нормально сыграла, — ответила я Адаму и тут же поняла, что впервые соврала ему в лицо и это уже совсем не те недомолвки, которые я позволяла себе прежде.

Сначала я не собралась с духом сказать Адаму, что подаю заявление в Джульярд, — а это оказалось куда труднее, чем могло бы показаться. Прежде чем отправить заявление, мне пришлось каждую свободную минутку заниматься с профессором Кристи, чтобы довести до совершенства концерт Шостаковича и две сюиты Баха. Когда Адам спрашивал, почему я так занята, я намеренно расплывчато говорила, что разучиваю новые сложные пьесы. Я оправдывалась

recording session at the university so I could submit a high-quality CD to Juilliard. I had to be at the studio at seven in the morning on a Sunday and the night before I'd pretended to be feeling out of sorts and told Adam he probably shouldn't stay over. I'd justified that fib, too. I was feeling out of sorts because I was so nervous. So, it wasn't a real lie. And besides, I thought, there was no point in making a big fuss about it. I hadn't told Kim, either, so it wasn't like Adam was getting special deception treatment.

But after I told him I'd only done okay at the audition, I had the feeling that I was wading into quicksand, and that if I took one more step, there'd be no extricating myself and I'd sink until I suffocated. So I took a deep breath and heaved myself back onto solid ground.

"Actually, that's not true," I told Adam. "I did really well. I played better than I ever have in my life. It was like I was possessed."

Adam's first reaction was to smile with pride.

"I wish I could've seen that." But then his eyes clouded over and his lips fell into a frown. "Why'd

перед собой, что формально это правда. А потом профессор Кристи договорилась для меня о записи в университете, чтобы я смогла представить в Джульярд диск хорошего качества. Мне нужно было прийти в студию в семь утра в воскресенье, поэтому предыдущим вечером я притворилась немного больной и сказала Адаму, что ему, пожалуй, не стоит оставаться на ночь. Это вранье я тоже перед собой оправдала. Я действительно плохо себя чувствовала, потому что страшно нервничала. Так что и это не было настоящей ложью. Кроме того, я полагала, что нет смысла поднимать большой шум вокруг поступления. Ким я тоже ничего не сказала и, значит, не проявила особой нечестности по отношению к Адаму.

Но, ответив ему, что на прослушивании сыграла всего лишь нормально, я ощутила, будто подо мной разверзлись зыбучие пески, будто еще шаг — и мне уже будет не выбраться: я буду тонуть, пока не задохнусь. Так что я набрала побольше воздуха и рванулась на твердую землю.

— На самом деле это неправда, — призналась я Адаму. — Я сыграла по-настоящему здорово. Я играла лучше, чем когда-либо в своей жизни. Прямо как одержимая.

Первой реакцией Адама была улыбка гордости за меня.

— Хотел бы я это увидеть, — сказал он, но потом его глаза затуманились, а губы недовольно

you downplay it?" he asked. "Why didn't you call me after the audition to brag?"

"I don't know," I said.

"Well, this is great news," Adam said, trying to mask his hurt. "We should be celebrating."

"Okay, let's celebrate," I said, with a forced gaiety. "We can go to Portland Saturday. Go to the Japanese Gardens and go out for dinner at Beau Thai."

Adam grimaced.

"I can't. We're playing in Olympia and Seattle this weekend. Minitour. Remember? I'd love for you to come, but I don't know if that's really a celebration for you. But I'll be back Sunday late afternoon. I can meet you in Portland Sunday night if you want."

"I can't. I'm playing in a string quartet at some professor's house. What about next weekend?"

Adam looked pained.

"We're in the studio the next couple weekends, but we can go out during the week somewhere. Around here. To the Mexican place?"

"Sure. The Mexican place," I said.

Two minutes before, I hadn't even wanted to celebrate, but now I was feeling dejected and in-

сжались. — Зачем тебе понадобилось приуменьшать? — спросил он. — Почему ты не позвонила мне после прослушивания, чтобы похвастаться?

— Не знаю, — ответила я.

— Ну что ж, прекрасные новости, — сказал Адам, стараясь скрыть обиду. — Надо бы отпраздновать.

— Ладно, давай праздновать, — с наигранной веселостью согласилась я. — Можно устроить портлендскую субботу. Побродить по Японским садам, пообедать в «Бо тай».

Адам скорчил гримасу.

— Я не могу. Мы в эти выходные играем в Ситтле и Олимпии. Мини-гастроли, помнишь? Я бы очень хотел, чтобы ты поехала, но не знаю, будет ли это для тебя таким уж праздником. Но я вернусь в воскресенье днем. Можем встретиться вечером портлендского воскресенья, прямо там, если хочешь.

— Не могу. Я играю в струнном квартете дома у какого-то профессора. А как насчет следующих выходных?

Адам страдальчески поморщился.

— Следующую пару выходных мы сидим в студии, но можно куда-нибудь сходить на неделе. Куда-нибудь поближе. В мексиканский ресторан?

— Отлично. В мексиканский ресторан, — сказала я.

За две минуты до того я даже не собиралась ничего отмечать, но теперь почувствовала себя

sulted at being relegated to a midweek dinner at the same place we always went to.

When Adam graduated from high school last spring and moved out of his parents' place and into the House of Rock, I hadn't expected much to change. He'd still live nearby. We'd still see each other all the time. I'd miss our little powwows in the music wing, but I would also be relieved to have our relationship out from under the microscope of high school.

But things had changed when Adam moved into the House of Rock and started college, though not for the reasons I'd thought they would. At the beginning of the fall, just as Adam was getting used to college life, things suddenly started heating up with Shooting Star. The band was offered a record deal with a medium-size label based in Seattle and now were busy in the studio recording. They were also playing more shows, to larger and larger crowds, almost every weekend. Things were so hectic that Adam had dropped half his course load and was going to college part-time, and if things kept up at this rate, he was thinking of dropping out altogether.

"There are no second chances," he told me.

I was genuinely excited for him. I knew that Shooting Star was something special, more than just a college-town band. I hadn't minded Adam's

удрученной и оскорбленной, оттого что праздничный ужин передвинулся на будний вечер, да еще в таком прозаичном месте, куда мы ходили всегда.

Когда Адам прошлой весной окончил школу и съехал от родителей в «Дом рока», я не ожидала каких-то больших перемен: он по-прежнему будет жить недалеко от меня. Мы так же будем все время видеться. Я буду скучать по маленьким беседам в музыкальном крыле, но при этом мне станет легче, потому что наши отношения выйдут из-под школьного микроскопа.

Но все изменилось, когда Адам переехал в «Дом рока» и поступил в университет — хотя и по иным причинам, чем ожидала я. В начале осени, пока Адам только привыкал к университетской жизни, у «Звездопада» дела вдруг пошли в гору. Одна не самая маленькая компания звукозаписи в Сиэтле предложила группе контракт, и теперь они кучу времени проводили в студии. Количество концертов также увеличилось, они играли почти каждые выходные, причем залы с каждым разом становились все больше. Жизнь бурлила настолько, что Адам почти забросил учебу и собрался переходить на заочный. Он даже подумывал совсем уйти из университета, если ничего не изменится.

«Вторых шансов не бывает», — говорил он мне.

Я была искренне рада за него. Я знала, что «Звездопад» — не просто обычная группа из университетского городка. Даже его частым отъ-

increasing absences, especially since he made it so clear how much he minded them. But somehow, the prospect of Juilliard made things different — somehow it made me mind. Which didn't make any sense at all because if anything, it should have leveled the field. Now I had something exciting happening, too.

"We can go to Portland in a few weeks," Adam promised. "When all the holiday lights are up."

"Okay," I said sullenly.

Adam sighed.

"Things are getting complicated, aren't they?"

"Yeah. Our schedules are too busy," I said.

"That's not what I meant," Adam said, turning my face toward his so I was looking at him in the eye.

"I know that's not what you meant," I replied, but then a lump lodged itself in my throat and I couldn't talk anymore.

We tried to defuse the tension, to talk about it without really talking about it, to joke-ify it.

"You know I read in US News and World Report that Willamette University has a good music program," Adam told me. "It's in Salem, which is apparently getting hipper by the moment."

"According to who? The governor?" I replied.

"Liz found some good stuff at a vintage-clothing store there. And you know, once the vintage places come in, the hipsters aren't far behind."

ездам я не слишком противилась, особенно после того, как он объяснил, насколько важны они для него. Но мое предполагаемое поступление в Джульярд все изменило. Мне почему-то стало не все равно. Такая перемена была совершенно непонятна, ведь теперь мы стали равны и в моей жизни тоже забрезжили волнующие перспективы.

— Можно поехать в Портленд через пару недель, — предложил Адам. — Когда у всех начнутся каникулы.

— Отлично, — уныло согласилась я.

Адам вздохнул.

— Все усложняется.

— Ага. У нас слишком напряженные графики.

— Я не об этом, — сказал Адам, поворачивая мое лицо так, чтобы я посмотрела ему в глаза.

— Я знаю, что ты не об этом, — ответила я, но потом комок встал у меня в горле, и я больше не могла выдать ни слова.

Мы старались разрядить напряжение, не касались этой темы всерьез, шутили.

— Знаешь, я тут вычитал в газете, что в университете Уилламетта хорошая программа по музыке, — сказал мне Адам. — Это в Салеме, он сейчас становится модным местечком.

— Кто так считает? Губернатор?

— Лиз нашла там какие-то классные шмотки в винтажном магазине. А ты же знаешь, как только появляются подобные места, и хипстеры сразу набегают.

“You forget, I’m not a hipster,” I reminded him. “But speaking of, maybe Shooting Star should move to New York. I mean, it’s the heart of the punk scene. The Ramones. Blondie.” My tone was frothy and flirtatious, an Oscar-worthy performance.

“That was thirty years ago,” Adam said. “And even if I wanted to move to New York, there’s no way the rest of the band would.”

He stared mournfully at his shoes and I recognized the joking part of the conversation had ended. My stomach lurched, an appetizer before the full portion of heartache I had a feeling was going to be served at some point soon.

Adam and I had never been the kind of couple to talk about the future, about where our relationship was going, but with things suddenly so unclear, we avoided talking about anything that was happening more than a few weeks away, and this made our conversations as stilted and awkward as they’d been in those early weeks together before we’d found our groove. One afternoon in the fall, I spotted a beautiful 1930s silk gown in the vintage store where Dad bought his suits and I almost pointed it out to Adam and asked if he thought I should wear that to the prom, but prom was in June and maybe Adam would be on tour in June or maybe I’d be too busy getting ready for Juilliard, so I didn’t say anything. Not long after that, Adam was complaining about his decrepit guitar, saying he wanted to

— Ты забываешь, я-то не хипстер, — указала я. — Кстати, почему бы «Звездопаду» не начать двигаться в сторону Нью-Йорка? Это же вроде как сердце панк-сцены — «Рамонз», «Блонди». — Я говорила легким, игривым тоном, достойным «Оскара».

— Это было тридцать лет назад, — возразил Адам. — И даже если я захочу переехать в Нью-Йорк, остальная группа никак не сможет.

Он скорбно устоял на свои ноги, и я поняла, что шуточная часть беседы закончилась. В животе у меня забурчало — легкая закуска перед полной порцией сердечной боли, которая, как я чувствовала, скоро будет подана к столу.

Мы с Адамом были не из тех парочек, которые строят планы на будущее или увлеченно обсуждают развитие своих отношений, но, когда все вдруг так запуталось, мы несколько недель даже не затрагивали болезненную тему, и от этого наши разговоры стали такими же неестественными и неуклюжими, как в те первые недели, пока мы не нашли свою колею. В один осенний день я заметила красивое шелковое платье тридцатых годов в винтажном магазинчике, где папа покупал себе костюмы. Мне очень хотелось показать платье Адаму и спросить у него, стоит ли покупать его для выпускного. Но выпускной ожидался только в июне, Адам тогда мог уехать на гастроли, или я могла быть слишком занята, готовясь к консерваторским экзаменам — так что

get a vintage Gibson SG, and I offered to get it for him for his birthday. But then he said that those guitars cost thousands of dollars, and besides his birthday wasn't until September, and the way he said September, it was like a judge issuing a prison sentence.

A few weeks ago, we went to a New Year's Eve party together. Adam got drunk, and when midnight came, he kissed me hard.

"Promise me. Promise me you'll spend New Year's with me next year," he whispered into my ear.

I was about to explain that even if I did go to Juilliard, I'd be home for Christmas and New Year's, but then I realized that wasn't the point. So I promised him because I wanted it to be true as much as he did. And I kissed him back so hard, like I was trying to merge our bodies through our lips.

On New Year's Day, I came home to find the rest of my family gathered in the kitchen with Henry, Willow, and the baby. Dad was making breakfast: smoked-salmon hash, his specialty.

Henry shook his head when he saw me.

"Look at the kids today. Seems like just yesterday that stumbling home at eight o'clock felt early. Now I'd kill just to be able to sleep until eight."

я ничего не сказала. Вскоре после этого Адам пожаловался на свою дряхлую гитару и заявил, что хочет добыть коллекционный «Гибсон Эс Джи», а я предложила купить ему такой на день рождения. Но потом он сказал, что эти гитары стоят тысячи долларов, да и день рождения у него теперь только в следующем сентябре — и слово «сентябрь» в его устах прозвучало как судебный приговор к тюремному сроку.

Несколько недель назад мы вместе поехали на новогоднюю вечеринку. Адам напился и, когда наступила полночь, крепко меня поцеловал.

— Обещай мне. Обещай, что следующий Новый год ты проведешь со мной, — прошептал он мне в ухо.

Я собиралась объяснить, что даже если уеду в Джульярд, то вернусь домой на Рождество и Новый год, но потом поняла: он говорит о другом. Поэтому я пообещала ему, ведь мне ничуть не меньше его хотелось, чтобы все получилось именно так. И поцеловала его в ответ так крепко, будто пыталась через губы слить наши тела воедино.

В первое утро нового года я пришла домой и обнаружила, что вся моя семья, а также Генри, Уиллоу и их дочка собрались на кухне. Папа готовил завтрак, свое коронное блюдо — салат из копченого лосося.

Увидев меня, Генри покачал головой.

— Посмотрите-ка на современных детей. Кажется, еще вчера приходиться домой в восемь было

“We didn’t even make it till midnight,” Willow admitted, bouncing the baby on her lap. “Good thing, because this little lady decided to start her new year at five-thirty.”

“I stayed up till midnight!” Teddy yelled. “I saw the ball drop on TV at twelve. It’s in New York, you know? If you move there, will you take me to see it drop in real life?” he asked.

“Sure, Teddy,” I said feigning enthusiasm.

The idea of me going to New York was seeming more and more real, and though this generally filled me with a nervous, if conflicted, excitement, the image of me and Teddy hanging out together on New Year’s Eve left me feeling unbearably lonely.

Mom looked at me, eyebrows arched.

“It’s New Year’s Day, so I won’t give you shit for coming in at this hour. But if you’re hungover, you’re grounded.”

“I’m not. I had one beer. I’m just tired.”

“Just tired, is it? You sure?” Mom grabbed ahold of my wrist and turned me toward her.

When she saw my stricken expression, she tilted her head to the side as if to say, You okay?

рановато. А сейчас я бы жизнь отдал за возможность поспать до восьми.

— Мы даже до полуночи не досидели, — призналась Уиллоу, качая дочку на коленях. — И хорошо, потому что эта маленькая леди решила начать новый год в полшестого.

— А я продержался до полуночи! — завопил Тедди. — Я видел по телевизору, как в двенадцать опустили большой шар. Это в Нью-Йорке, знаешь? Если ты туда переедешь, ты возьмешь меня посмотреть, как он опускается по-настоящему?

— Конечно, Тедди, — сказала я, симулируя энтузиазм.

Мой отъезд в Нью-Йорк казался все более и более реальным, и хотя обычно эта идея приводила меня в тревожное, противоречивое возбуждение, тогда я вдруг представила, как мы с Тедди в канун Нового года вдвоем бродим по ночному Нью-Йорку, и мое сердце заныло от чувства непереносимого одиночества.

Мама, подняв брови, посмотрела на меня.

— Ради Нового года я не стану гнобить тебя за то, что ты пришла в такой час. Но если у тебя похмелье, посажу под арест.

— Нет у меня похмелья. Я выпила одну кружку пива. Просто я устала.

— Точно просто устала? Ты уверена? — Мама схватила меня за запястье и развернула к себе.

Увидев мое печальное лицо, она склонила голову набок. «Что с тобой?» — прочитала я в ее

I shrugged and bit my lip to keep from losing it. Mom nodded. She handed me a cup of coffee and led me to the table. She put down a plate of hash and a thick slice of sourdough bread, and even though I couldn't imagine being hungry, my mouth watered and my stomach rumbled and I was suddenly ravenous. I ate silently, Mom watching me all the while. After everyone was done, Mom sent the rest of them into the living room to watch the Rose Parade on TV.

"Everyone out," she ordered. "Mia and I will do the washing up."

As soon as everyone was gone, Mom turned to me and I just fell against her, crying and releasing all of the tension and uncertainty of the last few weeks. She stood there silently, letting me blubber all over her sweater. When I stopped, she held out the sponge.

"You wash. I'll dry. We'll talk. I always find it calming. The warm water, the soap."

Mom picked up the dish towel and we went to work. And I told her about Adam and me.

"It was like we had this perfect year and a half," I said. "So perfect that I never even thought about the future. About it taking us in different directions."

Mom's smile was both sad and knowing.

"I thought about it."

глазах. Я пожала плечами и прикусила губу, чтобы не расплакаться. Мама кивнула, вручила мне чашку кофе и проводила к столу. Потом она поставила передо мной тарелку папиного салата и толстый ломоть ароматного хлеба, и, даже хотя я не ощущала голода, мой рот наполнился слюной, а желудок заурчал, и внезапно мне ужасно захотелось есть. Я молча жевала, а мама не отрываясь смотрела на меня. Когда все покончили с завтраком, мама отослала остальных в гостиную смотреть «Парад роз» по телевизору.

— Все выметайтесь, — сказала она. — А мы с Мией помоем посуду.

Как только все ушли, мама повернулась ко мне, и я просто упала на нее с плачем, выпуская из себя напряжение и неуверенность последних нескольких недель. Она молча обнимала меня, не мешая заливать слезами ее свитер. Когда я выплакалась, она сунула мне губку.

— Ты моешь. Я вытираю. Мы разговариваем. Меня это всегда успокаивает: теплая вода и мыло.

Мама взяла посудное полотенце, и мы приступили к работе. Я рассказала ей о нас с Адамом.

— У нас было полтора идеальных года. Таких идеальных, что я никогда и не думала о будущем. О том, что оно разведет нас в разные стороны.

Мама улыбнулась, понимая и печально.

— Зато об этом думала я.

I turned to her. She was staring straight out the window, watching a couple of sparrows bathe in a puddle.

“I remember last year when Adam came over for Christmas Eve. I told your father that you’d fallen in love too soon.”

“I know, I know. What does a dumb kid know about love?”

Mom stopped drying a skillet.

“That’s not what I meant. The opposite, really. You and Adam never struck me as a ‘high-school’ relationship,” Mom said making quote marks with her hands. “It was nothing like the drunken roll in the back of some guy’s Chevy that passed for a relationship when I was in high school. You guys seemed, still seem, in love, truly, deeply.” She sighed. “But seventeen is an inconvenient time to be in love.”

That made me smile and made the pit in my stomach soften a little.

“Tell me about it,” I said. “Though if we weren’t both musicians, we could go to college together and be fine.”

“That’s a cop-out, Mia,” Mom countered. “All relationships are tough. Just like with music, sometimes you have harmony and other times you have cacophony. I don’t have to tell you that.”

“I guess you’re right.”

Я повернулась к ней. Она смотрела, как за окном парочка воробьев купается в луже.

— Я помню прошлый год, когда Адам пришел к нам на Рождество. Тогда я сказала твоему отцу, что ты влюбилась слишком рано.

— Понятно-понятно. Что глупый ребенок может знать о любви?

Мама перестала вытирать сковородку.

— На самом деле я не это имела в виду, а ровно противоположное. Вы с Адамом никогда не казались мне «школьной парочкой». — Мама изобразила пальцами кавычки. — Это было совсем не похоже на пьяный перепих на заднем сиденье чужого «Шевроле» — такое сходило за отношения, когда я училась в школе. Вы, ребята, выглядели и до сих пор выглядите влюбленными по-настоящему, глубоко. — Она вздохнула. — Но семнадцать лет — неудобный возраст для любви.

Это заставило меня улыбнуться, и под ложечкой слегка отпустило.

— Да ну? — притворно удивилась я. — Вот если бы мы оба не были музыкантами, то могли бы вместе ходить в университет и жить припеваючи.

— Это бегство от действительности, Мия, — возразила мама. — Все отношения трудны. Как в музыке: иногда получается гармония, а иногда какофония. Уж не мне тебе это объяснять.

— Наверно, ты права.

“And come on, music brought you two together. That’s what your father and I always thought. You were both in love with music and then you fell in love with each other. It was a little like that for your dad and me. I didn’t play but I listened. Luckily, I was a little older when we met.”

I’d never told Mom about what Adam had said that night after the Yo-Yo Ma concert, when I’d asked him Why me? How the music was totally a part of it.

“Yeah, but now I feel like it’s music that’s going to pull us apart.”

Mom shook her head.

“That’s bullshit. Music can’t do that. Life might take you down different roads. But each of you gets to decide which one to take.” She turned to face me. “Adam’s not trying to stop you going to Juilliard, is he?”

“No more than I’m trying to get him to move to New York. And it’s all ridiculous anyway. I might not even go.”

“No, you might not. But you’re going somewhere. I think we all get that. And the same is true for Adam.”

“At least he can go somewhere while still living here.”

Mom shrugged.

“Maybe. For now anyhow.”

I put my face in my hands and shook my head.

— И кстати, музыка вас двоих и свела — так мы с папой всегда считали. Вы оба были влюблены в музыку, а потом влюбились и друг в друга. У нас с твоим папой получилось почти так же. Только я не играла, а слушала. К счастью, я была чуть постарше, когда мы встретились.

Я никогда не рассказывала маме о том, что Адам ответил в тот вечер после концерта Йо-Йо Ма на мой вопрос — почему я? О том, что без музыки у нас точно не обошлось.

— Ага, но сейчас мне кажется, что именно музыка нас и разведет.

Мама покачала головой.

— Ерунда. Музыка этого сделать не может. Жизнь может повести вас разными путями, но каждому придется выбирать, по какой дороге идти. — Она повернулась ко мне. — Адам ведь не пытается отговорить тебя ехать в Джульярд?

— Не больше, чем я пытаюсь уговорить его переехать в Нью-Йорк. И все это просто смешно. Я даже могу не поступить.

— Можешь. Но куда-нибудь все равно поедешь. Думаю, все мы это понимаем. И то же самое будет у Адама.

— По крайней мере, он может ездить куда-нибудь, а жить здесь.

Мама пожала плечами.

— Возможно. По крайней мере, пока.

Я спрятала лицо в ладонях и покачала головой.

“What am I going to do?” I lamented. “I feel like I’m caught in a tug-of-war.”

Mom shot me a sympathetic grimace.

“I don’t know. But I do know that if you want to stay and be with him, I’d support that, though maybe I’m only saying that because I don’t think you’d be able to turn down Juilliard. But I’d understand if you chose love, Adam love, over music love. Either way you win. And either way you lose. What can I tell you? Love’s a bitch.”

Adam and I talked about it once more after that. We were at House of Rock, sitting on his futon. He was riffing about on his acoustic guitar.

“I might not get in,” I told him. “I might wind up at school here, with you. In a way, I hope I don’t get accepted so I don’t have to choose.”

“If you get in, the choice is already made, isn’t it?” Adam asked.

It was. I would go. It didn’t mean I’d stop loving Adam or that we’d break up, but Mom and Adam were both right. I wouldn’t turn down Juilliard.

Adam was silent for a minute, plinking away at his guitar so loud that I almost missed it when he said,

“I don’t want to be the guy who doesn’t want you to go. If the tables were turned, you’d let me go.”

— Что же мне делать? — прорыдала я. — Я чувствую себя так, будто ввязалась в перетягивание каната.

Мама скорчила сочувственную гримасу.

Я не знаю. Но знаю точно: если ты захочешь остаться и быть с ним, я тебя поддержу, хотя, возможно, я так говорю только потому, что ты вряд ли откажешься от Джульярда. Но я пойму, если ты выберешь любовь — к Адаму, а не к музыке. Ты в любом случае выиграешь и в любом случае проиграешь. Что я могу тебе сказать? Любовь — жуткая стерва.

Потом мы говорили об этом с Адамом еще один раз. Мы сидели в «Доме рока», на его матрасе. Адам что-то наигрывал на акустической гитаре.

— Я могу не поступить, — сказала я. — Могу, в конце концов, остаться в нашем университете. В душе я даже надеюсь, что меня не примут и не придется выбирать.

— Но если тебя примут, то выбор уже сделан? — спросил Адам.

Да, так и было. Я бы уехала. Это не значило, что я разлюбила бы Адама или что мы бы разошлись, но и мама, и он все понимали верно. Я бы не отказалась от Джульярда.

Почти целую минуту Адам молчал, дергая струны гитары так громко, что я едва расслышала его следующие слова.

— Я не хочу влиять на твой выбор. Если бы я был на твоём месте, ты бы меня отпустила.

"I kind of already have. In a way, you're already gone. To your own Juilliard," I said.

"I know," Adam said quietly. "But I'm still here. And I'm still crazy in love with you."

"Me, too," I said.

And then we stopped talking for a while as Adam strummed an unfamiliar melody. I asked him what he was playing.

"I'm calling it 'The Girlfriend's-Going-to-Juilliard-Leaving-My-Punk-Heart-in-Shreds Blues,'" he said, singing the title in an exaggeratedly twangy voice. Then he smiled that goofy shy smile that I felt like came from the truest part of him. "I'm kidding."

"Good," I said.

"Sort of," he added.

5:42 A.M.

Adam is gone. He suddenly rushed out, calling to Nurse Ramirez that he'd forgotten something important and would be back as soon as he could. He was already out the door when she told him that she was about to get off work. In fact, she just left, but not before making sure to inform the nurse who'd relieved Old Grumpy that "the young man with the skinny pants and messy hair" is allowed to see me when he returns.

— В общем-то, я тебя уже отпустила. Ты как бы уже уехал, в свой собственный Джульярд, — сказала я.

— Да, знаю, — тихо ответил Адам. — Но я все-таки здесь. И по-прежнему безумно тебя люблю.

— И я, — призналась я.

Некоторое время мы молчали, Адам наигрывал незнакомую мелодию. Я спросила, что он играет.

— Блюз. Я назвал его: «Моя-девушка-уезжает-в-Джульярд-и-рвет-в-лохмотья-мое-панковское-сердце», — пропел он преувеличенно гнусавым голосом. Потом улыбнулся той глуповатой застенчивой улыбочкой, которая, по моим ощущениям, рождалась в самых искренних глубинах его сердца: — Шучу.

— Хорошо, — сказала я.

— Типа того, — добавил он.

05:42

Адам ушел. Он выскочил внезапно, крикнув сестре Рамирес, что забыл кое-что очень важное и скоро вернется. Он уже почти выбежал за дверь, когда она сказала ему вдогонку, что ее дежурство заканчивается. И теперь она тоже ушла, но сначала предупредила медсестру, сменившую старую ворчунью, что «молодому человеку в тесных штанах и с вороньим гнездом на голове» можно войти ко мне, когда он вернется.

Not that it matters. Willow rules the school now. She has been marching the troops through here all morning. After Gran and Gramps and Adam, Aunt Kate stopped by. Then it was Aunt Diane and Uncle Greg. Then my cousins shuffled in. Willow's running to and fro, a gleam in her eye. She's up to something, but whether it's trotting out loved ones to lobby on behalf of my continuing my earthly existence or whether she's simply bringing them in to say good-bye, I can't say.

Now it's Kim's turn. Poor Kim. She looks like she slept in a Dumpster. Her hair has staged a full-scale rebellion and more of it has escaped her mangled braid than remains tucked inside. She's wearing one of what she calls her "turd sweaters," the greenish, grayish, brownish lumpy masses her mom is always buying her. At first, Kim squints at me, as if I'm a bright, glaring light. But then it's like she adjusts to the light and decides that even though I may look like a zombie, even though there are tubes sticking out of every which orifice, even though there's blood on my thin blanket from where it's seeped through the bandages, I'm still Mia and she's still Kim. And what do Mia and Kim like to do more than anything? Talk.

Kim settles into the chair next to my bed.

"How are you doing?" she asks.

Не то чтобы это имело значение. Теперь парадом командует Уиллоу. Она водила сюда семейные войска все утро. После бабушки, дедушки и Адама заглянула тетя Кейт. Потом пришли тетя Диана с дядей Грегом. За ними просочились двоюродные братья и сестры. Уиллоу снует туда-сюда, а в ее глазах сверкают искорки. Она что-то понимает, но я не знаю точно, зачем она приводит ко мне родных: как-то повлиять на меня, чтобы я продолжала жить, или просто попрощаться.

Теперь очередь Ким. Бедная Ким, она выглядит так, будто ночевала в мусорном контейнере. Ее волосы устроили настоящий бунт, и в распустившейся косе их осталось куда меньше, чем выбилося на свободу. Ким в одном из своих «навозных свитерков» — так она называет мешковатые хламиды зеленоватых, сероватых и буроватых цветов, которые ей постоянно покупает мать. Сначала Ким щурится на меня, словно на яркий, ослепительный свет. Но потом будто бы привыкает к освещению и решает: пусть я выгляжу как зомби, пусть провода и трубки торчат у меня из всех отверстий, пусть даже мое тонкое одеяло испачкано кровью, просочившейся через повязки, я все та же Мия, а она все та же Ким. А что Мия с Ким больше всего любят делать? Болтать.

Ким устраивается на стуле рядом с моей кроватью и спрашивает:

— Ну, как ты тут?

I'm not sure. I'm exhausted, but at the same time Adam's visit has left me... I don't know what. Agitated. Anxious. Awake, definitely awake. Though I couldn't feel it when he touched me, his presence stirred me up anyhow. I was just starting to feel grateful that he was here when he booked out of here like the devil was chasing him. Adam has spent the last ten hours trying to get in to see me, and now that he finally succeeded, he left ten minutes after arriving. Maybe I scared him. Maybe he doesn't want to deal. Maybe I'm not the only chickenshit around here. After all, I spent the last day dreaming of him coming to me, and when he finally staggered into the ICU, if I had the strength, I would've run away.

"Well, you would not believe the crazy night it's been," Kim says. Then she starts telling me about it. About her mom's hysterics, about how she lost it in front of my relatives, who were very gracious about the whole thing. The fight they had outside the Roseland Theater in front of a bunch of punks and hipsters. When Kim shouted at her crying mother to "pull it together and start acting like the adult around here" and then stalked off into the club leaving a shocked Mrs. Schein at the curb, a group of guys in spiked leather and fluorescent hair cheered and high-fived her. She tells me about Adam, his determination to get in to see me, how

Не знаю, что ей ответить. Я вымотана до предела, но в то же время приход Адама оставил меня... даже не знаю какой. Возбужденной, что ли. Взволнованной. Проснувшейся, да, совершенно проснувшейся. Хотя я и не смогла ощутить его прикосновение, само его присутствие встряхнуло меня. Однако не успела я как следует обрадоваться его появлению, как он вдруг вылетел из палаты, словно за ним по пятам гнался дьявол. Последние десять часов Адам пытался попасть ко мне и, когда это ему наконец удалось, сбежал через десять минут после прихода. Может, я напугала его. Может, он не захотел иметь со мной дело. Может, я здесь не единственная трусиха. В конце концов, и я ведь целый день мечтала, чтобы Адам пришел, а когда его пустили, сбежала бы, найдись у меня силы.

— Ты не поверишь, какой сумасшедший был вчера вечер, — говорит Ким и начинает мне обо всем рассказывать. Об истериках своей матери, о том, как она закатила сцену перед моими родственниками, которые были очень снисходительны и милы. О скандале, случившемся у них при входе в «Роузленд театр» перед толпой панков и хипстеров. Как Ким заорала на рыдающую мать: «Сейчас же соберись и начни вести себя как взрослая», а потом зашагала в здание, оставив шокированную миссис Шейн на тротуаре, и группа парней в коже и шипах, с волосами кислотных цветов восхищенно хлопала ее по ладони.

after he got kicked out of the ICU, he enlisted the help of his music friends, who were not at all the snobby scenesters she'd imagined them to be. Then she told me that a bona fide rock star had come to the hospital on my behalf.

Of course, I know almost everything that Kim is telling me, but there is no way that she'd know that. Besides, I like having her recount the day to me. I like how Kim is talking to me normally, like Gran did earlier, just jabbering on, spinning a good yarn, as if we were together on my porch, drinking coffee (or an iced caramel frappuccino in Kim's case) and catching up.

I don't know if once you die you remember things that happened to you when you were alive. It makes a certain logical sense that you wouldn't. That being dead will feel like before you were born, which is to say, a whole lot of nothingness. Except that for me, at least, my prebirth years aren't entirely blank. Every now and again, Mom or Dad will be telling a story about something, about Dad catching his first salmon with Gramps, or Mom remembering the amazing Dead Moon concert she saw with Dad on their first date, and I'll have an overpowering *déjà vu*. Not just a sense that I've heard the story before, but that I've lived it. I can picture myself sitting on the riverbank as Dad pulls a hot-pink coho out of the water, even though

Она рассказывает об Адаме, о его решимости по-видать меня, о том, что, когда его не пустили ко мне в палату, он позвал на помощь своих друзей-музыкантов, которые оказались вовсе не такими надутыми тусовщиками, как она полагала. Потом Ким сообщает, что ради меня в больницу пришла настоящая рок-звезда.

Конечно, из ее рассказа я вряд ли услышу что-то новое, но она-то об этом не знает. Кроме того, мне нравится ее изложение вчерашних событий. Нравится, что Ким разговаривает со мной как обычно, совсем как бабушка до нее. Она просто болтает, травит уморительные байки, будто мы сидим на нашей террасе, попиваем кофе (в ее случае — ледяной карамельный фрапучино) и сплетничаем.

Не знаю, правда это или нет, что человек после смерти вспоминает все случившееся с ним при жизни. По здравом размышлении, после смерти вообще не должно быть никаких ощущений, как и до рождения, то есть абсолютная пустота, небытие. Однако для меня, например, годы до моего появления на свет не так уж пусты. Родители то и дело рассказывают какие-нибудь истории: папа вспоминает своего первого лосося, которого он поймал, когда рыбачил с дедушкой, маме не дает покоя потрясающий концерт «Дед мун», на который они с папой пошли на первом свидании, а у меня случается мощное дежавю. Мне не просто кажется, что я слышала эту историю прежде, — нет, я чувствую, что прожила ее.

Dad was all of twelve at the time. Or I can hear the feedback when Dead Moon played “D.O.A.” at the X-Ray, even though I’ve never heard Dead Moon play live, even though the X-Ray Café shut down before I was born. But sometimes the memories feel so real, so visceral, so personal, that I confuse them with my own.

I never told anyone about these “memories.” Mom probably would’ve said that I was there — as one of the eggs in her ovaries. Dad would’ve joked that he and Mom had tortured me with their stories one too many times and had inadvertently brainwashed me. And Gran would’ve told me that maybe I was there as an angel before I chose to become Mom and Dad’s kid.

But now I wonder. And now I hope. Because when I go, I want to remember Kim. And I want to remember her like this: telling a funny story, fighting with her crazy mom, being cheered on by punkers, rising to the occasion, finding little pockets of strength in herself that she had no idea she possessed.

Adam is a different story. Remembering Adam would be like losing him all over again, and I’m not sure if I can bear that on top of everything else.

Я отчетливо вижу, как сижу на берегу, а папа вытаскивает из воды сверкающего розового кижуча, хотя папе в ту пору было всего двенадцать. И я слышу, как фонила аппаратура, когда «Дед мун» заиграли «D. O. A.» в «Икс-рей», пусть я никогда не видела «Дед мун» на сцене, а «Икс-рей» закрылся еще до моего рождения. Но иногда подобные воспоминания кажутся невероятно реальными, они идут из таких внутренних глубин, что я путаю их с моими собственными.

Я никогда никому не рассказывала об этих своих «воспоминаниях». Мама, наверное, сказала бы, что я там была — в виде яйцеклетки в ее яичниках. Папа пошутил бы: мол, они с мамой так загрузили меня своими историями, что нечаянно зомбировали. А бабушка сказала бы, что я, пожалуй, действительно там была — в виде ангела, еще до того, как выбрала родиться у моих мамы с папой.

Но сейчас мне любопытно. И я очень надеюсь. Потому что там, куда я уйду, хочу вспоминать Ким. Я хочу запомнить ее именно такой: рассказывающей смешные байки, скандалящей со своей сумасшедшей мамашей, одобряемой панками, всегда оказывающейся на высоте и находящей в себе маленькие запасы силы, о которых и не подозревала.

Адам — другое дело. Вспоминать Адама означало бы терять его снова и снова, и я не уверена, что смогу вынести еще и это.

Kim's up to the part of Operation Distraction, when Brooke Vega and a dozen assorted punks descended upon the hospital. She tells me that before they got to the ICU, she was so scared of getting into trouble, but how when she burst inside the ward, she'd felt exhilarated. When the guard had grabbed her, she hadn't been scared at all.

"I kept thinking, what's the worst that could happen? I go to jail. Mom has a conniption. I get grounded for a year." She stops for a minute. "But after what's happened today, that would be nothing. Even going to jail would be easy compared to losing you."

I know that Kim's telling me this to try to keep me alive. She probably doesn't realize that in a weird way, her remark frees me, just like Gramps's permission did. I know it will be awful for Kim when I die, but I also think about what she said, about not being scared, about jail being easy compared to losing me. And that's how I know that Kim will be okay. Losing me will hurt; it will be the kind of pain that won't feel real at first, and when it does, it will take her breath away. And the rest of her senior year will probably suck, what with her getting all that cloying your-best-friend's-dead sympathy that will drive her so crazy, and also because really, we are each other's only close friend at school. But she'll deal. She'll move on. She'll leave Oregon. She'll go to college. She'll make new

Ким перешла к истории про операцию «Отвлекающий маневр», когда в больницу нагрянула Брук Вега с дюжиной панков всех мастей. Ким рассказывает, что ужасно боялась неминуемых неприятностей, пока они не ворвались в палату, а потом ее вдруг охватило безудержное веселье. Когда охранник схватил ее, было совсем не страшно.

— Я все думала: что может быть еще хуже? Я попаду в тюрьму. У мамы будет истерика. Я сяду на год. — Она на секунду умолкла. — Но после того, что случилось сегодня, это будут сущие пустяки. Даже пойти в тюрьму было бы легче, чем потерять тебя.

Я знаю, Ким говорит мне это, чтобы удержать. Наверняка она не понимает, что странным образом ее признание освобождает меня, как раньше дедушкино разрешение. Я верю, для Ким моя смерть будет ужасным горем, но не могу забыть ее слова о том, что ей больше не страшно, что легче сесть в тюрьму, чем потерять меня. Именно поэтому я не сомневаюсь, что с ней все будет в порядке. Конечно, мой уход причинит ей боль: такую, которая сначала кажется едва заметной, а потом наваливается так, что невозможно вздохнуть. И остаток ее последнего учебного года наверняка пройдет отвратительно: и потому, что сочувственное кудахтанье «ах-она-потеряла-лучшую-подругу» будет ее чудовищно бесить, и потому, что в школе, кроме меня, у нее не бы-

friends. She'll fall in love. She'll become a photographer, the kind who never has to go on a helicopter. And I bet she'll be a stronger person because of what she's lost today. I have a feeling that once you live through something like this, you become a little bit invincible.

I know that makes me a bit of a hypocrite. If that's the case, shouldn't I stay? Soldier through it? Maybe if I'd had some practice, maybe if I'd had more devastation in my life, I would be more prepared to go on. It's not that my life has been perfect. I've had disappointments and I've been lonely and frustrated and angry and all the crappy stuff everyone feels. But in terms of heartbreak, I've been spared. I've never toughened up enough to handle what I'd have to handle if I were to stay.

Kim is now telling me about being rescued from certain incarceration by Willow. As she describes how Willow took charge of the whole hospital, there is such admiration in her voice. I picture Kim and Willow becoming friends, even though there are twenty years between them. It makes me happy

ло друзей. Но Ким справится; она все преодолеет и многого добьется. Она уедет из Орегона, поступит в университет, найдет новых друзей. Влюбится. Станет фотографом — таким, которому не нужно летать на вертолетах. Могу поспорить, Ким будет намного сильнее из-за сегодняшней потери. У меня есть ощущение, что, когда проходишь через подобные трудности, становишься немного неуязвимым.

Понимаю, с моей стороны это некоторое лицемерие. Если все так, не стоит ли мне остаться? И мужественно пройти через эти испытания? Возможно, будь у меня чуть больше опыта, будь в моей жизни больше опустошительных трагедий, я бы оказалась более подготовлена к борьбе. Не то чтобы моя жизнь была идеальной. У меня случались разочарования, я обманывалась в своих ожиданиях, чувствовала одиночество, досаду и злость — словом, переживала то же дерьмо, что и все люди. Но большое горе меня до сих пор обходило стороной. Я не закалилась достаточно, чтобы справиться с тем, с чем пришлось бы иметь дело, если бы я должна была остаться.

Теперь Ким рассказывает, как от неминуемого ареста их спасла Уиллоу. Когда она описывает, как Уиллоу построила по струнке всю больницу, в ее голосе звучит восхищение. Я тут же представляю, что Ким и Уиллоу подружатся, пусть даже между ними двадцать лет разницы. Ме-

to imagine them drinking tea or going to the movies together, still connected to each other by the invisible chain of a family that no longer exists.

Now Kim is listing all the people who are at the hospital or who have been, during the course of the day, ticking them off with her fingers:

“Your grandparents and aunts, uncles, and cousins. Adam and Brooke Vega and the various rabble-rousers who came with her. Adam’s band-mates Mike and Fitzy and Liz and her girlfriend, Sarah, all of whom have been downstairs in the waiting room since they got heaved out of the ICU. Professor Christie, who drove down and stayed half the night before driving back so she could sleep a few hours and shower and make some morning appointment she had. Henry and the baby, who are on their way over right now because the baby woke up at five in the morning and Henry called us and said that he could not stay at home any longer. And me and Mom,” Kim concludes. “Shoot. I lost count of how many people that was. But it was a lot. And more have called and asked to come, but your aunt Diane told them to wait. She says that we’re making enough nuisance of ourselves. And I think by ‘us,’ she means me and Adam.” Kim stops and smiles for a split second. Then she makes this funny noise, a cross between a cough and a throat-clearing. I’ve heard her make this sound before; it’s what she does when she’s summoning her courage, getting

ня несказанно радуют воображаемые картины, как они пьют вместе чай или ходят в кино, по-прежнему связанные друг с другом невидимой ниточкой уже несуществующей семьи.

Ким перечисляет всех людей, которые дежурят в больнице сейчас или приходили в течение дня, загибая по пальцу на каждого.

— Твои бабушка и дедушка, тети, дяди, двоюродные братья и сестры. Адам и Брук Вега с ее бузотерами. Ребята из группы Адама: Майк, Фитци, и Лиз, и ее девушка Сара — все они сидят внизу в комнате ожидания с тех пор, как их выпроводили из твоей палаты. Еще профессор Кристи, она провела здесь полночи, но потом уехала, чтобы немного поспать, принять душ и успеть на какую-то важную утреннюю встречу. Генри с ребенком, они едут сюда прямо сейчас, потому что ребенок проснулся в пять утра, и Генри позвонил и сказал, что больше не может торчать дома. И мы с мамой, — завершает Ким. — Блин, я уже сбилась со счета, сколько народу получилось. Но уж точно много. И еще больше людей звонили и хотели приехать, но твоя тетя Диана попросила их подождать. Она сказала, что мы и так доставляем всем кучу неприятностей. Думаю, что под словом «мы» она подразумевала меня и Адама. — Ким на секунду останавливается и улыбается. Потом издает такой смешной звук: нечто среднее между чиханием и кашлем. Я слышала его и раньше: она так делает, когда

ready to jump off the rocks and into the bracing river water.

"I do have a point to all this," she continues. "There are like twenty people in that waiting room right now. Some of them are related to you. Some of them are not. But we're all your family."

She stops now. Leans over me so that the wisps of her hair tickle my face. She kisses me on the forehead.

"You still have a family," she whispers.

Last summer, we hosted an accidental Labor Day party at our house. It had been a busy season. Camp for me. Then we'd gone to Gran's family's Massachusetts retreat. I felt like I had barely seen Adam and Kim all summer. My parents were lamenting that they hadn't seen Willow and Henry and the baby in months.

"Henry says she's starting to walk," Dad noted that morning. We were all sitting in the living room in front of the fan, trying not to melt. Oregon was having a record heat wave. It was ten in the morning and pushing ninety degrees.

Mom looked up at the calendar.

"She's ten months old already. Where has the time gone?" Then she looked at Teddy and me. "How is it humanly possible that I have a daughter who's starting her senior year in high school? How in the hell can my baby boy be starting second grade?"

собирается с духом, готовясь прыгнуть со скалы в холодные воды реки.

— К чему я это все говорю-то, — продолжает подруга. — Здесь, в комнате ожидания, около двадцати человек, прямо сейчас. Одни твои родственники, другие — нет, но мы все твоя семья.

Теперь она умолкает. Потом наклоняется надо мной так, что пряди ее волос щекочут мое лицо, и целует меня в лоб.

— У тебя по-прежнему есть семья, — шепчет она.

Прошлым летом мы неожиданно устроили вечеринку в честь Дня труда. Лето выдалось напряженным. Сначала мой лагерь, потом мы ездили к бабушкиной семье на Массачусетское сборище. Мне казалось, что я не видела Адама и Ким все лето. Мои родители плакались, что месяцами не встречались с Уиллоу, Генри и их дочуркой.

— Генри говорит, она начинает ходить, — заметил папа в то утро. Мы все сидели в гостиной перед вентилятором, чтобы не растаять: Орегон накрыла волна небывалой жары. Было десять утра и больше тридцати градусов.

Мама взглянула на календарь.

— Ей уже десять месяцев. Куда девается время? — Потом она посмотрела на нас с Тедди: — Как это вообще возможно, что моя дочь последний год в школе? Когда, черт возьми, мой малыш успел пойти во второй класс?

"I'm not a baby," Teddy shot back, clearly insulted.

"Sorry, kid, unless we have another one, you'll always be my baby."

"Another one?" Dad asked with mock alarm.

"Relax. I'm kidding — for the most part," Mom said. "Let's see how I feel when Mia leaves for college."

"I'm gonna be eight in December. Then I'm a man and you'll have to call me 'Ted,'" Teddy reported.

"Is that so?" I laughed, spraying orange juice through my nose.

"That's what Casey Carson told me," Teddy said, his mouth set into a determined line.

My parents and I groaned. Casey Carson was Teddy's best friend, and we all liked him a lot and thought his parents seemed like such nice people, so we didn't get how they could give their child such a ridiculous name.

"Well, if Casey Carson says so," I said, giggling, and soon Mom and Dad were laughing, too.

"What's so funny?" Teddy demanded.

"Nothing, Little Man," Dad said. "It's just the heat."

"Can we still do sprinklers today?" Teddy asked.

— Я не малыш, — возразил Тедди, явно оскорбленный.

— Прости, сынок, но, пока у нас не будет другого малыша, ты всегда останешься моим малышом.

— Другого? — переспросил папа с наигранным ужасом.

— Расслабься, я шучу — местами, — сказала мама. — Посмотрим, как я себя буду чувствовать, когда Мия закончит университет.

— Мне уже будет восемь в декабре. Тогда я стану мужчиной, и вам придется называть меня «Тед», — заявил Тедди.

— Правда? — Я фыркнула так, что апельсиновый сок брызнул из носа.

— Так мне Кейси Карсон сказал, — сообщил Тедди, решительно сжав губы.

Мы с родителями застонали. Кейси Карсон был лучшим другом Тедди, и всем нам он очень нравился. Однако мы не могли уразуметь, как его родители, весьма приятные на вид люди, сподобились дать сыну такое нелепое имечко.

— Ну, раз Кейси Карсон так говорит... — хихикнув, протянула я, и мама с папой тоже расхохотались.

— Что такого смешного? — спросил Тедди.

— Ничего, маленький мужчина, — ответил папа. — Это все от жары.

— А можно, мы сегодня опять включим брызгалки? — запрыгал Тедди.

Dad had promised him he could run through the sprinklers that afternoon even though the governor had asked everyone in the state to conserve water this summer. That request had peeved Dad, who claimed that we Oregonians suffer eight months of rain a year and should be exempt from ever worrying about water conservation.

"Damn straight you can," Dad said. "Flood the place if you want."

Teddy seemed placated.

"If the baby can walk, then she can walk through the sprinklers. Can she come into the sprinklers with me?"

Mom looked at Dad.

"That's not a bad idea," she said. "I think Willow's off today."

"We could have a barbecue," Dad said. "It is Labor Day and grilling in this heat would certainly qualify as labor."

"Plus, we've got a freezer full of steaks from when your father decided to order that side of beef," Mom said. "Why not?"

"Can Adam come?" I asked.

"Of course," Mom said. "We haven't seen much of your young man lately."

"I know," I said. "Things are starting to happen for the band," I said.

At the time I was excited about it. Genuinely and completely. Gran had only recently planted the

Папа пообещал разрешить ему днем пробежать через разбрызгиватели, хотя губернатор просил всех побереечь воду нынешним летом. Эта просьба привела папу в негодование: он заявил, что мы, орегонцы, восемь месяцев в году страдаем от дождей и уж нас-то следовало бы избавить от беспокойства насчет воды.

— Вот можно, черт побери, можно, — ответил папа. — Хоть все затопи, если хочешь.

Довольный, Тедди спросил:

— Если малышка уже ходит, тогда она тоже может пройти через брызгалки. Можно, она пойдет со мной?

Мама посмотрела на папу.

— А неплохая идея, — заметила она. — Вроде бы у Уиллоу сегодня выходной.

— Можно устроить барбекю, — сказал папа. — Сегодня же День труда, а жарить мясо по такой жаре уж точно труд.

— Плюс к тому, у нас полный холодильник стейков с тех пор, как твой папа решил заказать сразу половину говяжьей туши, — добавила мама. — Почему бы и нет?

— А можно Адаму прийти? — спросила я.

— Конечно, — ответила мама. — В последнее время мы нечасто видели твоего юношу.

— Уж знаю, — сказала я, — у них в группе сейчас большие перемены.

В то время меня это искренне и глубоко радовало. Бабушка только-только заронила в мою

seed of Juilliard in my head, but it hadn't taken root. I hadn't decided to apply yet. Things with Adam had not gotten weird yet.

"If the rock star can handle a humble picnic with squares like us," Dad joked.

"If he can handle a square like me, he can handle squares like you," I joked back. "I think I'll invite Kim, too."

"The more the merrier," Mom said. "We'll make it a blowout like in the olden days."

"When dinosaurs roamed the earth?" Teddy asked.

"Exactly," Dad said. "When dinosaurs roamed the earth and your mom and I were young."

About twenty people showed up. Henry, Willow, the baby, Adam, who brought Fitzzy, Kim, who brought a cousin visiting from New Jersey, plus a whole bunch of friends of my parents whom they had not seen in ages. Dad hauled our ancient barbecue out of the basement and spent the afternoon scrubbing it. We grilled up steaks and, this being Oregon, tofu pups and veggie burgers. There was watermelon, which we kept cool in a bucket of ice, and a salad made with vegetables from the organic farm that some of Mom and Dad's friends

голову семечко светлого консерваторского будущего, но оно пока не проросло. Я еще не решила подавать заявление. И в отношениях с Адамом натянутость пока не появилась.

— Если, конечно, рок-звезда станет связываться с такими занудами, как мы, и нашим скромным пикником, — сострил папа.

— Если уж он связался с такой занудой, как я, то уж с такими занудами, как вы, и подавно не откажется, — отшутилась я. — Пожалуй, и Ким позову.

— Чем больше народа, тем веселее, — решила мама. — Устроим кутеж, как в старые добрые времена.

— Когда по земле бродили динозавры? — невинно вмешался Тедди.

— Именно, — подтвердил папа. — Когда по земле бродили динозавры, а мы с вашей мамой были молоды.

Собралось около двадцати человек. Генри, Уиллоу, их дочка, Адам и с ним Фитци, Ким, прихватившая гостью — кузину из Нью-Джерси, плюс целая куча друзей моих родителей, с которыми они уже сто лет не виделись. Папа выволок из подвала нашу старинную решетку для барбекю и полдня ее отскребал. Мы жарили мясо и, как повелось в Орегоне, делали хот-доги из тофу и вегетарианские бургеры. Был арбуз, охлажденный в ведре со льдом, и салат из овощей, выращенных на экоферме кого-то из родительских

had started. Mom and I made three pies with wild blackberries that Teddy and I had picked. We drank Pepsi out of these old-fashioned bottles that Dad had found at some ancient country store, and I swear they tasted better than the regular kind. Maybe it was because it was so hot, or that the party was so last minute, or maybe because everything tastes better on the grill, but it was one of those meals that you know you'll remember.

When Dad turned on the sprinkler for Teddy and the baby, everyone else decided to run through it. We left it on so long that the brown grass turned into a big slippery puddle and I wondered if the governor himself might come and tell us off. Adam tackled me and we laughed and squirmed around on the lawn. It was so hot, I didn't bother changing into dry clothes, just kept dousing myself whenever I got too sweaty. By the end of the day, my sundress was stiff. Teddy had taken his shirt off and had streaked himself with mud. Dad said he looked like one of the boys from *Lord of the Flies*.

When it started to get dark, most people left to catch the fireworks display at the university or to see a band called Oswald Five-0 play in town. A handful of people, including Adam, Kim, Willow, and Henry, stayed. When it cooled off, Dad lit a campfire on the lawn, and we roasted marshmallows. Then the musical instruments appeared.

друзей. Мы с мамой испекли три пирога с дикой ежевикой, которую насобирали Тедди и я. Все пили пепси из бутылок старого образца — папа откопал их в каком-то древнем деревенском магазинчике, и, клянусь, вкус у нее был лучше, чем у современной. Может, из-за жары, или оттого, что вечеринка собралась так спонтанно, или потому, что на гриле все кажется вкуснее, — у нас получилась одна из тех трапез, которые запоминаются навсегда.

Когда папа включил для Тедди и малышки разбрызгиватель, все остальные тоже решили пробежать под ним. Мы не выключали его так долго, что бурая лужайка превратилась в огромную скользкую лужу, и я думала, когда же явится губернатор и прикажет нам отключить воду. Адам погнался за мной, и мы, смеясь, носились по газону. Было так жарко, что я и не думала переодеваться в сухое, просто пробежала под брызгалками, когда слишком потела. К концу дня мой сарафан стал жестким и тугим. Тедди снял рубашку и разрисовался грязью. Папа сказал, что он выглядит как герой «Повелителя мух».

Когда начало темнеть, большинство гостей уехали на шоу фейерверков, устроенное в университете, или в город, на концерт группы «Освальд пять-ноль». Осталась небольшая группа, в том числе Адам, Ким, Уиллоу и Генри. Когда стало попрохладней, папа развел на лужайке костер, и мы нажарили рисовой пастилы. Потом появи-

Dad's snare drum from the house, Henry's guitar from his car, Adam's spare guitar from my room. Everyone was jamming together, singing songs: Dad's songs, Adam's songs, old Clash songs, old Wipers songs. Teddy was dancing around, the blond of his hair reflecting the golden flames. I remember watching it all and getting that tickling in my chest and thinking to myself: This is what happiness feels like.

At one point, Dad and Adam stopped playing and I caught them whispering about something. Then they went inside, to get more beer, they claimed. But when they returned they were carrying my cello.

"Oh, no, I'm not giving a concert," I said.

"We don't want you to," Dad said. "We want you to play with us."

"No way," I said.

Adam had occasionally tried to get me to "jam" with him and I always refused. Lately he'd started joking about us playing air-guitar-air-cello duets, which was about as far as I was willing to go.

"Why not, Mia?" Kim said. "Are you such a classical-music snob?"

"It's not that," I said, suddenly feeling panicked. "It's just that the two styles don't fit together."

"Says who?" Mom asked, her eyebrows raised.

лись музыкальные инструменты: папин рабочий барабан из дома, гитара Генри из его машины, запасная гитара Адама из моей комнаты. Все играли вместе, импровизировали и пели песни: папины, Адама, старые хиты «Клэш» и «Уайперс». Тедди плясал вокруг, по его светлым волосам бегали блики золотого пламени. Помню, я смотрела на все это, в груди у меня щекотало, и я думала: «Вот это ощущение и есть счастье».

В какой-то момент я заметила, что папа с Адамом перестали играть и зашептались. Потом они ушли в дом, заявив, что принесут еще пива, но вернулись с моей виолончелью.

— Ой, нет, я не буду тут давать концерт, — запротестовала я.

— А нам и не надо, — сказал папа. — Мы хотим, чтобы ты поиграла с нами.

— Нет-нет-нет, — отбивалась я.

Адам иногда пытался уговорить меня «поджемовать» с ним, а я всегда отказывалась. Позже пошли шуточки про наш дуэт на воздушных инструментах — но дальше них мне заходить уж никак не хотелось.

— А почему нет, Мия? — удивилась Ким. — Неужели ты такой классик-сноб?

— Да не поэтому. — Я вдруг впала в легкую панику. — Просто наши стили плохо сочетаются друг с другом.

— И кто это сказал? — вздернула брови мама.

“Yeah, who knew you were such a musical segregationist?” Henry joked.

Willow rolled her eyes at Henry and turned to me.

“Pretty please,” she said as she rocked the baby to sleep in her lap. “I never get to hear you play anymore.”

“C’mon, Mee,” Henry said. “You’re among family.”

“Totally,” Kim said.

Adam took my hand and caressed the inside of my wrist with his fingers.

“Do it for me. I really want to play with you. Just once.”

I was about to shake my head, to reaffirm that my cello had no place among the jamming guitars, no place in the punk-rock world. But then I looked out at Mom, who was smirking at me, as if issuing a challenge, and Dad, who was tapping on his pipe, pretending to be nonchalant so as not to apply any pressure, and Teddy, who was jumping up and down — though I think it was because he was hopped up on marshmallows, not because he had any desire to hear me play — and Kim and Willow and Henry all peering at me like this really mattered, and Adam, looking as awed and proud as he always did when he listened to me play. And I was a little scared of falling on my face, of not blending, of making bad music. But everyone was looking at me so intently, wanting me to join in so much, and

— Да уж, не знали мы, что ты сторонница музыкальной сегрегации, — сдохмил Генри.

Уиллоу сделала в сторону мужа страшные глаза и повернулась ко мне.

— Ну пожа-а-алуйста, — попросила она, качая дочку на коленях. — А то я никогда не выберусь тебя послушать.

— Давай же, Мия, — сказал Генри. — Мы же все здесь семья.

— Точно, — поддержала Ким.

Адам взял меня за руку и погладил по запястью.

— Ну сделай это для меня. Я правда хочу сыграть с тобой. Всего разок.

Я уже собиралась помотать головой, утверждая, что моей виолончели нет места в гитарном «джеме», нет места в мире панк-рока. Но потом посмотрела на маму, улыбнувшуюся мне с вызовом, и на папу, притворно равнодушно постукивающего по своей трубке, чтобы не давить на меня, и на скачущего на месте Тедди — хотя он-то, подозреваю, прыгал под действием воздушно-рисовой пастилы, а не потому, что очень уж хотел послушать мою игру. И Ким, и Уиллоу, и Генри — все уставились на меня так, будто это было по-настоящему важно для них; а Адам принял такой же восторженный и гордый вид, как всегда, когда слушал меня. Я боялась, что ударю в грязь лицом, не смогу подстроиться или плохо сыграю. Но все так смотрели на меня, так жда-

I realized that sounding bad wasn't the worst thing in the world that could happen.

So I played. And even though you wouldn't think it, the cello didn't sound half bad with all those guitars. In fact, it sounded pretty amazing.

7:16 A.M.

It's morning. And inside the hospital, there's a different kind of dawn, a rustling of covers, a clearing of the eyes. In some ways, the hospital never goes to sleep. The lights stay on and the nurses stay awake, but even though it's still dark outside, you can tell that things are waking up. The doctors are back, yanking on my eyelids, shining their lights at me, frowning as they scribble notes in my chart as though I've let them down.

I don't care anymore. I'm tired of this all, and it will be over soon. The social worker is back on duty again, too. It looks like the night's sleep had little impact on her. Her eyes are still heavy, her hair a kinky mess. She reads my chart and listens to updates from the nurses on my bumpy night, which seems to make her even more tired. The nurse with the blue-black skin is also back. She greeted me by telling me how glad she was to see me this morning, how she'd been thinking about me last night, hoping I'd be here. Then she noticed the bloodstain on my blanket and tsked tsked before hustling off to get me a new one.

ли, что я присоединюсь... И я поняла: плохо сыграть — не самое худшее, что может случиться.

Так что я стала играть. И кто бы мог подумать, виолончель очень даже неплохо звучала среди всех этих гитар. По правде говоря, звучала она просто изумительно.

07:16

Утро. В больнице начинается свой рассвет: шуршание одеял, протирание глаз. В каком-то смысле больница никогда не ложится спать. Свет горит, медсестры бодрствуют, но даже хотя снаружи еще темно, можно почувствовать, как все пробуждается. Вернулись врачи; они поднимают мне веки, светят своими фонариками и, хмурясь, корябают отметки в моей медкарте, как будто я их подвела.

Мне уже все равно. Я устала от всего этого, и скоро оно закончится. Соцработница тоже вернулась на пост. Похоже, ночной сон не слишком ей помог. Глаза у нее по-прежнему припухшие, а волосы сбились в курчавую массу. Медсестра с иссиня-черной кожей тоже вернулась. Она поздоровалась со мной, сказав, что очень рада увидеть меня и что думала обо мне ночью и надеялась встретиться утром. Потом она замечает пятно крови на моем одеяле, огорченно цокает языком и спешит найти мне новое.

After Kim left, there haven't been any more visitors. I guess Willow has run out of people to lobby me with. I wonder if this deciding business is something that all the nurses are aware of. Nurse Ramirez sure knew about it. And I think the nurse with me now knows it, too, judging by how congratulatory she's acting that I made it through the night. And Willow seems like she knows it, too, with the way she's been marching everyone through here. I like these nurses so much. I hope they will not take my decision personally.

I am so tired now that I can barely blink my eyes. It's all just a matter of time, and part of me wonders why I'm delaying the inevitable. But I know why. I'm waiting for Adam to come back. Though it seems like he has been gone for an eternity, it's probably only been an hour. And he asked me to wait, so I will. That's the least I can do for him.

My eyes are closed so I hear him before I see him. I hear the raspy, quick rushes of his lungs. He is panting like he just ran a marathon. Then I smell the sweat on him, a clean musky scent that I'd bottle and wear as perfume if I could. I open my eyes. Adam has closed his. But the lids are puffy and pink, so I know what he's been doing. Is that why he went away? To cry without my seeing?

После Ким больше посетителей не было. Полагаю, у Уиллоу закончились люди, которые могли бы на меня повлиять. Я задумываюсь, знают ли про эту штуку с решением все медсестры. Сестра Рамирес точно знала, и, думаю, медсестра, наблюдающая за мной сейчас, тоже знает — судя по ее радости, что я пережила ночь. И Уиллоу, кажется, тоже понимает — раз уж притащила сюда всех и каждого. Мне очень нравятся эти медсестры. Надеюсь, они не воспримут мое решение близко к сердцу.

Сейчас я уже так устала, что едва могу моргнуть. Остается только ждать — и часть меня интересуется, почему я оттягиваю неизбежное. Но я знаю почему: я жду возвращения Адама. Хотя мне кажется, что его нет уже целую вечность, прошло, пожалуй, не больше часа. И он попросил меня подождать, так что я подожду. Уж это-то я могу для него сделать.

Мои глаза закрыты, так что я слышу его раньше, чем вижу. Я слышу хриплые быстрые движения воздуха в его легких. Он задыхается, будто только что пробежал марафон. Потом я ощущаю запах его пота — чистый мускусный аромат, который я бы с удовольствием закупила во флакон и носила, как духи. Я открываю глаза — его глаза закрыты. Веки у него припухшие и розовые, так что я понимаю, чем он занимался. Он за этим ушел? Поплакать, чтобы я не видела?

He doesn't so much sit in the chair as fall into it, like clothes heaped onto the floor at the end of a long day. He covers his face with his hands and takes deep breaths to steady himself. After a minute, he drops his hands into his lap.

"Just listen," he says with a voice that sounds like shrapnel.

I open my eyes wide now. I sit up as much as I can. And I listen.

"Stay." With that one word, Adam's voice catches, but he swallows the emotion and pushes forward. "There's no word for what happened to you. There's no good side of it. But there is something to live for. And I'm not talking about me. It's just... I don't know. Maybe I'm talking shit. I know I'm in shock. I know I haven't digested what happened to your parents, to Teddy..." When he says Teddy, his voice cracks and an avalanche of tears tumbles down his face. And I think: I love you.

I hear him take gulps of air to steady himself. And then he continues:

"All I can think about is how fucked up it would be for your life to end here, now. I mean, I know that your life is fucked up no matter what now, forever. And I'm not dumb enough to think that I can undo that, that anyone can. But I can't wrap my mind around the notion of you not getting old, having kids, going to Juilliard, getting to play that cello in front of a huge audience, so that they can get the chills the way I do every time

Адам не столько садится на стул, сколько падает, словно одежда, сброшенная на пол в конце долгого дня. Он закрывает лицо руками и глубоко дышит, чтобы прийти в себя. Но через минуту роняет руки на колени.

— Просто послушай. — Его голос дребезжит, словно битое стекло.

Я широко открываю глаза, выпрямляюсь, насколько могу, и слушаю.

— Останься. — Адам запинается, но сглатывает и торопливо продолжает: — Нет слов для того, что с тобой случилось. В этом нет никакой хорошей стороны. Но есть что-то, ради чего стоит жить. И я даже не о себе говорю. Это просто... ну, не знаю. Может, я бред несу. Понимаю, я в шоке, я еще не переварил того, что случилось с твоими родителями, с Тедди... — На имени Тедди его голос срывается, и по лицу лавиной катятся слезы. — Но я все время думаю: «Я люблю тебя».

Я слушаю, как Адам глотает воздух, чтобы успокоиться. Потом он продолжает:

— Все, о чем я могу думать, — как глупо будет, если твоя жизнь закончится вот так: здесь, сейчас. То есть я понимаю, что прежняя твоя жизнь уже закончилась, навсегда. И я не настолько туп, чтобы думать, будто смогу это исправить, будто кто-нибудь сможет это исправить. Но у меня в голове не уместается, что ты не постареешь, не заведешь детей, не поедешь в Джульярд, не будешь играть на своей виолончели

I see you pick up your bow, every time I see you smile at me.

“If you stay, I’ll do whatever you want. I’ll quit the band, go with you to New York. But if you need me to go away, I’ll do that, too. I was talking to Liz and she said maybe coming back to your old life would just be too painful, that maybe it’d be easier for you to erase us. And that would suck, but I’d do it. I can lose you like that if I don’t lose you today. I’ll let you go. If you stay.”

Then it is Adam who lets go. His sobs burst like fists pounding against tender flesh.

I close my eyes. I cover my ears. I cannot watch this. I cannot hear this.

But then, it is no longer Adam that I hear. It’s that sound, the low moan that in an instant takes flight and turns into something sweet. It’s the cello. Adam has placed headphones over my lifeless ears and is laying an iPod down on my chest. He’s apologizing, saying that he knows this isn’t my favorite but it was the best he could do. He turns up the volume so I can hear the music floating across the morning air. Then he takes my hand.

перед огромными залами, чтобы у всех холодок бежал по спине, — как у меня всякий раз, когда я вижу, что ты берешь смычок, всякий раз, когда ты улыбаешься мне.

Если ты останешься, я сделаю все, что ты захочешь. Я уйду из группы, поеду с тобой в Нью-Йорк. А если тебе понадобится, чтобы я ушел из твоей жизни, я и это сделаю. Я говорил с Лиз, и она предположила, что возвращение к прежней жизни может стать для тебя слишком болезненным; что тебе может оказаться проще вычеркнуть нас. Это будет невыносимо, но я выдержу. Я смогу потерять тебя вот так, если не потеряю сегодня. Я отпущу тебя. Если ты останешься.

Тут Адам не выдерживает. Его рыдания пробиваются из груди, как кулаки, молотящие по мягкой плоти.

Я закрываю глаза, закрываю уши. Я не могу на это смотреть. Я не могу это слышать.

Но потом я слышу уже не Адама. Это иной звук: низкий стон, в одно мгновение взлетающий к небесам и переходящий в нежность и красоту. Виолончель. Адам надел наушники на мои неслышащие уши и сейчас кладет айпод мне на грудь. Извиняется: мол, он знает, что это не самая любимая моя пьеса, но лучше ему ничего не попало. Он делает звук погромче, и я слышу, как в утреннем воздухе разливается музыка. Адам берет меня за руку.

It is Yo-Yo Ma. Playing *Andante con poco e moto rubato*. The low piano plays almost as if in warning. In comes the cello, like a heart bleeding. And it's like something inside of me implodes.

I am sitting around the breakfast table with my family, drinking hot coffee, laughing at Teddy's chocolate-chip mustache. The snow is blowing outside.

I am visiting a cemetery. Three graves under a tree on a hill overlooking the river.

I am lying with Adam, my head on his chest, on a sandy bank next to the river.

I am hearing people say the word orphan and realize that they're talking about me.

I am walking through New York City with Kim, the skyscrapers casting shadows on our faces.

I am holding Teddy on my lap, tickling him as he giggles so hard he keels over.

I am sitting with my cello, the one Mom and Dad gave me after my first recital. My fingers caress the wood and the pegs, which time and touch have worn smooth. My bow is poised over the strings now. I am looking at my hand, waiting to start playing.

I am looking at my hand, being held by Adam's hand.

Yo-Yo Ma continues to play, and it's like the piano and cello are being poured into my body, the same way that the IV and blood transfusions

Это Йо-Йо Ма — он играет «Andante con poco e moto rubato». Тихая басовая партия пианино звучит как предостережение. Вступает виолончель — словно истекающее кровью сердце. И будто что-то рушится во мне.

Я сижу за утранным столом с моей семьей, пью горячий кофе, смеюсь над шоколадными усами Тедди. За окном кружится снег.

Я прихожу на кладбище — три могилы под деревом на холме, глядящем на реку.

Я лежу на песчаном берегу реки вместе с Адамом, моя голова покоится на его груди.

Я слышу, как люди произносят слово «сирота», и понимаю, что они говорят обо мне.

Я иду по Нью-Йорку с Ким, небоскребы бросают тени на наши лица.

Я держу Тедди на коленях, щекочу его, а он хохочет так, что опрокидывается навзничь.

Я сижу, обнимая виолончель — ту самую, которую мама с папой подарили мне после первого выступления. Мои пальцы ласкают деку и колки, ставшие гладкими от прикосновений. Смычок ложится на струны. Я смотрю на свою руку, ожидая начала музыки.

Я смотрю на свою руку в руке Адама.

Йо-Йо Ма продолжает играть, и пианино с виолончелью словно вливаются в мое тело, так же как раствор из капельницы и переливаемая кровь. На

are. And the memories of my life as it was, and the flashes of it as it might be, are coming so fast and furious. I feel like I can no longer keep up with them but they keep coming and everything is colliding, until I cannot take it anymore. Until I cannot be like this one second longer.

There is a blinding flash, a pain that rips through me for one searing instant, a silent scream from my broken body. For the first time, I can sense how fully agonizing staying will be.

But then I feel Adam's hand. Not sense it, but feel it. I'm not sitting huddled in the chair anymore. I'm lying on my back in the hospital bed, one again with my body.

Adam is crying and somewhere inside of me I am crying, too, because I'm feeling things at last. I'm feeling not just the physical pain, but all that I have lost, and it is profound and catastrophic and will leave a crater in me that nothing will ever fill. But I'm also feeling all that I have in my life, which includes what I have lost, as well as the great unknown of what life might still bring me. And it's all too much. The feelings pile up, threatening to crack my chest wide open. The only way to survive them is to concentrate on Adam's hand. Grasping mine.

And suddenly I just need to hold his hand more than I've ever needed anything in this world. Not just be held by it, but hold it back. I aim every re-

меня накатывают воспоминания о моей жизни, какой она была, и видения того, какой она могла бы быть, — стремительно, мощно и яростно. Я чувствую, что не поспеваю за ними, но они мчат сплошным потоком, и все сталкивается, перепутывается — а я больше не могу этого вынести. Я больше ни секунды не могу тут оставаться.

Ослепительная вспышка, жгучее мгновение режущей боли — молчаливый вопль моего переломанного тела. Впервые я ощущаю, как мучительно будет остаться.

Но потом я чувствую руку Адама — не вижу, а чувствую. Я больше не сижу, скорчившись на стуле. Я лежу на спине на больничной кровати, я снова едина со своим телом.

Адам рыдает, и где-то внутри себя я тоже плачу, потому что наконец-то все чувствую. Я ощущаю не только физическую боль, но все, что я потеряла, — и это абсолютная катастрофа. Она оставит во мне дыру размером с кратер, которую ничто никогда не заполнит. Но я также ощущаю все, что есть в моей жизни, включая потерянное, равно как и невообразимую неизвестность того, что жизнь еще может мне принести. И это уже слишком. Возбуждение растет, угрожая разорвать мне грудь. Единственный способ пережить его — сосредоточиться на руке Адама, сжимающей мою.

И мне вдруг становится необходимо тоже подержаться за него — ничто в мире никогда не было так нужно. Пусть не только он сжимает мою ру-

maining ounce of energy into my right hand. I'm weak, and this is so hard. It's the hardest thing I will ever have to do. I summon all the love I have ever felt, I summon all the strength that Gran and Gramps and Kim and the nurses and Willow have given me. I summon all the breath that Mom, Dad, and Teddy would fill me with if they could. I summon all my own strength, focus it like a laser beam into the fingers and palm of my right hand. I picture my hand stroking Teddy's hair, grasping a bow poised above my cello, interlaced with Adam's.

And then I squeeze.

I slump back, spent, unsure of whether I just did what I did. Of what it means. If it registered. If it matters.

But then I feel Adam's grip tighten, so that the grasp of his hand feels like it is holding my entire body. Like it could lift me up right out of this bed. And then I hear the sharp intake of his breath followed by the sound of his voice. It's the first time today I can truly hear him.

"Mia?" he asks.

ку, но и я его. Я направляю каждую оставшуюся каплю сил в свою правую руку. Я слаба, так что это очень трудно. Но я собираю всю когда-либо испытанную мною любовь, все силы, какие мне дали бабушка с дедушкой, и Ким, и медсестры. Я призываю всю энергию, которой наполнили бы меня мама, папа и Тедди, если бы могли. Собираю всю собственную силу, фокусирую ее, словно лазерный луч, в пальцах и ладони правой руки. Я представляю, как моя рука гладит волосы Тедди; сжимает смычок, занесенный над струнами виолончели; сплетается с рукой Адама.

И стискиваю пальцы.

Потом, ослабев, лежу — изможденная, не уверенная, правда ли у меня все получилось. Я не знаю, значит ли мое движение что-нибудь, замечено ли оно, важно ли.

Но тут рука Адама сжимается сильнее, как будто удерживает все мое тело. Как будто может поднять меня с этой кровати. А потом я слышу резкий вздох и любимый голос — первый раз сегодня я действительно его слышу.

— Мия? — спрашивает Адам.

Acknowledgments

Several people came together in a short amount of time to make *If I Stay* possible. It starts with Gillian Aldrich, who started crying (in a good way) when I told her about my idea. This proved to be quite a good motivator to get started.

Tamara Glenny, Eliza Griswold, Kim Sevcik, and Sean Smith took time out of their hectic schedules to read early drafts and offer much-needed encouragement. For their enduring generosity and friendship, I love and thank them. Some people help you keep your head straight; Marjorie Ingall helps me keep my heart straight, and for that I love and thank her. Thank you also to Jana and Moshe Banin.

Sarah Burnes is my agent in the truest sense of the word, harnessing her formidable intelligence, insight, passion, and warmth to shepherd the words that I write to the people who should read them. She and the superb Courtney Gatewood and Stephanie Cabot have made miracles happen where this book is concerned.

When I first met with the team at Penguin, I felt like I was sitting down with family. My extraordi-

Благодарности

Много людей за короткое время сошлись вместе, чтобы «Если я останусь» смогла появиться на свет. Началась эта книга с Джиллиан Олдрич, которая расчувствовалась (в хорошем смысле слова), когда я изложила ей свою идею. Это оказалось достаточным стимулом, чтобы я приступила к работе.

Тамара Гленни, Элиза Грисволд, Ким Севчик и Шон Смит нашли в своих напряженных графиках время, чтобы прочитать первые наброски и подарить мне столь необходимую поддержку. Я люблю и благодарю их за бесконечное великодушие и дружбу. Некоторые люди помогают сохранять присутствие духа; Марджори Инголл помогает мне сохранять присутствие сердца, и за это я люблю и благодарю ее. Спасибо также Джанне и Моше Банин.

Сара Бернс — мой агент в самом лучшем смысле этого слова: она вкладывает свой потрясающий интеллект и проницательность, страсть и теплоту, чтобы передать написанные мною слова людям, которые их прочтут. Они с великолепными Кортни Гейтвуд и Стефани Кейбот творили чудеса во всем, что касалось этой книги.

Впервые встретившись с командой «Penguin», я тут же ощутила, будто сижу в кругу семьи. Мой

nary editor, Julie Strauss-Gabel, has lavished Mia and her family (not to mention me) with the careful attention and love you'd hope to get from a relative. She is "Julie-special." Don Weisberg put both heart and muscle into this book, and the editorial, sales, marketing, publicity, and design people have all gone above and beyond, and for that I want to individually thank: Heather Alexander, Scottie Bowditch, Leigh Butler, Mary-Margaret Callahan, Lisa DeGroff, Erin Dempsey, Jackie Engel, Felicia Frazier, Kristin Gilson, Annie Hurwitz, Ras Shahn Johnson-Baker, Deborah Kaplan, Eileen Kreit, Kimberly Lauber, Rosanne Lauer, Stephanie Owens Lurie, Barbara Marcus, Casey McIntrye, Steve Meltzer, Shanta Newlin, Mary Raymond, Emily Romero, Holly Ruck, Jana Singer, Laurence Tucci, Allison Verost, Allan Winebarger, Courtney Wood, Heather Wood, and Lisa Yoskowitz. And finally a huge thank you to the field reps who worked so hard on behalf of this book. (Phew).

Music is a huge part of this story, and I drew a lot of inspiration from Yo-Yo Ma — whose own work informs much of Mia's story — and from Glen Hansard and Marketa Irglova, whose song "Falling Slowly" I probably listened to more than two hundred times while working on the book.

Thanks to my Oregon contingent: Greg and Diane Rios, who have been our compatriots through

невероятный редактор Джули Штраусс-Гейбл окружила Мию и ее семью (не говоря уже обо мне) самым пристальным вниманием и любовью, какие можно только надеяться получить от родных. Она «Джули-экстра». Дон Вайсберг вложил в эту книгу и сердце, и силу. Везде: в издательском процессе, продажах, маркетинге, рекламе и дизайне — люди превзошли себя и все возможное, и за это я хочу отдельно поблагодарить: Хедер Эликзандер, Скотти Боудитча, Ли Батлер, Мэри-Маргарет Каллахэн, Лайзу Дегрофф, Эрин Демпси, Джеки Энджел, Фелисию Фрезье, Кристин Гилсон, Энни Хервитц, Рас Шан Джонсон-Бейкер, Дебору Каплан, Эйлин Крейт, Кимберли Лаубер, Розанн Лауер, Стефани Оуэнс Лури, Барбару Маркус, Кейси Макинтри, Стива Мелтцера, Шанту Ньюлин, Мэри Рэймонд, Эмили Ромеро, Холли Рак, Джану Сингер, Лоренса Туччи, Эллисон Верост, Аллена Вайнбаргера, Кортни Вуд, Хедер Вуд и Лизу Йосковитц. И наконец, огромная моя благодарность всем местным агентам, изрядно потрудившимся ради моей книги. (Ффууух!)

Музыка — очень важная часть этой истории. Я получила море вдохновения от Йо-Йо Ма — его работы многое объясняют в жизни Мии, — а также от Глена Хэнсарда и Маркеты Иргловой, чью песню «Falling Slowly» я прослушала, наверное, раз двести, трудясь над этой книгой.

Спасибо моему орегонскому кружку: Грегу и Дайане Риос, которые все это время были наши-

all this. John and Peg Christie, whose grace, dignity, and generosity continue to move me. Jennifer Larson, M.D., an old friend and, as luck would have it an emergency room doctor, who enlightened me about Glasgow Coma Scales, among other medical details.

My parents — Lee and Ruth Forman — and my siblings — Tamar Schamhart and Greg Forman — are my cheerleaders and most steadfast fans, who ignore my failings (professional ones, anyhow) and celebrate my successes as if they were their own (which they are). Thank you also to Karen Forman, Robert Schamhart, and Detta Tucker.

I didn't immediately recognize how much of this book is about the way parents transform their lives for their children. Willa Tucker teaches me this lesson every day and is occasionally forgiving when I am too absorbed playing make-believe in my head to play make-believe with her.

Without my husband, Nick Tucker, none of this would be. I owe him everything.

Finally, my deepest thanks go to R.D.T.J., who inspire me in so many ways and who show me every single day that there is such a thing as immortality.

ми земляками. Джону и Пег Кристи, чьи любезность, достоинство и великодушие продолжают вдохновлять и трогать меня. Дженнифер Ларсон, моей давней подруге и, по счастливому стечению обстоятельств, врачу-реаниматологу: она просветила меня насчет коматозной шкалы Глазго, не говоря уж о прочих медицинских подробностях.

Мои родители, Ли и Рут Форман, и брат с сестрой, Тамар Шамхарт и Грег Форман, — моя группа поддержки, которая игнорирует мои неудачи (по крайней мере, профессиональные) и радуется моим успехам, как собственным (что чистая правда). Спасибо также Карен Форман, Роберту Шамхарту и Детте Такер.

Я не сразу поняла, как много в этой книге говорится о том, насколько родители меняют свою жизнь ради детей. Уилла Такер учит меня этому каждый день и прощает, когда я погружаюсь в игры своей фантазии слишком глубоко, чтобы играть и фантазировать с ней.

Без моего мужа, Ника Такера, ничего этого бы не было. Я всем обязана ему.

И наконец, моя глубочайшая благодарность тем, кто всячески вдохновляет меня и каждый день доказывает мне, что бессмертие существует.

Gayle Forman
IF I STAY
Copyright © 2015 by Gayle Forman Inc.

Перевод с английского А. Олефир

Оформление серии Н. Ярусовой

В коллаже на обложке использованы фотографии:

Aleshyn_Andrei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Форман, Гейл.

Ф79 Если я останусь. If I Stay / Гейл Форман ; [пер. с англ. А. Олефир]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 464 с.

Эту книгу сравнивают с романом Элис Сиболд «Милые кости», самым поразительным бестселлером начала XXI века, по единодушному мнению критики.

Мия, героиня романа, росла в очень хорошей, дружной семье, где все любил и берегли друг друга. После страшной катастрофы судьба поставила ее перед выбором — остаться среди живых или навсегда уйти в мир иной, последовав за самыми любимыми для нее людьми.

Одна за другой перед ней проносятся сцены ее счастливой жизни: первый концерт, первое свидание, болтовня с родителями за завтраком... Они всегда поддерживали ее и помогали не совершать ошибок. Но сейчас она должна принять решение самостоятельно.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Олефир А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090235-4

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Гейл Форман

**ЕСЛИ Я ОСТАНУСЬ.
IF I STAY**

Ответственный редактор *М. Яновская*

Художественный редактор *Н. Ярусова*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *Г. Кузьмина*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Одноруси: «Э» АКБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей,
Зорге көшесі, 1 үй. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талпықтар қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1. Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Оңдирүші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндiрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.10.2017.

Формат 76х100¹/₃₂. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,41.

Тираж

экз. Заказ

ISBN 978-5-04-090235-4

БИЛИНГВА **B** BESTSELLER

Для тех, кто хочет быть лучшим!

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И ПЕРЕВОД
НА СТРАНИЦАХ ОДНОЙ КНИГИ —
ЭТО ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ
ЗНАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Мия, героиня романа, росла в очень хорошей,
дружной семье, где все любили и берегли друг друга.

После страшной катастрофы судьба поставила ее
перед выбором — остаться среди живых или навсегда
уйти в мир иной, последовав за самыми любимыми
для нее людьми.

Одна за другой перед ней проносятся сцены
ее счастливой жизни: первый концерт, первое свидание,
болтовня с родителями за завтраком...

Они всегда поддерживали ее и помогали не совершать
ошибок. Но сейчас она должна принять решение
самостоятельно.

ISBN 978-5-04-090235-4

9 785040 902354 >